

№ 1, Том 9
2018

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Развитие человечества:
теоретический концепт
и социальная реальность**

/Погоня за призраком «счастья»

**/Религиозное оправдание
прав интеллекта**

/Любовь как ценность

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН;

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление» Института менеджмента и бизнеса Опорного Тюменского индустриального университета;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН;

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета (Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела социологии образования Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии ФНИСЦ РАН;

КОСЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

КРУММ Райнхардт – доктор философии, профессор Регенсбургского университета (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, Первый проректор и заведующий кафедрой социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, Почётный работник высшего профессионального образования РФ;

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия)

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – академик КАОН, профессор, вице-президент Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, декан факультета социологии СПбГУ;

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия));

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь факультета экономических наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Академии наук Монголии, профессор, директор Монгольской Академии управления (Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

Members of the Board:

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director, Academy of Management MPR (Mongolia)

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Marketing and Municipal Administration, Institute of Management and Business, Tyumen Industrial University (Russia)

KIVINEN Markku, Professor of Sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Finland)

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

KOSEŁA Krzysztof, Professor of the Institute of Sociology, University of Warsaw (Poland)

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Main Researcher, Head of the Department for the Analyzes Social and Political Processes of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) Professor of the University of Regensburg (Germany)

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Center for the Study of Social and Cultural Changes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Vice-Rector for Educational Activity, Head of the Department of Sociology, Kazan (Volga region) Federal University

MITROVIĆ Ljubilьa, Professor, Director of the Institute of Sociology, the University of Nis (Serbia)

MORGAN John W., Ph.D., Professor of the University of Nottingham (UK)

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology, the Siberian Federal University (Russia)

LI Peilin, Full Academician, Professor, Vice-President of the Chinese Academy of Social Sciences (China)

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian Studies, Shanghai Academy of Social Sciences (China)

POKROVSKY Nikita E., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics (Russia)

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg University (Russia)

TAMASH Pal, Professor, Academician of the Hungarian Academy of Engineering Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

TIKHONOVA Natalia Ye., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Main Researcher of the Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Editor in Chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia)

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ФНИСЦ РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – д.филос.н., профессор, руководитель центра исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии ФНИСЦ РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора, ФНИСЦ РАН; директор, Центр лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии ФНИСЦ РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – старший редактор Редакционно-издательского отдела Института социологии ФНИСЦ РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления Института социологии ФНИСЦ РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, вице-президент Европейской социологической ассоциации (ESA);

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЗУБОК Ю. А. – доктор социологических наук; профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН;

КЛЮЧАРЕВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки Института социологии ФНИСЦ РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director, FCTAS RAS;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of Research Center Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Soc.), Deputy Director of the FCTAS RAS; Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Rresearch;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Main Researches, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Развитие человечества: теоретический концепт и социальная реальность»	13
<i>Аксенова О. В., Халий И. А.</i> Современное развитие. К постановке темы исследования	13
<i>Давыдов А. П.</i> Основание развития как социокультурная проблема (к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума).....	27
<i>Вебер А. Б.</i> Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории	52
Занятость в современной России.....	76
<i>Коленникова Н. Д.</i> Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения	76
Факторы деструктивного влияния на общество.....	95
<i>Немировский В. Г., Немировская А. В., Булатова Т. А.</i> Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян	95
<i>Позднякова М. Е., Брюно В. В.</i> Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера.....	115
Трибуна молодого учёного	140
<i>Будникова Н. С.</i> Гражданское общество и органы власти в Республике Бурятия: развитие взаимодействия	140
<i>Латыпов И. А.</i> Культура как фактор формирования жизненных ценностей российских студентов и студентов из Узбекистана	155

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	9
The Theme of the Issue: “Development as Theoretical Concept”	13
<i>Aksenova O. V., Khaliy I. A.</i> Modern Development. Towards Designating a Research Topic	13
<i>Davydoff A. P.</i> The Basis of Development as a Socio-Cultural Issue (On the Question of the Mediation Theory of Western Society’s Evolution) ..	27
<i>Veber A. B.</i> The Paradoxes of Modern Development: Mankind on the Edge of a Historic Bifurcation	52
Employment in Modern Russia.....	76
<i>Kolennikova N. D.</i> The Economic Status of Russia’s Working Population: Objective and Subjective Dimensions	76
Factors of Destructive Influence on Society.....	95
<i>Nemirovsky V. G., Nemirovskaya A. V., Bulatova T. A.</i> Fear as a Factor in the Social a nd Cultural Deformations of Russians’ Life World	95
<i>Pozdniakova M. E., Bruno V. V.</i> The Societal Risk in the New Tendencies for Increasing Drug Use	115
Tribune of a Young Scientist.....	140
<i>Budnikova N. S.</i> Civil Society and Public Authorities in the Republic of Buriatia: The Development of Interactions	140
<i>Latypov I. A.</i> Culture as a Factor In the Formation of Vital Values Among Russian Students and Students from Ouzbekiston	155

**И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»**

Представляю номер

Выбор темы номера «Развитие человечества: теоретический концепт и социальная реальность» обоснован её высокой актуальностью в современном мире. И в развитых странах Запада, и на Востоке, и в России разворачиваются глубинные дискуссии по этой проблематике. Это вызвано, в первую очередь, сомнениями в оценке процесса глобализации, идейно-религиозными поисками путей развития в странах Ближнего Востока, борьбой векторов политики развития в США в условиях изменений на международной арене. В Европе на повестке дня оказалось развитие самого Евросоюза, а в России в условиях санкций очевидно стоит вопрос о способах развития экономики, государства и общества в новой, но уже устойчивой ситуации. Не случайно в 2018 г. опубликован очередной Доклад Римскому клубу, снова ставящий в центр внимания человечества экологическое состояние планеты. Политики всех мастей много об этом говорят, но системного подхода все ещё не обнаруживается. Не говоря уж о консолидированном. В данном выпуске Вестника учёные попытались поставить ряд ключевых вопросов по означенной теме. Кроме того, статьи обнаруживают и разнообразие выводов, касающихся современного развития.

В статье О. В. Аксеновой и И. А. Халий (Москва) «Современное развитие. К постановке темы исследования» показаны изменения в подходах к изучению развития на протяжении становления современного общества, а также особенности индустриального прогресса на Западе с позиций изменения субъектности человека в процессах производства и управления. Обозначена специфика российской индустриализации, в которой человек является субъектом прогрессивных перемен. Сделаны выводы о необходимости, во-первых, анализа современных тенденций, которые традиционно рассматриваются как ориентир для российского развития; во-вторых, выявления движущих механизмов традиционного развития, оценки возможностей и способов его соединения с современными технологиями.

В основе представления о развитии, предлагаемого в статье [А. П. Давыдова \(Москва\) «Основание развития как социокультурная проблема \(к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума\)»](#), лежит объективно существующее противоречие между старым и новым, которое автор концептуализирует через противоречие между культурой и обществом и через медиационный способ снятия этого противоречия. Предлагаемая концепция изучения развития содержит вопрос: как, где искать социокультурные смысловые пространства в мышлении человека и соответствующие ментальные настройки, нацеленные на развитие? Методология социокультурного анализа общества, применённая в данной статье, позволяет выявить логику и структуру медиационных процессов как основания и механизмов развития. Автор приходит к выводу, что общество, которое не сумеет встроиться в глобальный процесс развития, не будет иметь шансов для дальнейшего существования.

В статье [А. Б. Вебера \(Москва\) «Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории»](#) также рассматриваются проблемы мирового развития в условиях цивилизационного кризиса. Автор подчёркивает, что доминирующий тип развития, основанный на безудержном экономическом росте, привёл к нарушению биосферного равновесия. Экологические угрозы обозначили пределы роста – растяжимые благодаря техническому прогрессу, но вполне реальные. Политика глобализации усугубила ситуацию, обострив конкуренцию на мировых рынках и борьбу за доступ к ресурсам. Но пределы роста – это не предел социального развития. Существуют сферы, где предела нет: это сфера культуры, образования, искусства, спорта, творческой активности. Автор полагает, что именно развитие в данных сферах и может вывести человечество на путь сбалансированного развития.

В рубрике [«Занятость в современной России»](#) размещена статья [Н. Д. Коленниковой \(Москва\) «Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения»](#), в которой исследуются особенности распределения экономических статусов среди занятого населения России и взаимосвязи этих статусов с влияющими на экономическое благосостояние индивида факторами. Автор предлагает методику построения шкалы для замера объективных показателей экономического статуса работающего населения современной России. Сконструированная шкала позволила установить масштабы дифференциации массовых слоёв занятого населения России по их экономическому статусу и характер их распределения в соответствии с его показателями. Объективные показатели экономического статуса россиян сопоставляются с субъективными оценками этого статуса, что выявило наличие существенных расхождений между ними.

Следующая рубрика – [«Факторы деструктивного влияния на общество»](#). Актуальность социологического анализа этих факторов связана с социально-экономическими преобразованиями российского общества в течение последних трёх десятилетий, являющимися глубинными, радикальными трансформациями. Последние затронули все сферы жизнедеятельности общества, включая ценностные и поведенческие аспекты, на которых и сосредоточены исследования, представленные в статьях, помещённых в данной рубрике.

Статья [В. Г. Немировского](#) (Тюмень), [А. В. Немировской](#) (Москва) и [Т. А. Булатовой](#) (Томск) [«Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян»](#) посвящена выявлению специфики социокультурных деформаций жизненного мира россиян в целом, по сравнению с подобными деформациями населения ряда Восточных регионов страны: Урал (Тюменская обл.), Западная (Томская обл.) и Восточная Сибирь (Красноярский край). В качестве фактора деформации жизненного мира рассматриваются социальные страхи. Для анализа были выделены три важнейшие характеристики жизненного мира, прежде не изучавшиеся в данном контексте: локус контроля, темпоральная устойчивость (степень пессимизма/оптимизма) и удовлетворённость жизнью. Обнаружены два вида деформаций – общероссийские и региональные.

В статье [М. Е. Поздняковой](#) и [В. В. Брюно](#) (Москва) [«Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера»](#) представлены результаты исследований, посвящённых изучению новой наркоситуации в России. Отражены её особенности, вызвавшие новую волну наркотизации и трансформацию причинно-следственного комплекса, повлекшего переход к «новым» наркотикам и новым, так называемым «мягким» моделям потребления. Отмечено возросшее число потребителей за счёт вовлечения в незаконный оборот наркотиков граждан из социальных групп, ранее не входивших в так называемую группу риска. Выявлено внутреннее противоречие в социальных установках и повседневных представлениях россиян о наркотиках.

В рубрику [«Трибуна молодого учёного»](#) вошли две статьи, представляющие результаты исследований, что называется, с рабочего стола.

[Н. С. Будникова](#) (Улан-Удэ) в статье [«Гражданское общество и органы власти в Республике Бурятия: развитие взаимодействия»](#) представляет результаты исследования, целью которого было выявление эффективности использования служб по связям с общественностью при взаимодействии органов исполнительной власти с гражданским обществом. Было установлено, что их деятельность осуществляется фрагментарно и непоследовательно. Виртуализация органов власти в Бурятии становится всё более популярной. Но только единицы учрежде-

ний органов исполнительной власти в республике имеют представление в сети интернет и эффективно их используют для работы со своими целевыми аудиториями.

И. А. Латыпов (Москва) в статье «Культура как фактор формирования жизненных ценностей российских студентов и студентов из Узбекистана» на примере сравнительного исследования влияния русской и узбекской культур на жизненные ценности студентов Северного (Арктического) федерального университета показывает значимость традиций и обычаев. Определив различия между русской и узбекской культурами, которые выражаются в языке, религии, нормах и обычаях, дальнейший анализ автор посвящает рассмотрению основных жизненных ценностей. В фокусе внимания – три группы респондентов: узбеки из Узбекистана, русские из Узбекистана и русские из России. Приведён ранжированный список в порядке важности каждой ценности для всех трёх групп. Представлен анализ содержания ценностей, позволяющий определить сходства и различия между группами, и то, как культурные компоненты влияют на каждую из них.

Т е м а н о м е р а Развитие человечества: теоретический концепт и социальная реальность

С о в р е м е н н о е р а з в и т и е . К постановке темы исследования

Аксенова Ольга Владимировна –
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Халий Ирина Альбертовна –
доктор социологических наук, руководитель
Центра политологии и политической социологии,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Современное развитие. К постановке темы исследования

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.492](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.492)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исследования современного развития общества. Её цель заключается в постановке исследовательских проблем и вопросов для анализа развития на Западе и в России. Показаны изменения в подходах к изучению развития на протяжении становления современного общества, а также особенности индустриального прогресса на Западе с позиций изменения субъектности человека в процессах производства и управления. Промышленное развитие приводит к следующим результатам: формирование сложной технологической системы, охватывающей все сферы жизнедеятельности общества, упрощение человека и всего, что связано с их (общества и человека) воспроизводством, утрата ими позиций субъекта действия. Субъектом действия становится сложная система, но она не способна функционировать в нестандартных ситуациях, не способна к быстрой мобилизации по причине коммерческого характера своих связей и взаимодействий. Обозначена специфика российской индустриализации, которая отличается от западной прежде всего тем, что человек является субъектом прогрессивных перемен, которые осуществляются им осознанно. Итогом развития в данном случае является формирование системы, в которой сложный труд не алгоритмируется полностью, человек сохраняет свободу действия и остаётся его субъектом, он по-прежнему способен решать нестандартные задачи. Особенность российского прогресса заключается также в том, что начинается он с копирования западных образцов, которые затем перерабатываются российской традицией. Отмечается необходимость анализа указанной традиции, которая, согласно исследованиям российских социологов, содержит прогрессистские ценности. Внутренние механизмы развития в России не ясны и требуют анализа, искать их следует в сфере культуры, так как рынок на протяжении всей российской истории был ограниченным. Показана относительность современного российского консерватизма, сочетание его со стремлением к прогрессу, к всестороннему развитию человека. Главным противоречием российского развития является противоречие между его российской и западной версиями. Сделаны выводы о необходимости, во-первых, анализа современных тенденций, которые традиционно рассматриваются как ориентир для российского развития; во-вторых, о необходимости выявления движущих механизмов традиционного развития, оценки возможностей и способов его соединения с современными технологиями.

Ключевые слова: развитие, прогресс, глобализация, технологическая система, сложное действие, алгоритм, актор, культура, традиция

Данная статья носит обобщающий и постановочный характер. Цель представленной в ней работы заключалась в том, чтобы обозначить основные особенности современных тенденций развития стран Запада и России, определить направление дальнейшего анализа, сформулировать вопросы, требующие исследования и обсуждения. Она основана (с позиций развития результатов и рабочих материалов) на осмыслении проектов, которые осуществлялись нами с начала 1990-х гг. в России и на Западе и включали себя изучение социальной самоорганизации, региональной и местной политики и управления, социального активизма в его различных проявлениях, роли профессионалов в модернизации и т. п.¹ Каждое из этих исследований, помимо выполнения своих основных задач, проявляло тот или иной аспект социальных трансформаций: институциональное развитие в сфере региональной и локальной политики и управления, формирование гражданского общества, соотношение традиций и инноваций, отношение граждан страны к модернизации, особенности развития технологической системы управления на Западе, становление акторской управленческой системы в России и ряд других.

Конец истории и развитие

Практически вся общественная мысль Нового времени изучала именно развитие социума, его причины, механизмы, внутреннюю логику перемен. Возникали разнообразные, опровергающие и дополняющие друг друга концепции, создавались теоретические инструменты, позволяющие понять и объяснить радикально меняющееся общество. В эпоху высокого модерна диалектику сменил анализ систем и функций. Статичный и формальный по своей сути, он был предназначен для изучения сложившегося общественного устройства. Последующие изменения также скорее наблюдались, фиксировались и каким-либо образом интерпретировались (информационное общество, постиндустриальное общество и т. п.). Социологи отметили наступление кризиса объяснительности. Так, Р. Коллинз связывал его с чрезмерно узкой специализацией исследователей и раздробленностью исследований [Collins 1989]. Можно предположить, что он связан также и с тем, что при переходе от модерна к постмодерну сущностные основания и движущие силы трансформаций радикально не менялись,

¹ Имеются в виду проекты, выполненные сотрудниками сектора изучения социокультурного развития регионов России, ныне Отдел анализа социокультурных оснований политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

капитал усложнялся, глобализировался, но по сути оставался самовозрастающей стоимостью в полном согласии с марксовым определением.

Исследования развития во второй половине XX в. обособляются в обширную междисциплинарную отрасль (development studies), включающую социологию развития. В её рамках изучаются все стороны жизнедеятельности общества в связи с социальными переменами, их рисками и последствиями. Специфика этих исследований заключалась в том, что объектом анализа стали развивающиеся страны, а вектор их развития был определён и устойчив: движение к «современности», под которой понимается современное каждому этапу состояние западного общества.

Глобализация на первых порах лишь усилила и сделала ощутимой завершённость развития, которую Ф. Фукуяма обозначил концом истории [Фукуяма 2004]. Включение в глобальные потоки стало более важным, чем индустриализация и достижение уровня развитых стран в экономике, здравоохранении, образовании и прочих сферах, значимость исследования развития упала.

Однако в последние годы конец истории перестал ассоциироваться с лучшим из миров, которого в состоянии достичь человечество. Глобализация породила острейшие проблемы, которые коснулись и развитых стран: углубление неравенств между богатыми и бедными внутри стран золотого миллиарда, размывание среднего класса, физическое разрушение государств, миграционные потоки в развитые страны и т. п. Данностью стали ограниченность рынков и ресурсов, пределы экономического роста, замедление прогресса в науке и т. п.

В этих условиях предмет социологии развития определяется как социальные изменения, происходящие не только в развивающихся странах: «Более того, современные процессы трансформаций в Европе напоминают нам, что социология развития не может быть сведена к изучению «развивающихся стран», но нуждается также и во включении индустриальных стран» [What is development...]. Однако сомнения теперь возникают и в пункте назначения, и в характере самих социальных перемен. Можем ли мы любые перемены считать развитием? Являются ли таковыми, например, изменения семьи, гендерных отношений, воспитания и образования, которые осуществляются как инновационные и прогрессивные?

Трансформации не обязательно являются движением от простого к сложному, они могут вести к упрощению, к деградации сформировавшейся целостности. При этом откат назад, к состоянию общества, которое принято обозначать «архаикой», не обязателен. Вполне вероятны новые формы регресса, не связанные вовсе с традицией и культурой.

Специфика исследований development studies заключалась в том, что объектом анализа стали развивающиеся страны, а вектор их развития был определён и устойчив: движение к «современности», под которой понимается современное каждому этапу состояние западного общества.

Трансформации не обязательно являются движением от простого к сложному, они могут вести к упрощению, к деградации сформировавшейся целостности. При этом откат назад, к состоянию общества, которое принято обозначать «архаикой», не обязателен.

Сложность исследования заключается в том, что изменения слишком масштабны, они охватывают все без исключения сферы жизнедеятельности общества и человека. В этой связи представляется необходимым сфокусироваться на глубинных трансформациях общественного устройства, лежащих в основании множества других перемен. Таковыми, в частности, являются изменения позиции человека в процессах производства и управления.

Номо sapiens в технологической системе

История модерна позволяет проследить перемены, происходившие с человеком как с субъектом производственной и управленческой деятельности. Феномен отчуждения рабочего от процесса и результатов труда давно известен и изучен. Узкая специализация со времён мануфактуры снижает издержки и повышает производительность труда. Разделение труда углублялось по мере промышленного прогресса, что достаточно быстро привело к упрощению простого труда, утрате контроля над ним. Однако в XX в. наступила очередь труда сложного, требующего высокой квалификации. Профессионал превращался в специалиста, контролирующего постоянно уменьшающийся участок процесса производства или управления. Все действия и взаимодействия в сфере материального производства регулируются нормами и правилами, требования к исполнению которых с углублением специализации ужесточались. Вершиной такого развития стали современные технологии.

Словосочетание «высокие технологии» в настоящее время приобрели едва ли не сакральное звучание. Оно часто обозначает цель развития, средство, которое позволит развиваться быстро и устойчиво, а также товары, созданные при их помощи. Технология есть лишь алгоритм действия, чётко определённая последовательность шагов, программа, которую недопустимо нарушать. Социальное действие в современной технологической системе предельно алгоритмизировано. Человек вне зависимости от его образования, квалификации и позиции перестаёт быть его субъектом, или, по определению Б. Латура, его субъектность равна субъектности средств и предметов труда и вообще всего, что так или иначе с трудовым процессом связано, включая сам алгоритм действий [Latour 2005]. Свобода действия практически полностью исключена. Нарушение алгоритма содержит множество рисков: от производственного брака до техногенной катастрофы. Кроме того, узкий специалист не может принять верного решения вне пошаговой инструкции. Для этого у него просто нет достаточных знаний и умения свободно оперировать

Социальное действие в современной технологической системе предельно алгоритмизировано.

Человек вне зависимости от его образования, квалификации и позиции перестаёт быть его субъектом.

ими. Субъектом в этой ситуации является сама технологическая система, она сложная, гибкая, саморегулирующаяся, сетевая и т. п. При этом работник предельно функционализируется и упрощается [Аксенова 2016].

Развитие технологической системы сопровождается её экспансией во все сферы жизнедеятельности общества, нормируя и алгоритмизируя их. В работах Ю. Хабермаса и Ж. Эллюля показаны механизмы этой системной экспансии [Хабермас 1993; Ellul 1980]. Один из них достаточно очевиден: отпадает необходимость в знании фундаментальных законов природы, от специалиста требуется хорошая память, умение применять стандартные алгоритмы к стандартным ситуациям в очень узкой сфере деятельности, соответственно, существенно упрощаются среднее и высшее образование. Система становится тотальной, во всех сферах возникают сложнейшие структуры, сети организаций, но при этом редуцируется культура, функционализируются и формализуются человеческие взаимодействия, процессы атомизации социума сопровождаются упрощением личности. В то же время возможности коллективного, системного разума ограничены. Система не способна решать нестандартные задачи нестандартными методами, что подтвердил анализ аварии на АЭС Фукусима 1 [Аксенова 2016: 184–209]. Человек, редуцированный к функции, лишённый интересов и ценностей, не способен действовать самостоятельно.

Итогом технологического прогресса становится нарастающая структурная сложность социума, но при этом культура упрощается до исчезновения, ценности сводятся к нормам и правилам; наконец, упрощается сам человек, который перестаёт быть субъектом любого действия. Возникший в процессе эволюции интеллект теряет смысл в стандартизированной среде системы, которая сейчас охватывает практически всё: сложнейшую структуру современного капитала, управление жизнедеятельностью общества в целом и в отдельных сферах, технологические города С. Сассен [Sassen 2005], сетевые структуры гражданского общества, искусство и т. п.

Другое развитие

Процесс самовозрастания капитала не зависит от воли и сознания людей, как и рождённая им промышленная революция. В отличие от неё, импульс к промышленному развитию в России всегда носил вполне осознанный характер: в эпоху Петра I, во время реформ 1860-х гг. и в период советской индустриализации, в нынешних попытках реиндустриализации. Законы рынка управляли российской индустрией короткий отрезок времени, в конце XIX – начале

Возникший в процессе эволюции интеллект теряет смысл в стандартизированной среде системы, которая сейчас охватывает практически всё: сложнейшую структуру современного капитала, управление жизнедеятельностью общества и в отдельных сферах, сетевые структуры гражданского общества, искусство и т. п.

XX вв., который закончился революцией. Потребность в прогрессе чаще возникала по причине постоянной военной угрозы, необходимости выжить в колониальном мире. Для этого прежде всего надо было модернизировать армию.

Развитие каждый раз начиналось с точного копирования западных образцов, которые при столкновении с российскими условиями и российской традицией трансформировались в иную версию прогресса. Её главной чертой было сохранение субъектности человека на всех этапах индустриального развития, несмотря на неизбежное углубление разделения труда и рост специализации. Профессионал всегда сохранял контроль над сравнительно большим участком процесса производства и управления и определённую свободу действия. В этих условиях ценности выполняли функции регулирования и контроля действия, они не замещались нормами при всей важности последних. Образование до введения ЕГЭ и Болонской системы оставалось универсальным и фундаментальным, культура была важной составляющей индустриальной системы, поскольку без неё воспроизводство работника с необходимыми личностными качествами и ценностными установками было невозможно.

Зависимость развития от конкретного человека часто называют ручным управлением, которое должно быть заменено автоматическим функционированием институтов и организаций технологической системы. На самом деле появление актора «героя», обеспечивавшего прогресс в целом или на том или ином участке, есть результат функционирования не менее сложной и результативной системы, способной к быстрой мобилизации и работе в самых экстремальных условиях.

Внутренний механизм трёхсотлетнего развития в России в условиях ограниченного рынка практически не изучен. Начальные импульсы не затухали: медицина, военное и инженерное дело, наука, искусство быстро выходили на мировой уровень, сохранялись в условиях социальных катастроф, войны, разрухи. Представляется, что объяснение движению вперёд следует искать не в экономике, а в культуре, в особенностях традиций. Социолог А. Л. Андреев пишет об одержимости российского общества научно-техническим прогрессом и одновременной приверженности его традициям. Российскую модернизацию он называет традиционалистской [Андреев 2013: 79]. Наши исследования позволяют сделать обоснованное предположение о наличии традиции развития, сохраняющейся даже в периоды видимого усиления консервативных тенденций.

Современный российский консерватизм явление противоречивое. Власть, несмотря на традиционалистские декларации и идеологическую опору на церковь, остаётся одним из основных проводников западной версии прогресса, что, впро-

Развитие каждый раз начиналось с точного копирования западных образцов, которые при столкновении с российскими условиями и российской традицией трансформировались в иную версию прогресса.

Современный российский консерватизм явление противоречивое. Власть, несмотря на традиционалистские декларации и идеологическую опору на церковь, остаётся одним из основных проводников западной версии прогресса, что вполне традиционно.

чем, вполне традиционно. К ним просто добавились иные источники инноваций: глобальные организации, глобальные корпорации и т. п. Жители российских регионов сохраняют традиционные ценности, среди которых по-прежнему главное место занимает семья, а также прогресс, который для них складывается из научно-технического развития и развития личности. Последнее подтверждается не только ответами респондентов в интервью, но и их стремлением дать детям широкое образование.

Наши исследования показали, что принимаются лишь те инновации, которые соответствуют представлениям россиян о развитии. Одобряются инновации, устраняющие рутинные элементы деятельности, позволяющие сфокусироваться на её творческих составляющих. Отрицается всё, что ведёт к деградации культуры, разрушению семьи, алгоритмизации действия и утрате позиции его субъекта. Соппротивление такого рода инновациям вполне осознано, редко бывает открытым, ориентировано на преобразование неприемлемых нововведений.

В то же время для России была и остаётся характерной ориентация на Запад как на идеал прогресса, который следует непременно догнать, устроив жизнь в точности как там. Этот феномен также требует изучения. Он неизменен со времён язвительных монологов Чацкого и уживается каким-то образом с указанным выше неприятием поступающих с Запада реальных инноваций.

Развитие или рост

Есть ещё один актуальный и широко обсуждаемый аспект современного развития: его связь с ростом. Категории роста и развития долгое время оставались неразрывными. В основании обеих лежала всё та же самовозрастающая стоимость, её рост одновременно был развитием и ростом промышленности, городов, изобретений и внедряемых инноваций, качества жизни, уровня потребления и т. п. Иными словами, простое увеличение капитала, во-первых, проявлялось во всё более сложных формах, во-вторых, порождало развитие социума в целом и его отдельных сфер.

Осознание разницы между ростом и развитием началось в связи с экологическими проблемами. Бурный послевоенный промышленный рост привёл не только к повышению уровня благосостояния в развитых странах. Он сделал наглядными и физически ощутимыми экологические последствия функционирования современной индустрии: разрушение природных экосистем, опасное для здоровья загрязнение окружающей среды и т. п.

Разумеется, противоречивое единство роста и развития проявляется не только в связи с экологическими проблемами. Вероятно, что именно развёртыванием этого противоречия порождены описанные выше сочетания развития (усложнения) одних составляющих жизнедеятельности общества и деградация других. Но именно в сфере охраны окружающей среды данная дихотомия наиболее изучена и наглядна.

Общественная дискуссия о проблемах роста началась после публикации книги Р. Карсон «Тихая весна», описывающей последствия использования пестицидов [Carson 1962]. Ранее исключительно позитивная трактовка роста сменилась осознанием его неоднозначности. Экологические движения стали массовыми и сумели вынести проблемы охраны среды на политическую повестку. Опасность неограниченного роста была зафиксирована в докладе Римскому клубу «Пределы роста» [Медоуз и др. 1972]. Рост следовало заменить развитием: изменением, усложнением, совершенствованием общества при минимизации его воздействия на природу.

Экологические движения также заставили государства принимать жёсткие ограничения на выброс вредных веществ. Промышленные компании сопротивлялись давлению населения и государства одновременно, поскольку средоохранные меры требовали значительных затрат. В этот период были сформулированы основные способы решения проблем роста: радикальное изменение устройства социума, изменение его ценностной парадигмы, превращение экологических ограничений в фактор увеличения прибыли.

Примерно с середины 1980-х гг. последняя идея становится доминирующей в теории и на практике. Наиболее популярным направлением экологической политики в те годы была экологическая модернизация, которая должна была заменить рост развитием, сохранив в неприкосновенности процесс самовозрастания стоимости [Mol 1980]. Внедрялись низкозатратные управленческие и организационные инновации, которые позволяли не только снижать загрязнения, но и экономить ресурсы и тем самым увеличивать доход. Сомнения в эффективности такой модернизации были даже у менеджеров, непосредственно в неё вовлечённых: небольшие вложения не могут принести существенную прибыль. Тем не менее, экомодернизация, казалось бы, победила: через несколько лет удалось достичь чистоты городов, экологического комфорта проживания в них, добиться использования альтернативных источников энергии, экологически чистых материалов. Технологии усложнялись, развивались без экстенсивного роста, снижалась нагрузка на природу.

Однако экологическая идиллия наступила в развитых странах по иной причине. Компании бежали от жёстких социальных и экологических ограничений в Китай и другие

Осознание разницы между ростом и развитием началось в связи с экологическими проблемами. Бурный послевоенный промышленный рост привёл не только к повышению уровня благосостояния в развитых странах. Он сделал наглядными и физически ощутимыми экологические последствия функционирования современной индустрии.

страны Восточной Азии, где таковых не было вовсе. Общая картина оказалась не столь благостной: страны золотого миллиарда очистили место собственного проживания, не обращая внимания на остальную планету, где производство оборудования для альтернативной энергетики загрязняло окружающую среду.

Устранить рост из дихотомии не удалось, равно как и найти оптимальный баланс между ним и развитием. Противоречие было снято естественным для капитала образом: перетеканием в область неограниченного роста. После этого о его пределах не вспоминали долгие годы последнего времени. К катастрофическим последствиям роста возвращается доклад Римскому клубу 2018 г. В качестве их причины названо стремление капитала к безграничному самоувеличению: «Капиталисты заинтересованы в максимизации абсолютной прибыли и потому ищут возможностей снижения абсолютных затрат. Если капитал может мобильно перемещаться между государствами, он будет перемещаться в государства с самыми низкими абсолютными затратами» [Weizsäcker и др. 2018: 78]. Авторы доклада критикуют мировое устройство, основанное на свободе передвижения капитала, глобальные организации (ВТО, Мировой банк, Международный валютный фонд), которые не регулируют транснациональный капитал для всеобщего блага: «Вместо этого они увеличивают силу и рост финансового сектора и финансовых корпораций посредством выведения их из-под контроля национальных государств в сферу формирующегося корпоративного феодализма и открытого доступа ко всеобщему достоянию» [Weizsäcker и др. 2018: 79]. В качестве успешного примера приводят регулирование, осуществляющееся внутри Евросоюза [Weizsäcker и др. 2018: 91]. Итогом представленного в докладе анализа предлагаются пути достижения устойчивого развития мира. В определённой мере возвращаются идеи 1980-х гг., но на глобальном уровне, включая новые технологии и глобальное управление.

Доклад появился, когда несколько стран приблизились по своим экономическим позициям к странам золотого миллиарда, возникла перспектива повышения жизненного уровня в Индии и Китае. Этот потенциальный рост благосостояния действительно создаёт серьёзнейшую угрозу природе. С другой стороны, её длительное разрушение транснациональными корпорациями в этих странах долгое время не вызывало каких-либо вопросов. Очевидно также, что стремление развитых стран сохранить за собой высокий уровень потребления и комфорта никогда не будет принят остальными жителями планеты. Последних к тому же много лет учили, что развитие должно быть направлено исключительно в сторону Запада. Оптимальность Евросоюза как примера развития также вызывает сомнения, с ним очевидно не совсем согласны в Англии,

К катастрофическим последствиям роста возвращается доклад Римскому клубу 2018 г. В качестве их причины названо стремление капитала к безграничному самоувеличению.

Греции и ряде других стран. Его унифицирующее, выравнивающее «под одну гребёнку» технократическое устройство социологи отмечали в самом начале создания Евросоюза [Lash 1996]. Соответственно, использование его опыта в мировом масштабе в условиях действия механизмов увеличения капитала, возможно, не лучшее решение проблем роста.

Заключение

Долгие годы стремление догнать и перегнать Запад, перенять его достижения в сочетании с российской традицией развития действительно оказывалось плодотворным, оно в итоге создало российскую версию прогресса. Эта версия требует изучения, однако предыдущие исследования позволяют выявить ряд её особенностей: человек оставался человеком разумным, умеющим мыслить и решать нетривиальные задачи, сохранялась и развивалась культура, что определило сбалансированное направление развития гендерных и семейных отношений, в которых равенство достигалось без жёсткого нормирования, без утраты феминности и маскулинности.

В настоящее время страна переживает очередную попытку догнать и встроиться в современные тренды глобального развития. Инноваций в образовании, здравоохранении, управлении, соответствующих требованиям технологической системы, уже достаточно много. На встрече со своими доверенными лицами президент России В. Путин определил цель развития на шесть лет: «Мы должны обеспечить такой рывок в развитии страны по всем вышеперечисленным мною направлениям, придать такую динамику, чтобы после того, как эти будущие шесть лет пройдут, даже если в жизни страны наступят какие-то сбои, какие-то сложности, какие-то непредвиденные обстоятельства, чтобы набранный темп, инерция движения были такими мощными, чтобы Россия всё равно шла вперёд. Всё, что мешает идти вперёд, должно быть зачищено, отброшено»¹. Необходимость рывка обусловлена теми же причинами, что и во времена всех великих реформ: стране нужно выжить во враждебном мире, который так и не перестал быть колониальным, а лишь сменил формы зависимости.

Проблема заключается в том, что, как говорилось выше, вектор развития вызывает сомнения. Современный капитализм существенно отличается от капитализма времён протестантской этики, времён промышленной революции, который Россия догоняла в XIX в. и даже от модерна века

¹ Цит. по: Юрьева Н. 2018. Владимир Путин на встрече с доверенными лицами: Мы должны обеспечить рывок в развитии страны // Веб-сайт первого канала. URL: <https://www.1tv.ru/news/2018-01-30/340272-vladimir-putin-na-vstreche-s-doverennymi-litsami-my-dolzжны-obespechit-ryvok-v-razvitiy-strany> [Дата посещения: 19.02. 2018].

XX. Действительно ли нужно встраиваться в мировое устройство, в котором не остаётся места для человека, точнее, он превращается в подобие муравья? Стоит ли рисковать ценностями, культурой, наконец, интеллектом? Коллективный разум пока не способен принимать нестандартные решения, а технологическая система не способна функционировать в ситуации хаоса. Но даже идеально работающий муравейник вряд ли можно считать будущим, к которому следует стремиться. Необходимо проанализировать современные тенденции и точно определить направление развития. Возможно, в этот раз не следует совмещать его с западной глобальной современностью, так как не ясно, может ли, как и прежде, российская традиция перекрыть импортируемые модели развития в соответствии с российскими условиями и сохранить себя. Необходимо исследовать последствия внедрения «автоматического» управления, устраняющего человека с позиций субъекта действия.

В сфере развития для России характерно противоречие между двумя вариантами развития: западным и традиционным российским, а не между развитием и архаикой. Для обеспечения движения действительно вперёд, а не в тупик или к обрыву, нужно выявить движущие механизмы традиционного развития и понять логику их функционирования, оценить возможности и способы его соединения с современными технологиями в сфере материального производства, а также понять, есть ли способ избежать алгоритмизации всего жизненного пространства.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: [монография]. М.: Институт социологии РАН. 304 с.

Андреев А. Л. 2013. Российский социум как «другая Европа» // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 70–79.

Фукуяма Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ. 588 с.

Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *THESIS*. Вып. 2. С. 123–136.

Carson R. 1962. *Silent spring*. N. Y.: Houghton-Mifflin. 400 p.

Collins R. 1989. *Sociology: prescience or antiscience?* // *American Sociological Review*. February. Vol. 54. P. 124–139.

Ellul J. 1980. *The technological System*. N. Y.: Harper Torchbooks. 362 p.

Lash S., Szerszynsky B., Wynne B. (eds.). 1996. Risk, environment and modernity. L.: Sage/TCS. 304 p.

Latour B. 2005. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press. 301 p.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. 1972. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project of the Predicament of Mankind. London: Earth Island. 203 p.

Sassen S. 2005. The global city: introducing a concept // Brown journal of world affairs. № 11 (2). P. 27–43.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. 2018. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. N. Y.: Springer. XIV. 220 p.

What is development sociology? Department of development sociology. // Web-site of University of Bayreuth. URL: http://www.entwicklungssoziologie.uniayreuth.de/en/studies_teaching/What_is_ESoz/index.html [Дата посещения: 19.02.2018].

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.492](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.492)

Modern Development. Towards Designating a Research Topic

Aksenova Olga Vladimirovna

Candidate of Sociological Sciences, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

Khaliy Irina Alberntovna

Doctor of Sociological Sciences, Main researcher, Head of Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

Abstract. This article examines such issues as studying the modern development of society. Its objective is to designate research problems and questions in order to analyze development in the West and in Russia. Shown are changes in the approaches toward the study of development throughout the course of a modern society's establishment, while exposing the peculiarities of industrial progress in the West from a perspective of changes occurring in the subjectness of people within manufacturing and management processes. Industrial development leads to the following results: the formation of a complex technological system which engulfs all areas of society's life, the simplification of human beings and everything associated with their (humans' and society's) reproduction, the loss of their position as a subject of action. The subject of action position is assumed by a complex system, however, it is not capable of functioning in unusual situations, and it is not capable of quickly mobilizing due to the commercial nature of its communications and interactions. Indicated are the specifics of Russian industrialization, its key difference from its Western counterpart being the fact that a person acts as a subject of progressive shifts, which are carried out consciously. The end result of development in this case is the emergence of a system within which complex labor is not completely algorithmized, the person retains freedom of action and remains its subject, people are still capable of solving unusual problems. The peculiarity of Russian progress also lies in the fact that it starts with copying Western models, which are then reworked

according to Russian tradition. Noted is a need for analyzing said tradition, which, according to research conducted by Russian sociologists, contains progressive values. The internal mechanisms of development in Russia are unclear and in need of analysis: they must be searched for within the cultural sphere, since the market throughout the entire course of Russian history has always been limited. Shown is the relativity of modern Russian conservatism, its conjunction with the pursuit of progress and a person's comprehensive development. The main contradiction when it comes to Russian development is the discrepancy between Russian and Western variants of such. The following conclusions are made: first of all, it is necessary to analyze modern tendencies which are traditionally considered as benchmarks for Russian development; second, there is a need for exposing the moving mechanisms of traditional development, for evaluating the possibilities and means for joining it with modern technology.

Keywords: development, progress, globalization, technological system, complicated action, algorithm, actor, culture, tradition.

References

Andreev A. L. Rossiyskiy sotziyum kak «drugaya Evropa» [Russian society as “another Europe”]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no 3, pp. 70–79 (in Russ.).

Aksenova O. V. Paradigma sotzial'nogo deystviya: professionaly v rossiyskoy modernizatsii [The paradigm of social action: professionals in the Russian modernization]. Moscow, IS RAS publ., 2016. 304 p. (in Russ.).

Carson R. *Silent spring*. New York, Houghton-Mifflin, 1962. 400 p.

Collins R. Sociology: prescience or antisience? *American Sociological Review*. 1989, February, vol. 54, pp. 124–139.

Ellul J. *The technological System*. New York, Harper Torchbooks, 1980. 362 p.

Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow, AST, 2004. 588 p. (in Russ.).

Habermas J. Otnosheniya mezhdu sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus]. *THESIS*, 1993, vol. 2, pp. 123–136. (in Russ.).

Lash S., Szerszynsky B., Wynne B. *Risk, environment and modernity*. London, Sage/TCS, 1996. 304 p.

Latour B. *Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford (UK), Oxford University Press, 2005. 301 p.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project of the Predicament of Mankind*. London, Earth Island, 1972. 203 p.

Sassen S. *The global city: introducing a concept*. *Brown journal of world affairs*, 2005, no 11 (2), pp. 27–43.

Weizsecker E. U. von, Wijkman A. *Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York, Springer, 2018. 220 p.

What is development sociology? Department of development sociology. University of Bayreuth Official website. URL: http://www.entwicklungssociologie.uniayreuth.de/en/studies_teaching/What_is_ESoz/index.html [date of visit: 19.02.2018].

Т е м а н о м е р а Развитие человечества: теоретический концепт и социальная реальность

Основание развития как
социокультурная проблема
(к вопросу о медиационной теории
эволюции западного социума)

Давыдов Алексей Платонович –
доктор культурологии, главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: apdavydov@gmail.com

Основание развития как социокультурная проблема (к вопросу о медиационной теории эволюции западного социума)

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.493](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.493)

Аннотация. В основе предлагаемого в статье представления о развитии лежит объективно существующее противоречие между старым и новым, которое я концептуализирую через противоречие между культурой и обществом и через медиационный (*mediana* – лат. середина; *media* – лат. среда; *mediation* – англ. поиск середины, медиация) способ снятия этого противоречия. Предлагаемая концепция изучения развития содержит вопрос: как, где искать социокультурные смысловые пространства в мышлении человека и соответствующие ментальные настройки, нацеленные на развитие? И гипотетический ответ: в некоей межполюсной «середине» как основании. Теоретический концепт «середины», «срединности», «поиска середины», «медиации», «срединоспособности», описывающий динамику западного социума как становящейся «срединной культуры», родился в древнегреческой этике (Аристотель) и онтологизировался в немецкой классической философии (Г. В. Ф. Гегель). Он наполнился социальным содержанием во французской антропологии XIX–XX вв. (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс) и, пройдя через новозаветное христианство, экзистенциализм и постмодернизм, помог понять структуру и основные тенденции в развитии современного общества. Методология социокультурного анализа общества, применённая в данной статье, позволяет выявить логику и структуру медиационных процессов как основания и механизмов развития. В основе представления о современных медиационных процессах лежат теоретические разработки российских учёных А. С. Ахиезера (логика медиации) и В. С. Библера (диалогика), критика смысла «середины» в работах Ю. А. Левады и Ю. Н. Афанасьева, идеи А. В. Тихонова, Г. Л. Тульчинского, И. М. Клямкина, В. В. Петухова, В. Г. Федотовой.

Ключевые слова: развитие, Европа, Запад, медиация, середина, культура, общество, религия, христианство, социокультурный анализ

Культура, общество и логика развития. Основные понятия

Культура – это искусственное надприродное образование, совершенствуя которое и через которое человек миллионы лет выходит из природы. Субъектом культуры являются родовые отношения и неодолимая историческая инерция. Культура дуальна: день – ночь, рождение – смерть, мужчина – женщина, добро – зло, друг – враг, плюс – минус, либо – либо и т. д. Дуальность заложена в нашем мышлении как в части культуры. Мышление оппозициями – необходимый способ познания реальности и развития. Я связываю культуру с исторически сложившимся знанием, мышлением абсолютами, с вековыми ценностями, культурным богатством, исторической инерцией, сохранением традиций, охраной этого богатства и поэтому с консервативным мышлением (П. Сорокин, А. Ахиезер, В. Ядов).

Общество – это часть культуры, но часть специфическая. Общество в идеале – это экспериментальная площадка, на которой человек отодвигает культурные стереотипы как абсолюты на периферию своего интереса, испытывает новые явления, проблемы, нормы, не записанные в культуре, распредмечивает старые смыслы, анализирует старые нормы через новый опыт и отбраковывает, отбрасывает, либо опредмечивает, «окультуривает» их, сакрализует в культуре, обогащая её. Общество по сравнению с культурой – ещё ребёнок, ему всего несколько тысяч лет, его субъектом являются индивидуальные отношения и личность.

Являясь субъектом и культуры, и общества и находясь в специфическом социокультурном смысловом пространстве, в условной социокультурной «середине», человек постоянно ищет новую меру взаимоотталкивания/взаимопроникновения смыслов культуры и общества в себе, через внутренний диалог, порождая и снимая социокультурное противоречие. Социокультурное противоречие может сниматься двумя способами – инверсией и медиацией.

Инверсия – это нетворческий, традиционный способ мышления, когда мысль не знает других смыслов, кроме тех, исторически сложившихся, статичных, которые сконцентрированы на полюсах оппозиции, природняется (партиципируется) то к одному из её полюсов, то к другому по логике «либо – либо», выдавая старое за новое. Прилепляя мысль то к одному полюсу оппозиции, то к другому, мечась между ними, инверсия игнорирует межполюсное смысловое пространство, богатство и новизну смыслов в смыслоформирующей «середине».

Медиация противостоит инверсии. Медиация, оперируя в «сфере между» культурой и обществом, ориентирует субъекта на критику статичных смыслов полюсов оппозиции как абсолютов, на формирование новых (третьих) динамичных смыслов в «сфере между» смыслами полюсов, в условной «середине». Инверсия, догматизируя дуализм в мышлении, охраняет накопленное; медиация, рождаясь в тернарном мышлении, через поиск третьих (альтернативных, инновационных) смыслов, нацелена на инновацию и развитие [Давыдов 2012: 24–45].

Типологию развития через медиационное мышление можно проследить на материале трёх больших социумов – западном (Европа, Северная Америка, Австралия), конфуцианском (КНР, Тайвань, Гонконг, Япония, Южная Корея, Сингапур, Вьетнам) и российском. Сравнительный анализ медиационного блока «Запад–Китай–Россия» может дать богатый материал для углублённого понимания оснований, проблем и перспектив развития культуры, общества, человека.

В этой статье рассматривается методологическая значимость западной мысли по поводу медиации и западный тип развития.

Мышление дуальными оппозициями и выход за пределы полюсов. Статичная межполюсная середина

*Аристотель (384–322 до н. э.).
«Середина» как мера в этике
и альтернатива мышлению крайностями*

Методологическую значимость «середины» в мышлении заметили ещё древние греки. В «Никомаховой этике» Аристотель пишет: «Добродетель... есть некое обладание серединой, ... избыток и недостаток присущи порочности, ... а обладание серединой – добродетели» [Аристотель 1984: 86]; «Срединой обладают между двумя видами порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка. А ещё и потому ..., что как в страстях, так и в поступках... преступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же [умеет] находить середину и её избирает. Именно поэтому по сущности и по понятию, определяющему суть её бытия, добродетель есть обладание серединой, а с точки зрения высшего блага и совершенства – обладание вершиной» [Аристотель 1984: 87].

Середина – это мера. Аристотель сравнивает «распущенного», который преступает «меру», и «благоразумного», который «держится середины». «Середина» есть «правдивость»,

«скромность», «дружелюбие», «чувство собственного достоинства», «справедливость». «Справедливость заключена в справедливом, то есть в равном, то есть в середине». «Добродетель – это середина, и чем добродетель выше, тем в большей мере она середина» [Аристотель 1984: 118, 323, 307, 322, 325, 341].

Академик РАН А. Гусейнов, исследуя «середину» по Аристотелю, пишет: «У Платона души летают. Аристотель обрубаёт моральной душе крылья, чтобы она навсегда потеряла охоту рваться ввысь. Он очень озабочен тем, чтобы душа держалась посередине, постоянно отгоняет её от опасных краёв. Аристотель – чрезвычайно трезвый мыслитель. Ему настолько чуждо стремление доходить до пределов, а тем более заглядывать за них, что он саму середину объявил пределом, крайностью» [Гусейнов 1999: 255].

Г. В. Ф. Гегель (1770–1831).

***«Середина» как третий субъект
в мышлении противоположностями
и основание культуры***

Методологическое исследование «середины» продолжилось в философии Нового времени. Гегель ушёл от этики Аристотеля в онтологию и первым сказал, что в мышлении дуальными оппозициями не два, а три полюса: (1) полюс, (2) противоположный полюс и (3) межполюсное смысловое пространство, центр/середина. Эта середина соединяет противоположности в оппозицию и разъединяет их через свой собственный (третий) смысл, не совпадающий со смыслами полюсов. С позиции методологии познания Гегель, по существу, продолжил логику Аристотеля, абсолютизируя смысл «середины» как альтернативы смыслам полюсов и создав логически безупречную когнитивную схему.

Центр/середина, средний член, по Гегелю – абсолют. Гегель последовательно проводит принцип несамостоятельности крайних элементов системы, подчёркивает их зависимость от центра и от динамики центростремительности к «середине/центру», рассматривает эту логику как всеобщий закон: «Эти вторые центры и несамостоятельные объекты связаны указанным выше абсолютным средним членом» [Гегель 1999: 816]. Он определяет автономию крайних членов по отношению к «центральному телу», «абсолютному среднему члену» как «поверхностную» и «формальную порозненность» [Гегель 1999: 817]. «Середина» по Гегелю – абсолютный магнит, центр притяжения, неизменяющееся и нетворческое начало. Безличностное. Формально-бюрократическое. Имперско-канцелярское. Правительственное. Чиновническое. Выстроено по принципу таблицы о рангах.

В чём основной недостаток этой схемы? Гегелевская схема «середины» линейна. В ней нет места способности человека изменяться, эта схема не предусматривает постановку вопросов, в ней доминирует диктат ответов. И хотя в Европе состоялись Ренессанс, Реформация и уже целый век бушевало Просвещение, Гегель всё же отставал по фазе: он исследовал не логику гуманистических движений Европы, а логику предшествовавших им эпох – доминанту осевого мышления. Нужны были феноменология Гуссерля и экзистенциализм Кьеркегора, Хайдеггера и Сартра, чтобы ввести в гегелевскую парадигму вопрошающего человека.

Тем не менее Гегель впервые указал, что деятельность человека может отталкиваться не только от полюсов в мышлении оппозициями как оснований, но и из третьей точки – из межполюсной середины, а дуальное мышление может переходить в тернарное.

Л. Леви-Брюль и К. Леви-Стросс.

Мифоритуальная статичная «середина»

в мышлении современных первобытных племён

Заслуга французских антропологов Леви-Брюля (1857–1939) и Леви-Стросса (1908–2009) в том, что они, изучая мышление современных первобытных племён, сконцентрировались на структуре первобытной ментальности [Леви-Брюль 1994; Леви-Стросс 1994]. Они определили, что племя, олицетворяя себя со своим тотемом, например, какой-то птицей или животным, выстраивает ритуально-мифологическое содержание своего менталитета и своей жизни по образу и подобию этого тотема. Интерпретацию образа своего тотема члены племени размещают в «сфере между» смыслами рождения и смерти: если племя будет строго соблюдать все ритуалы, оно будет успешно воспроизводиться и выживет, если же нарушит ритуал, может распасться и погибнуть. Поэтому племенное сознание создаёт грандиозное здание мифов и ритуалов, согласно исторически сложившемуся представлению о метафизической связи между племенем и его тотемом через это здание, создавая институт профессиональных жрецов, церковь. Таким образом, та первобытная «середина», которую исследовали французские антропологи, – это жёстко непротиворечивая и одновременно изопрённо сложная статичная культура, в которой доминирует «аристотель-гегелевская» центростремительность, но которая не ведёт культуру первобытного человека к видовой эволюции. Более того, основная задача этой мифоритуальной статичности – охранять племя от изменений. Эта «середина», являясь субъектом, не нацелена на управление развитием, это схема управления выживанием.

Гегелевская схема «середины» линейна. В ней нет места способности человека изменяться, эта схема не предусматривает постановку вопросов, в ней доминирует диктат ответов.

Тем не менее французская новизна в том, что гегелевская методологическая «середина» была впервые наполнена конкретным социальным содержанием.

Переход от статики «середины» к динамике «поиска середины». Гуманизация социальных отношений. Новозаветное христианство

Методология развития человеческого в человеке вышла на новые рубежи в процессе рождения христианства – в результате творческой работы мысли ветхозаветных пророков Иудеи и в ходе первого и второго церковных расколов, породивших католицизм и протестантизм. На религиозном материале начался тектонический сдвиг в идее культуры – переход от статичной «середины» к динамичному «поиску середины» как принципиально новому основанию эволюции культуры и развития человека.

Новозаветный проект Ветхого завета. Иов, вавилонские пленники

Я буду говорить об эпохе VII – VI вв. до н. э., когда царство Израиль со столицей в Самарии было поработчено Ассирией (721 г. до н. э.), а Иудейское царство со столицей в Иерусалиме было поработчено Вавилоном (586–537 гг. до н. э.)¹. Это была эпоха, когда еврейский народ переживал великие страдания: почти треть населения была уведена в Вавилон в рабство, оставшееся население было согнано в резервации, иудейские святыни были осквернены, люди испытывали голод и унижения со стороны оккупантов, вспыхивавшие восстания жестоко подавлялись. В массах и элитах возник ропот и недоумение: почему это произошло? Как стало возможным, что город Давида, казалось бы, навеки защищённый обетованием Божьим, подвергся разорению?

В элитарном сознании страны начался поиск альтернативы, то есть адекватного ответа на поставленные вопросы. Так в истории Иудеи появились три пророка-новатора, которых иудейская историческая традиция называет великими – Исая (VII–VI вв. до н. э.), Иеремия (первая треть VII в. до н. э.) и Иезекииль (622–571 гг. до н. э.). В репрессивных условиях вавилонского плена они создали грандиозную меди-

¹ После смерти царя Соломона в 928 г. до н. э. израильское царство было разделено. Десять колен (племен) образовали Северное царство, которое получило название Израиль со столицей сначала в Тирце, затем в Самарии. Северное царство просуществовало свыше 200 лет и было уничтожено Ассирией в 721 г. до н. э. Южное царство – Иудея со столицей в Иерусалиме просуществовало свыше 300 лет и было уничтожено Вавилоном в 586 г. до н. э.

ационную программу реформы представлений о божественности Бога, религии и вере: 1) Бог евреев будет богом всех людей, включая врагов [Ис. 2: 2–4; 25: 6–9]. 2) Бог простит людям все их грехи и никогда более не будет попрекать их за это [Иер.31: 31–34]. 3) Бог заключит новый завет с людьми [Иер.31: 31–34]. 4). В божественном синклите появится Сын Божий – человек с божественными способностями, который будет Посредником (медиатором), заполнит собой межполюсное богочеловеческое пространство «в между» потусторонним Яхве и посюсторонним человеком и будет судить по справедливости [Ис. 42: 1–13; 55 :4; Иез.4: 23–24]¹. Это будет «третье незаинтересованное лицо, представитель правды, имеющий власть ограничить неправосудие Божие» [Лопухин]. 5) Власть церкви в обществе не будет абсолютной, она будет ограничена Богом и верой [Иез.34: 17–20]. 6) Вера и религия – не одно и то же, главным для человека будет вера, а не религия [Иез.34: 17–20]. 7) Вера будет не соборной (не верой толпы), а индивидуальной [Иез. 14: 13–20]. 8) На земле возникнет порядок, если и Бог, и человек будут подчиняться закону и морали, созданными Богом. Это правосудие должен обеспечить богочеловеческий Посредник-медиатор [Иов. 9: 33].

Читая Новый завет, легко увидеть, что медиационная программа Иисуса Христа во многом началась за 600 лет до него. Тезисы Мартина Лютера, прибитые им 31 октября 1517 г. на двери Замковой церкви в Виттенберге, повторяют почти всё из то, что проповедовали вавилонские пленники. А в размышлениях о смысле бытия, о вере, о жизненных ценностях, о божественном и человеческом в произведениях и переписке русских поэтов и писателей XIX–XXI вв. легко обнаружить весь набор той гуманистической новизны, которую несли в своих проповедях Иов, Исаяя, Иеремию, Иезекииль – не случайно ведь Библия была настольной книгой русских поэтов, писателей, художников.

Программа вавилонских пленников – медиационная, потому что в ней произошло частичное отпадение и от святого потустороннего божественного, восседающего на небесах, и от профанного посюстороннего человеческого, погрязшего в грехе, как от родовых абсолютов. Новый способ веры частично высвобождал энергию веры соборно верующего родоплеменного массового сознания из-под авторитарной диктатуры законов Яхве/Моисея и нацеливал её на формирование альтернативного, тре-

¹ Впервые требование Посредника между Богом и человеком было сформулировано в книге пророка Иова Библии, который жил примерно в 2000–1900 гг. до н. э. Но его послания сохранились в виде коротких авторских отрывков и записей его мыслей другими людьми. Эти записи были впервые собраны воедино, литературно отредактированы, объяснены с помощью философских знаний и проповедовались по разным предположениям лишь в VII–VI вв. до н. э. Исаяей либо Иеремией, либо кем-то из их современников (см. идею Второисайи, например, у А. Меня). Так что рождение социальной значимости идеи Посредника как важнейшей медиационной идеи следует отнести к эпохе VII–VI вв. до н. э.

тьего, медиационного смысла между божественным и человеческим – богочеловеческого. Через гуманизацию божественного были посеяны первые семена представления о том, что спасать будет вера в Сына Божьего/Сына Человеческого – богочеловека и представление о богочеловеческом смысле всеобщего¹. Апостол Павел: «Соединить всё небесное и земное в Христе. В Нём» [Еф. 1: 10].

Иисус и Павел Нового завета

Через 600 лет проект вавилонских пленников был реализован в событиях, описанных в Новом завете, и трансформировался в ещё более грандиозный проект управления развитием.

Казалось бы, Иисус сделал всё для того, чтобы гуманизировать отношения между Богом и человеком:

- частично перевёл божественное с небес на землю, из потусторонности в рефлексивное человеческое;

- отделил веру от исторически сложившихся религии и церкви;

- отделил веру от родоплеменной соборности, сделав её индивидуальной;

- отодвинул «грех», «вину» на периферию ценностного круга веры, а в её эпицентр поместил веру-доверие, любовь-доверие, открытость;

- создал идею свободного верующего человека на основании принципа автономии воли (способности человека искать новую меру своей зависимости/независимости от культуры), автономии веры (способности человека самому определять способ своей веры), на основании способности человека быть личностью в вере и жизни (способности человека работать над своими способностями), на основании способности человека видеть в Другом такую же личность, как он сам, на основании принципа равноправия в индивидуальных социальных отношениях (способности создавать открытое общество).

Обобщая, можно сказать, что Иисус перешёл от принципа полюсоцентричности в вере (с полюсами «авторитарный Бог» и «соборный народ») к медиации – к принципу личности в вере.

¹ Слова и понятия «богочеловек», «богочеловеческое», «богочеловечность» впервые появились в трудах богословов Александрийской и Антиохийской греческих богословских школ во II–IV вв. Затем использовались христианским клиром в полемике о введении понятий *filioque* (VI–XI вв.), *sola fide* (XVI–XVII вв.). В настоящее время широко используются в христианском богословии и религиозной философии в процессе интерпретации природы Иисуса Христа и Троицы.

Но, оказывается, Иисус сделал не всё. Он сакрализовал гуманистический тип веры с помощью чудес: чуда исцеления больного, чуда воскресенья мёртвого, чуда успокоения бури, чуда наполнения рыбой рыбацких неводов, чуда насыщения несколькими хлебами и рыбами тысяч голодных людей, чуда хождения по поверхности озера, чуда явления Сына Божьего, чуда его воскресенья из мёртвых, чуда вознесенья на небеса и т. д.

В иисусовой схеме свободной веры через личное доверие к Богу и человеку не было последнего медиационного штриха. Надо было отказаться от чуда как основания веры и перевести это основание в сферу права. Первые шаги в правовом оправдании индивидуализма веры (и, следовательно, индивидуализма как такового) сделал апостол Павел. Он по решению апостолов разворачивал свою деятельность за пределами Израиля, в том числе среди жителей Рима, там, где господствовало Римское право – Право, защищавшее права и свободы граждан Рима. Его постулаты «любовь выше веры» и «sola fide» (только верой), опираясь на право личности любить и верить как своё основание, начали победоносное шествие по миру. Без Павла, как и без Иисуса, была бы невозможна европейская Реформация (XVI–XVII вв.), было бы невозможно христианство, был бы невозможен западный тип развития, потому что был невозможен перевод медиации как основания развития на новый методологический уровень.

Гуманистические движения Европы как медиационные процессы

Новозаветно-гуманистическая методология формирования человеческого в человеке, содержащаяся в новозаветном христианстве, в значительной мере реализовалась в практике – в гуманистических движениях Европы. Основное достижение этих движений в том, что они сформировали субъекта европейского (западного типа) развития – личность и гражданское общество. На религиозном материале за каких-то две тысячи лет с нарастающим ускорением рождался принцип независимости от исторически сложившейся родовой, соборно-авторитарной культуры – формировалась личность, самостоятельно определяющая своё отношение к Богу, и гражданское христианское общество, в котором быстро нарастали элементы атеизма и безрелигиозного христианства.

Европейская личность и Ренессанс (XIII–XVII вв.)

Опираясь на античные и новозаветные гуманистические традиции, Ренессанс оправдал бытие человека как условную «середину между» рождением и смертью – жизнь, деятель-

ность, творчество, активную повседневность. Начался переход в осмыслении сути христианства – от понимания христианства как способа бегства от жизни, которая по определению «лежит во зле» и поэтому ужасна, к пониманию христианства как способу активного и радостного овладения жизнью, которая по определению прекрасна.

Прежде всего была возрождена античная материалистическая традиция – Ренессанс нравственно оправдал тело человека – важнейшую часть той «середины», которая находится «между» рождением и смертью. Появилась любовная поэзия, появились художники, писавшие обнажённое тело человека, скульпторы, осмелившиеся изображать любовное влечение, появились любовные романы. Человек перестал стыдиться открыто говорить о любви мужчины и женщины. Он стал говорить об этом с помощью стихов, прозы, музыки, танцев, философии, живописи, театра. Ренессанс поднял на невиданную ранее высоту разум человека, естествознание, науку – то, что располагается в «сфере между» всезнающим Богом (Абсолютным разумом) и слаборефлектирующим обыденным сознанием. Было оправдано разнообразие мира и уникальность отдельного человека. Появляются первые зачатки капиталистической промышленности, развивается банковское дело, международная торговля. Формируется научная картина мира, зарождается экспериментальное естествознание.

Идеи гуманизма захватывают все слои общества – купеческие круги, религиозные сферы, народные массы. Складывается новая, светская интеллигенция. Благодаря гуманистам в духовную культуру приходят свобода суждений, независимость по отношению к авторитетам, смелый критический дух. Рождается медиационная личность, располагающаяся «между» Богом с Его всевластными земными помазанниками и народом/толпой, которая всегда права – творческая, могучая, прекрасная. Её независимое центростремительное «Я», стремящееся к самой себе, становится центром идеологической сферы и надёжным основанием развития науки, промышленности, строительства, финансов, философии, литературы и искусства.

Европейская личность и Реформация (XVI–XVII вв.). Omnicia, filioque, sola fide

Но формирующейся западноевропейской личности и создаваемым ею обществам надо было сделать следующий шаг – сакрализовать результаты своего труда. Для этого было недостаточно модернизировать основание своей веры – надо было оправдать божественную среду, то есть мир, который сотворил Иисус и в котором живёт человек. Нужны были новые

догматы. Эта тенденция впервые проявила себя в решениях I Никейского собора, созванного византийским императором Константином I в 325 г. в г. Никее (ныне г. Изник, Турция). В решении собора Бог и Иисус становятся единственными (*omniscia*). Через это решение собора конфликт между греховной человеческой повседневностью и святой божественной потусторонностью частично разрешается в нахождении альтернативного третьего – Иисусовой богочеловеческой «середины», которая через новый догмат становится сакральной. Появляется новое основание веры – богочеловечность Иисуса.

Такой тип оправдания повседневности был невозможен, если Святой Дух исходил только от божественной потусторонности. Он должен был исходить также и от Иисусовой богочеловеческой посюсторонности, то есть от содержащей божественное человеческой повседневности (из сферы, которая располагается в «середине» между небесной святостью и земным грехом). Возникла проблема *filioque* («и от Сына») как утверждение того, что Святой дух исходит не только от потустороннего Бога, но и от посюстороннего Сына. Отсюда оправдание нового образа божественного и первого раскола христианской церкви в VI–XI вв. В основе раскола лежало противоречие между двумя тенденциями. Одна – медиационная тенденция в Западной церкви, ориентирующаяся на многообразие способов веры, в том числе и на безрелигиозный способ веры в Иисуса, и через него как воплощения всего сущего – в Бога Отца. Другая – тенденция спасения через церковное единообразие способов веры в Бога Отца и Иисуса как руководителя Восточной церкви в деятельности и рефлексии её отцов.

Но уже были Фома Аквинат (1225–74), оправдывающий критику христианства с позиций разума, Проторенессанс (XIII–вторая половина XIV в.), готическая «Осень средневековья» (вторая половина XIV в.), кватроченто Ренессанса (XV в.). Культура Европы двигалась к оправданию безрелигиозного индивидуализма в достижениях Высокого Ренессанса (первая четверть XVI в.), в творчестве Шекспира (1564–1616) и Сервантеса (1547–1616), к эпохе «героического предпринимательства» и философии Нового времени. «Человек активный», получив медиационную богочеловечность Иисуса как безрелигиозное основание веры, теперь должен был закрепить это основание юридически. Нужна была новая церковь, которая через новые догматы разрешила бы индивидуализм в вере. Такова логика возникновения проблематики *sola fide* («только верою») как третьего этапа легитимации медиационного развития западного христианства и второго раскола христианских церквей в XVI–XVII вв., в основе которого лежала та же самая «серединная» тенденция в развитии западной культуры и Западной церкви

и её отсутствие в Восточной церкви. Но утверждение нового способа веры в Европе шло через длительные кровавые религиозные войны.

30-летняя война (1618–48) между католиками и протестантами, унесшая 8 млн жизней, завершилась Вестфальским мирным договором (1649 г.), благодаря которому верующий человек в Европе закрепил за собой право на индивидуальный способ веры. Медиация в вере отвоевала себе право на существование в европейской культуре, нравственно оправдав становление индивидуализма личности. XVII век – это поворотный век в истории Европы, когда победившая личность, отказавшись от мышления полярными абсолютами, начала расчищать своё межполюсное пространство от хлама истории.

Европейская личность и Просвещение (XVIII–XIX вв.)

Методология эпохи Просвещения – это отрыв инновационного мышления европейца от суеверий и верований народной культуры, от родового обычая; это выход личности из тисков исторически сложившегося бытия; это способность художника, учёного, философа, писателя подняться над обыденностью и мыслить не в унисон, а вопреки исторической инерции.

Под влиянием идей Европейского просвещения были предприняты реформы, которые должны были перестроить всю общественную жизнь (просвещённый абсолютизм). Но наиболее значительным последствием идей Просвещения стали Американская революция (1775–83 гг.) и Великая французская революция (1789–99 гг.). Уже в XVIII веке делались попытки определения основного характера просвещения. Из этих попыток наиболее замечательная принадлежит И. Канту (1724–1804): просвещение не есть замена одних догматических идей другими догматическими же идеями, а самостоятельное мышление – в кантианстве возникло обоснование идеи самосовершенствования человека, культурного становления самостоятельной личности в «сфере между» Богом и человеком как субъекта развития культуры и общества.

Значение Ренессанса, Реформации и Просвещения

Благодаря этим гуманистическим движениям радикально изменилось восприятие западным человеком Бога и христианства, оно перешло от трагическо-эсхатологического в жизнеутверждающее, оптимистическое; эти движения несли жизнеутверждение, уверенность в способности индиви-

дуума познать себя и мир, развивать и развиваться. Они изменили содержание христианства: от устремлённости христианской религии к крайностям неба (Царствие небесное) и народа (коллективная вера, соборность) они повернули его к «середине» – к ценности индивидуума, личности, её независимому способу веры, ослаблению связи между религией и верой. Философ-гуманист, пастор, лауреат Нобелевской премии А. Швейцер (1875–1965) писал: «Под постоянно испытываемым воздействием этого нового склада мышления претерпевает изменения и мировоззрение христианства. Оно проникается духом установления мира и жизнеутверждения. Постепенно начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся, что дух Иисуса стремится не отказаться от этого мира, а преобразовать его... При этом христианство на всём протяжении своей эволюции не отдаёт себе никакого отчёта в том, что с ним происходит. Оно убеждено, что ничуть не меняется, а в то же время, переходя от пессимизма к оптимизму, утрачивает свою первоначальную сущность... Через какие кризисы пришлось бы ей (Европе – А. Д.) пройти, если бы не удалось естественным образом прикрыть новое мировоззрение авторитетом великой личности Иисуса!» [Швейцер 1992: 125, 127]. Христианские идеи всё более стали выражаться не языком религии, а языком позитивной науки. Современный христианский философ Ф. Шеффер пришёл к выводу, что сегодня невозможно проповедовать христианство, не опираясь на интеллект человека [Шеффер 1998: 50]. В западной культуре произошла интеллектуализация христианства, возник религиозно-секулярный синтез, который всё более утрачивает церковные формы. То, что Швейцер и Шеффер называют изменением в содержании христианства, является, по существу, расцерковлением, гуманизацией христианства, в основе которого лежит отход нравственного идеала от потусторонних ценностей Бога и народа, легитимация абсолютной ценности индивидуума и индивидуализма как богочеловеческой «середины». Произошёл переход, перелом в эмоциональном мире западного человека: моцартовская «Lacrymosa» бессмертна; но уже не она, её беспредельная скорбь, а неукротимая энергия «Аппассионаты» стала всё более определять тональность западной деятельной повседневности.

В процессе гуманизации различные сферы духовной культуры – философия, искусство, мораль, наука – всё более освобождались от религиозного санкционирования. Приведём статистические данные Питирима Сорокина о гуманистических процессах в Западной Европе. Если в Средние века идеалистическая философия составляла 100% содержания философских систем, то в XX в. (1900–1920) её доля упала до 40,9%. Шло развитие и распространение эмпиризма, критицизма и агностицизма, что служит, по мне-

Благодаря этим гуманистическим движениям радикально изменилось восприятие Бога и христианства западным человеком, оно перешло от трагическо-эсхатологического в жизнеутверждающее, оптимистическое.

нию Сорокина, показателем гуманизации философии. В этот период во всех философских системах доли эмпиризма, материализма и скептицизма составляли соответственно 53; 23,3 и 21,9%. В Средние века тематика и стиль в искусстве почти полностью определялись религией, а затем религиозная ориентация ослабевает. В живописи и скульптуре тематика религиозного искусства до X в. составляла 81,9%, в X–XIII вв. около 85%, а в XVI – 65%, в XVII – 50%, в XVIII – 24%, в XIX – 10% и в XX – 4%. Развивалась и гуманизация этических систем, что выразилось в проявлении и развитии чувственной этики счастья (гедонизма, утилитаризма, эвдемонизма). Процентное соотношение религиозной и чувственной этик составляло в IV–XIV вв. 100 и 0%; в XV – 91,3 и 8,7%, в XVI – 56,5 и 43,5%, в XVII – 61,6 и 38,4%, в XVIII – 63,7 и 36,3%, в XIX – 62 и 38% и в XX в. (до 1920 г.) – 57 и 43% [Сорокин 1992: 444, 467, 469, 481, 492].

С точки зрения роста влияния медиационного вектора среди верующих в Европе ещё более важны данные о росте числа верующих, не исповедующих никакой религии, то есть безрелигиозных верующих. Эта форма гуманизации общества наиболее распространилась в Англии, Германии, Франции и Голландии. Так, в Голландии в 1966 г. эта группа людей составляла 25,6% всех верующих, к 1980 г. она выросла до 42,7% и в 1990-е гг. стала основной группой верующих в этой стране [Дидерикс, Линдблат, Ноордам 1998: 406].

Что же произошло с точки зрения методологии развития? Изменилось представление об основании развития. Произошло «опосюсторонивание потусторонности», то есть переведение субъектности развития как основания с небес на землю, в творческую способность человека. Переданная ранее церковью и патриархальным правом Богу, субъектность проделала путь Иисуса и частично была возвращена человеку. Не полностью, люди смертны, но уже в степени, достаточной для того, чтобы самим определять, как и зачем им жить. В «сфере между» потусторонним Богом и обыденным земным сознанием, «живущим по логике пищеварительного тракта» (Франсуа Рабле), появилось новое качество бытия/мышления – способность подняться над обыденностью, творить новое качество жизни и в этом видеть божественное. Медиация перешла на новый уровень.

Медиация как феномен мировой культуры

Но опосюсторонивание потусторонности как реформационная постановка вопроса об основании развития захватывает не только европейский и североамериканский

регионы. По-видимому, этот образ осмысления реальности через некую «середицу» между Небом (Богом) и человеком витает в воздухе мира.

В мире всё более развёртывается борьба рефлексии человека против монотеизма и ширится процесс создания религиозных форм гуманизации нравственности в целях оправдания утилитаризма, прав личности, рациональности, диалога и медиации. Объектом критики с этих позиций становится традиционное отношение к Богу, Аллаху, Небу, Раю, Нирване. За последние века везде в мире активизировалась высшая нравственность Пути как альтернатива религиозному фундаментализму. В конфуцианской зоне – это Путь (Дао) как путь к Небу. В буддистской – это самосовершенствование как путь Будды. В зоне ислама – обоснование через Коран и хадисы исламского модерна как путь Пророка. В христианской зоне – Иисус-богочеловек как путь к Богу-Отцу. В индийских философско-религиозных системах Атман интерпретируется и как Небо, и как путь к Нему, а в зоне господства атеистической нравственности характерны варианты формулы, по которой «движение – всё», а «цель – ничто». Медиация как религиозно-нравственное оправдание «середины» проявилась и в религиоведении. Либерально-протестантская наука США пытается примирить стремление к религиозности с антицерковным протестом, в ней проявились «вера без Бога», вместо Бога – «основы жизни» и вера как «захваченность предельным интересом», то есть творчество (П. Тиллих). В либеральных протестантских научных кругах Западной Европы поставлен вопрос о возможности приравнять понятия «Бог» и «глубина жизни» (К. Барт), в англиканских – о временном отказе от понятия «Бог» в связи с его нефункциональностью (епископ Дж. А. Робинсон). Среди западных учёных-теологов предпринимается попытка доказать принципиальную невозможность существования всеведущего существа методами формальной логики [Проблемы христианской... 1994].

Важно осознать, что в «середине» находится не материализм как культ первичности материи и не идеализм как культ либо Бога, либо ценности «Мы» или «Я», а культ способности человека постоянно переосознавать меру своей способности к эффективным ответам на вызовы жизни во всё более усложняющихся условиях и осознавать найденную новую меру нравственной.

Главное, что в процессе гуманизации культур оправдание Пути как религиозное оправдание прав интеллекта (священных и неприкосновенных) становится мировоззрением и верующего, и атеиста. Вера, через которую культура интерпретируется как функция Бога, и атеизм, через который Бог рассматривается как функция культуры, начинают сближаться, совпадать в понятиях интеллекта, разума

и рефлексии, расположенных между Богом и культурой. В результате вера только тогда становится нравственной, когда она санкционирована интеллектом, и культура только тогда становится нравственной, когда она ориентирована на поиск божественного в себе. Например, склонный к секулярности немецкий учёный К. Г. Юнг считает, что «Бог открывает себя в акте человеческой рефлексии» [Юнг 1995: 62]. Премьер министр Англии Маргарет Тэтчер неоднократно говорила о том, что она атеист, но что вопрос прав человека для неё – вопрос религиозный [Тэтчер 1996: 32].

Как изменился субъект развития за 2,5 тысячи лет? Медиационная парадигма в западном интегрализме

Потусторонность во всех классических мировых религиях диктует «правила поведения» посюсторонности. Исключение: «сидящая» в конфуцианстве медиационная посюсторонность доминирует над потусторонностью, объясняя человеку, что есть хорошо и что – плохо; но конфуцианство – это этическое учение, а не религия спасения, и оно не претендует на то, чтобы спорить с Небом о приоритетах в определении целей бытия. Монополию потусторонности ничто не нарушает, хотя частичное опосюсторонивание потусторонности как медиационный процесс «сидит» во всех мировых религиях. Но «сидит» тихо, не нарушая приличий. Кроме новозаветного христианства. Посюсторонность взорвалась претензией на доминирование в религиозном учении в одном только западном христианстве, и этот переворот привёл к оправданию новых представлений о божественном и человеческом, хаотично перемешав их со старыми. Изменил этот переворот и культуру, родившуюся под знаком новозаветного гуманизма.

Исследователи современности – З. Бауман (1925–2017, Польша, Англия), Э. Гидденс (1938, Англия), У. Бек (1944–2015, Германия), Дж. Урри (1946–2016, Англия) – указали на распад логоцентризма, хаотизацию социального, и сквозь этот хаос они увидели нарождающиеся новую мобильность людей, новые облики морали, новизну человеческого капитала и сообщили о новой сложности, новых рисках перемен, новом порядке. Как обобщить эти изменения в человеческой реальности через императив поиска нового основания развития и теорию медиационных процессов?

Сегодня происходит изживание исторически сложившейся логоцентрической парадигмы с её монотеизмом, презумпцией Должного и отчуждаемым аналитизмом в спектре от теократии до либеральной демократии. Умерла метафизика, умер Бог, не авторитетен никакой вождь, никакой народ, никакая идеология, исчез полюс потустороннего трансцен-

дентного – нет табу на названия: неназванных, и неназываемых объектов больше нет, а все имена и оценки относительны и их интерпретации бесконечно многообразны и субъективны. Так вокруг чего же строить диалог? Что может быть основанием общественной солидарности, консенсуса, единства? Бесконечное чередование партиципации к различным объектам с последующим болезненным отчуждением от них сегодня всё более сменяется партиципацией не к значению как таковому, означающему объект, а к самому движению между смыслами, между логиками (В. Библер)¹.

Консенсус на основе исторически сложившихся ценностей культуры, её норм невозможен. Линейность, родившаяся в недрах культуры, гибнет на глазах (выступления на социологических конгрессах Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, Дж. Урри и их комментаторов о нарастании

¹ В российской аналитической мысли выделяются два полюса в оценке качества мышления – «мысль» и «бытие». По диалогике В. С. Библера, мысль только тогда мысль, когда она вырвалась из объятий бытия и в своей свободной «надбытийности» творит новый мир. В качестве примера философ приводит мысль Пушкина и других (см., напр., опубликованные черновики Библера в двух томах: Библер. Замыслы. Сост. И. Е. Берлянд, комментарий и послесловие А. В. Ахутин. М., РГГУ. 2002). Ф. М. Достоевский утверждает противоположное: мысль только тогда чего-нибудь стоит, когда живёт в недрах бытия, отражает бытие и служит бытию. Отсюда его пассажи в Пушкинской речи и «Дневнике писателя» о том, что Пушкин только тогда достиг вершин своей гениальности, когда «поклонился народу». В данной статье моё «движение в «сфере между» смыслами» близко подходит к диалогике Библера и бесконечно далеко от религиозного народничества Достоевского. Библер считал, что диалогика субъекта как движение между логиками снимает противоречие. Но если это так, то ни диалогика, ни медиация не нужны, – говорил Ахиезер. Полное снятие противоречия и невозможно, и не нужно, – считал он – медиационное вмешательство в исходное противоречие необходимо лишь для того, чтобы сняв его как абсолют, переформулировать его, либо создать новое; окончательная задача не в том, чтобы снимать противоречие, а в том, чтобы, создавая иерархию противоречий (иерархию оппозиций в анализе), производить развитие, развивая идею развития. Я думаю: оба выдающихся аналитика говорили об одном и том же диалогично-медиационном процессе, но с разных сторон. Ахиезер вводил понятие «медиация» как вход в межполюсное смысловое пространство с целью преодоления противоречий максимально, как ему казалось, широко. Библер вводил понятие «диалогика» как движение мысли между смыслами, как поиск новой меры диалогичности с целью преодоления противоречий. «Диалогика» Библера опирается на чистое «Я» пушкинского типа («чистейшей красоты чистейший образец»), создающее в России новую культуру на своём собственном основании, как бы не замечающее почвенного «Мы» Достоевского. А «медиация» Ахиезера в борьбе с засильем в России исторически сложившихся культурных стереотипов рассчитывает на формирующееся гражданское общество – новое «Мы». Действительно, одного независимого «Я» для строительства гуманистической («срединной») культуры в России мало. Но концепт «медиация» как новое «Мы» требует дальнейшей теоретической разработки, в частности адекватной теории социокультурного диалога в условиях России, которой пока нет. Из-за близости взглядов учёные могли бы сотрудничать. Но, как рассказывал Ахиезер, когда он попросился участвовать в теоретическом семинаре Библера, тот предложил ему изложить свои взгляды на философию и, выслушав, отказал ему. Это произошло, когда Библер был в зените своей прижизненной научной славы, а Ахиезер только начинал. Но надо отдать должное Ахиезеру – после смерти Библера и незадолго до своей он опубликовал две хвалебные рецензии о творчестве Библера, правда, как мне кажется, в значительной степени приписав философу свои мысли, которых тот нигде не излагал.

сложности, нелинейности, рисков, турбулентности отрывочны, недостаточны и требуют более высокого уровня обобщения). С. А. Кравченко (МГИМО), повторяя западных социологов, во всех своих книгах пишет: «сложность», «риски» – но это не ответ на последние вопросы социокультурной эволюции. А в чём новая сложность, порождающая новые риски, как абстракция, откуда она взялась? Она в том, что двухполюсное (дуальное) мышление – логоцентрическое, линейное перешло, переходит в трёхполюсное (тернарное) – медиационное, нелинейное [Давыдов, Розин 2017]. На наших глазах рождается как глобальная доминанта принцип типологически нового многообразия и, следовательно, типологически нового единства (хотя трёхполюсное мышление как компонента рождалось одновременно с культурой). В этом усложнение. И именно это из тысячелетия в тысячелетие нарастающее усложнение – нарастание значимости медиационного компонента в структуре смыслогенеза – является основанием и заката мифоритуальной эпохи, и вырождения дуалистической логоцентрической парадигмы в её имперско-племенном виде, и, следовательно, возможности снятия сегодня угрозы раскола, гражданской войны между культурой и обществом.

А теперь главный вопрос: что же сделала начавшаяся с вавилонских пленников и Иисуса/Павла западная медиация с Богом и человеком как субъектами развития за две с половиной тысячи лет? Каков результат? Что произошло с ценностями и интересами как основаниями развития? Чем закончился процесс разрушения логоцентризма, начатый ими, как себя чувствует доверие человека к Богу и человеку, положенное ими взамен логоцентрических ценностей? И как ведёт себя сам процесс медиации, начавший свою разрушительно-созидательную работу в богочеловеческой «сфере между» Богом (всеобщим) и человеком (единичным).

Западная медиация беспощадно отодвинула на периферию круга ценностей и интересов, а где-то и просто выбросила и ветхозаветного Бога, и родового человека из социокультурного диалога, а затем и из социокультурного глобально-национального развития на свалку истории. А что породила взамен? В каких образах можно выразить нынешний процесс смены логоцентрической линейности на медиационную нелинейность в мировой культуре?

Нет Бога-творца как Абсолюта, а есть бесконечно многообразное божественное в виде интерпретаций разума/экзистенции человека, содержащихся в его интенциональности. Нет абстрактного человека-субъекта развития как Абсолюта, протагорова человека – «меры всех вещей», который «звучит гордо», а есть бесконечно многообразное конкретное человеческое, содержащееся в интерпретациях разума/экзистенции человека,

Двухполюсное (дуальное) мышление – логоцентрическое, линейное перешло, переходит в трёхполюсное (тернарное) – медиационное, нелинейное.

Западная медиация беспощадно отодвинула на периферию круга ценностей и интересов, а где-то и просто выбросила и ветхозаветного Бога, и родового человека из социокультурного диалога, а затем и из социокультурного глобально-национального развития на свалку истории.

располагающихся в его интенциональности. Всё более устаревает поиск божественного в Боге и человеческого в человеке, потому что и божественное, и человеческое – уже почти не в библейском Боге и ещё меньше в абстрактном человеке; они всё более отделяются от своих носителей и автономно, дерзко бытуют в богочеловеческой «сфере между» Богом и человеком как субъекты медиационной рефлексии аналитика – человека цифры.

Обобщённо: нет познающего субъекта, нацеленного на развитие, а есть его (1) интенциональность, (2) способности и (3) эффективность как всё более независимые от «человеческого, слишком человеческого» (Ницше), как характеристики его «текучей» (по З. Бауману) субъектности, располагающейся в «сфере между» его субъективностью и его объективацией. Устаевают традиционные образы культуры, общества и идентичности, а актуализируется бесконечно многообразный процесс распада старых и формирования новых социокультурных синтезов в «сфере между» культурой и обществом, медиационный процесс формирования «текучей» социокультуры, «текучего» (изменяющегося), медиационного субъекта и его «процессуальной» (Н. Федотова), «текучей» (А. Нуксунова) идентичности. Отсюда основной вывод: надо изучать медиацию.

Медиация как аналитический инструмент познания социокультурной реальности и основание развития выступает в двух ипостасях.

Вместо заключения. Определение медиации как социокультурного основания процесса развития

Медиация (и здесь я вынужден повториться) – это одна из логик культуры. Но доминирующей логикой межсубъектных отношений она становится лишь в обществе. Основная функция и способность медиации – в сложном противоречивом, опасном социокультурном пространстве искать новую меру осмысления старых идей, формировать новые смыслы, «срединную» культуру и программировать медиационные процессы.

Медиация (а здесь я говорю о новой функции медиации, впервые описанной в данной статье) – это также независимая от человека логика становящейся «срединной» культуры, сама заставляющая человека принимать законы, диктующая ему стандарты поведения, вынуждающая его постоянно переосмысливать свою способность переосмысливать и, следовательно, модернизировать программы медиационных процессов, перепрограммировать развитие.

Развитие как медиационный процесс можно увидеть в бесконечном множестве двойных экстраполяций:

1. Управление развитием зависит от того, к какому типу относится социокультурная доминанта в менталитете субъекта управления – мифоритуальному (гностическому, однополюсному), логоцентрическому (соборно-авторитарному, дуальному, инверсионному) или медиационному (личностному, тернарному) [Давыдов 2016а: 84–98; Давыдов 2016b: 113–127].

2. Системы управления развитием, располагаясь в «сфере между» субъектом управления и объектом, перехватывают субъектность у человека и измеряются диапазоном своей интенциональности (диапазоном адекватной реакции на динамику внешней по отношению к ним среды, в том числе по отношению к своему субъекту), совершенством своего операционного механизма и своей эффективностью на рынке систем управления развитием.

Что собой представляет операционный механизм управления в медиационных процессах? Вот один из ответов. Он подсказан открытием, который сделал (уже почти легендарный) Сатоши Накамото – технологией блокчейн. Блокчейн-технология опирается на распределённую базу данных, где единицей является отдельный, изолированный и закодированный блок ценной информации. Экстраполируя некоторые аспекты блокчейн-логики не на финансы, на что она чаще всего бывает ориентирована, а на анализируемое общество, этот автономный блок закодированной информации можно представить как идеальную автономную личность, в чём-то наиболее ценном кодирующую свою сущность и намерения. Открытый и продуктивный контакт между такими независимыми личностями (крипто-личностями?) возможен, только в одном случае – если они обмениваются ключами к своим кодам, то есть на абсолютном доверии. Такой уровень доверия достигается, если личность в своих действиях независима не только от ценностей исторически сложившейся культуры и её институтов, но и от любого внешнего воздействия со стороны государства и общества. То, что в блокчейн-технологии называется «обменом кодами», в медиационных процессах и, следовательно, в социокультурном анализе именуется поиском меры взаимоотталкивания/взаимопроникновения между противоположностями (в данном случае между культурой и обществом), то есть поиском условной социокультурной «середины» (более подробно см.: [Давыдов 2012]).

Почему я говорю об абсолютном доверии как необходимым и достаточным механизме регулирования социальных отношений? Потому что если, начиная с вавилонских пленников/Иисуса/Павла Библии, гуманистических движений Европы

и до нынешнего этапа технологической революции значимость доверия была одним из нарастающих оснований социокультурного диалога/общественного договора, то в блокчейн-технологии и в других современных медиационных технологиях *доверие становится основным (если не единственным) регулятором социальных отношений*, всё более игнорируя такие устаревшие институты, как авторитарное государство, банки, устанавливающие драконовские процентные ставки, религии спасения, патримониальные отношения, членство в правящей политической партии и т. д. Через медиационные процессы формируется типологически новый субъект развития – человек цифры, который заявил новый принцип общественного воспроизводства – самоорганизацию/диалог/общественный договор на основе абсолютного доверия людей друг к другу.

И зря, напрасно хлопочут моралисты, стеная по поводу гибели вечных ценностей – доверие, родившееся в палеолитической семье и сакрализованное в мировых религиях, в современных медиационных процессах становится новым ядром нарождающейся глобальной морали. Отсюда обратная логика: человек, пытающийся обмануть, оказывается вне медиационной динамики и, в конечном счёте, на обочине мирового развития. На каком основании? Только на том, что не заслуживает доверия.

Человек программирует медиационные процессы развития, а если не программирует, то, автономизируясь от человека, медиация отодвигает его на периферию общественного развития, затем удаляет его сначала из социокультурного диалога, а затем беспощадно выбрасывает из процесса социокультурного глобально-национального развития на свалку истории – туда, где находятся не сумевшие вовремя перестроиться исчезнувшие с лица земли бесчисленные народы и цивилизации.

Библиографический список

Ахиезер А. С. 1998. Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф. 600 с.

Аристотель. 1984. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. 830 с.

Гегель Г. В. Ф. 1999. Наука логики. М.: Мысль. 1071 с.

Гусейнов А. А. 1999. Мораль и разум // Разум и экзистенция. СПб.: РХГИ. 402 с.

Давыдов А. П. 2016а. Социокультурные типы в науке об обществе. К типологии ментальности 1 // Философские науки. № 3. С. 84–98.

Давыдов А. П. 2016б. Социокультурные типы в науке об обществе. К типологии ментальности. Статья 2 // Философские науки. № 4. С. 113–127.

Через медиационные процессы формируется типологически новый субъект развития – человек цифры, который заявил новый принцип общественного воспроизводства – самоорганизацию/диалог/общественный договор на основе абсолютного доверия людей друг к другу.

Человек программирует медиационные процессы развития, а если не программирует, то, автономизируясь от человека, медиация отодвигает его на периферию общественного развития, затем удаляет его сначала из социокультурного диалога, а затем беспощадно выбрасывает из процесса социокультурного глобально-национального развития.

Давыдов А. П. 2012. Социокультурный анализ социальной динамики России (Предмет и основы методологии) // *Философские науки. Теория, методология и история социологии. Специальный выпуск.* 48 с.

Давыдов А., Розин В. 2017. Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М.: Ленанд. 288 с.

Дидерикс Г. А., Линдблат И. Т., Ноордам Д. И. 1998. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. / Перевод с немецкого. М.: РОССПЭН. 432 с.

Леви-Брюль Л. 1994. Сверхестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс. 608 с.

Леви-Стросс К. 1994. Первобытное мышление. М.: Республика. 384 с.

Лопухин А. П. Толковая Библия. Книга Иова. Статья 3 // URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Lopuhin/tolkovaja_biblija_21=9#sel=62:1,66:69 [Дата посещения: 30.01.2018].

Медиация как социокультурная категория. Теоретический семинар. Стенограмма (Москва. Институт социологии РАН. 22.02.2013) // *Философские науки.* 2013. № 11, 12; 2014. № 15.

Проблемы христианской философии. Материалы Первой конференции Общества христианских философов. М.: Прогресс-Академия. 1994. 208 с.

Сорокин П. А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 543 с.

Тэтчер М. 1996. О самом важном // *Аргументы и факты.* № 35.

Швейцер А. 1992. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс. 575 с.

Шеффер Ф. А. 1998. Искусство и Библия. СПб.: Мирт. 60 с.

Юнг К. Г. 1995. Ответ Иову. М.: Канон. 352 с.

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.493](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.493)

The Basis of Development as a Socio-Cultural Issue (On the Question of the Mediation Theory of Western Society's Evolution)

Davydov Aleksey Platonovich

Doctor of Cultural Studies, Main researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: apdavydov@gmail.com

Abstract. The foundation for the notions of development presented in this article consists of an objectively existing contradiction between new and old, which the author conceptualizes through the contradiction between culture and society, as well as of the mediation (mediana – Latin for “middle”, media – Latin for “environment”, mediation – meaning “searching for middle” in English) method for eliminating said contradiction. The proposed concept for studying development contains a certain question: where and how should one look for socio-cultural semantic spaces in a person’s thinking, together with the corresponding mental settings aimed at development? It also contains a hypothetical answer: within a certain interpolary “middle” as a basis. The theoretical notion of a “middle”, “median”, “search for middle”, “mediation”, “average capacity”, which describes the dynamics of western society as an emerging “median culture”, itself originated in ancient Greek ethics (Aristotle), while undergoing ontologization in classical German philosophy (G. W. F. Hegel). It was given social substance in French anthropology during the 19–20th centuries (L. Levy-Bruhl, C. Levi-Strauss), and, after going through new Testament Christianity, existentialism and post-modernism, helped with comprehending the structure and main tendencies in the development of modern society. The methodology of the socio-cultural analysis of society utilized in this article allows for revealing the logic and structure of mediation processes as a basis, together with the mechanisms for development. The basis for the notion of modern mediation processes is comprised of theoretical developments by Russian scientists A. S. Ahiezer (mediation logic) and V. S. Bibler (dialogics), as well as of criticism of the purpose of “middle” in the works of Y. A. Levada and Y. N. Afanasiev, and the ideas of A. V. Tikhonov, G. L. Tulchinskiy, I. M. Klyamkin, V. V. Petukhov and V. G. Fedotova.

Keywords: development, Europe, the West, mediation, middle, culture, society, religion, Christianity, sociocultural analysis.

References

Ahiezer A. S.. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: Criticism of Historical Experience]. Vol. II. Teoriya i metodologiya. Slovar'. Novosibirsk, Sibirsky khronograf, 1998. 600 p. (in Russ.).

Aristotel'. Oeuvres in 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl', 1984. 830 p. (in Russ.).

Davydov A. P. Sotziokul'turnye tipy v nauke ob obschestve. K tipologii mental'nosti [Sociocultural types in the science of society. To the typology of mentality]. Stat'ya 1. Filosofskie nauki, 2016, no 3, pp. 84–98 (in Russ.).

Davydov A. P. Sotziokul'turnye tipy v nauke ob obschestve. K tipologii mental'nosti [Sociocultural types in the science of society. To the typology of mentality]. Stat'ya 2. Filosofskie nauki, 2016, no 4, pp. 113–127 (in Russ.).

Davydov A. P. Sotziokul'turnyy analiz sotzial'noy dinamiki Rossii (Predmet i osnovy metodologii) [Sociocultural analysis of the social dynamics of Russia (Subject and Basis of Methodology)]. Filosofskie nauki. Teoriya, metodologiya i istoriya sotziologii. Spetsial'ny vypusk, 2012. 48 p. (in Russ.).

Davydov A., Rozin V. Spor o mediatsii. Raskol v Rossii i mediatsiya kak strategiya ego preodoleniya [The dispute about mediation. Split in Russia and mediation as a strategy to overcome it]. Moscow, Lenand, 2017. 288 p. (in Russ.).

Dideriks G. A., Lindblat I. T., Noordam D. I. Ot agrarnogo obschestva k gosudarstvu vseobshego blagodenstviya: Modernizatsiya Zapadnoy Evropy s XV v. do 1980-kh gg. [From the agrarian society to the welfare state: Modernization of Western Europe since the 15th century until the 1980s.]. Moscow, ROSSPEN, 1998. 432 p. (in Russ.).

Gegel' G. V. F. Nauka logiki [Science of logic]. Moscow, Mysl', 1999. 1071 p. (in Russ.).

Guseynov A. A. Moral' i razum [Morality and reason]. Razum i ekzistentsiya. Saint-Petersburg, RHGI publ., 1999. 402 p. (in Russ.).

Levi-Bryul' L. Sverkh`estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press, 1994. 608 p. (in Russ.).

Levi-Strauss C. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Moscow, Respublika, 1994. 384 p. (in Russ.).

Lopukhin A. P. Tolkovaya Bibliya. Kniga Iova [Explanatory Bible. The Book of Job]. Stat'ya 3. The Azbuka web portal. URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Lopuhin/tolkovaya_bibliya_21=9#sel=62:1,66:69 [date of visit: 30.01.2018] (in Russ.).

Mediatsiya kak sotziokul'turnaya kategoriya [Mediation as a sociocultural category]. Teoretichesky seminar. Stenogramma (Moskva. Institut sotziologii RAN. 22.02.2013). Filosofskie nauki, 2013, no. 11, 12; 2014, no 1–5. (in Russ.).

Problemy khristianskoy filosofii [The problems of Christian philosophy]. Moscow, Progress-Akademiya, 1994. 208 p. (in Russ.).

Sheffer F. A. Iskusstvo i Bibliya [Art and the Bible]. Saint-Petersburg, Mirt, 1998. 60 p. (in Russ.).

Shweizer A. Blagogovenie pered zhizn'yu [Ehrfurcht vor dem Leben]. Moscow, Progress, 1992. 575 p. (in Russ.).

Sorokin P. A. Chelovek. Civilizatsiya. Obschestvo [Human. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 1992. 543 p. (in Russ.).

Tatcher M. O samom vazhnom [About the most important]. Argumenty i fakty, 1996, no 35 (in Russ.).

Yung K. G. Otvet Iovu [Reply to Job]. Moscow, Kanon, 1995. 352 p. (in Russ.).

Т е м а н о м е р а Развитие человечества: теоретический концепт и социальная реальность

Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории

Вебер Александр Борисович –
доктор исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: mailbox@polisma.ru

Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.494](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.494)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы мирового развития в условиях цивилизационного кризиса. Доминирующий тип развития, основанный на безудержном экономическом росте, привёл к нарушению биосферного равновесия. Экологические угрозы обозначили пределы роста – растяжимые, благодаря техническому прогрессу, но вполне реальные. Политика глобализации усугубила ситуацию, обострив конкуренцию на мировых рынках и борьбу за доступ к ресурсам. Но пределы роста – это не предел социального развития. Существуют сферы, где предела нет: это сфера культуры, образования, искусства, спорта, творческой активности. В общественном мнении формируется новый подход к пониманию развития: его целью должно быть развитие человека, общественное благосостояние. Речь идёт о развитии, совместимом с сохранением природной среды в пригодном для жизни состоянии сегодня и в будущем. В этом основной смысл концепции устойчивого развития, официально признанной мировым сообществом, но пока не ставшей на деле приоритетом мировой политики. Переход к другому развитию встречает явное и неявное сопротивление влиятельных сил, так как предполагает преодоление крайностей неравенства, более справедливое распределение богатства, конструктивное международное сотрудничество, исключающее гегемонистские претензии с чьей-либо стороны. Будущее неопределённо, оно таит возможность разных исходов. Решающее значение приобретает выбор политики развития. Разумное регулирование мировых процессов на основе международно признанных норм и правил может придать мировому развитию новое качество, адекватное существующим угрозам.

Ключевые слова: рост и развитие, экологические угрозы, глобализация, пределы роста, развитие человека, общественное благосостояние, устойчивое развитие, политика развития

Современное мировое развитие парадоксально. С одной стороны, – поразительные технические и экономические достижения цивилизации, открывающие невиданные прежде возможности создания достойных условий жизни для всех, с другой – и отчасти вследствие этих достижений – угрозы для природной среды, для здоровья и жизни людей, столкновение интересов, очаги конфликтов и войн, неопределённость будущего.

Сложная действительность ставшего целостным, но разделённого мира есть тот исходный пункт, от которого приходится отталкиваться, говоря о проблемах *политики развития*, способной содействовать установлению более устойчивого и справедливого мирового порядка. «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы действовать», – этот афоризм французского философа XIX в. Огюста Конта как нельзя более уместен в наше беспокойное время.

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Развитие часто отождествляют с экономическим ростом. Стало привычным измерять общественное благосостояние величиной валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. На самом деле (и это давно уже признано) использование ВВП как индикатора благосостояния лишь вводит в заблуждение. Статистика ВВП не даёт и не может дать адекватного представления об уровне и динамике общего благосостояния, потому что засчитывает в качестве дохода также общественные издержки – сокращение природной ресурсной базы, затраты на ликвидацию последствий аварий, природных бедствий, другие непроизводительные расходы. Поэтому показатель общего благосостояния неизбежно отклоняется от показателя ВВП, а может и снижаться, когда экономика продолжает расти [Zolotas 1981; Daly 1996].

Это привело в своё время к признанию необходимости различения *роста* и *развития* как изменений преимущественно количественных – в первом случае, и качественных – во втором. Развитие стали рассматривать главным образом с точки зрения положения человека, качества жизни, определяемого не только и не столько уровнем среднего дохода на душу населения, сколько такими параметрами, как ожидаемая продолжительность жизни, образование, доступность базовых социальных услуг, объектов культуры.

Другое основание для различения роста и развития – двусмысленность либеральной модели потребительского общества, которое обещает больше, чем может дать. Рынок порождает завышенные ожидания, обманчивые для многих. Доступ к всё более дорогим престижным благам обусловлен уровнем дохода. То, что хотят и могут иметь одни, не могут

Сложная действительность ставшего целостным, но разделённого мира есть тот исходный пункт, от которого приходится отталкиваться, говоря о проблемах политики развития.

Развитие стали рассматривать с точки зрения положения человека, качества жизни, определяемого не только уровнем среднего дохода на душу населения, но и такими параметрами, как продолжительность жизни, образование, доступность социальных услуг, объектов культуры.

получить все. «Обществу изобилия» парадоксальным образом сопутствует феномен относительной лишённости. Рынок доводит доступное широкому кругу потребителей до той точки, когда возникает *избыточность, скученность*, что существенно снижает ценность пользования новыми благами (приносимое ими удовлетворение), приводит к ситуациям дискомфорта, бытовой конфликтности и другим социальным издержкам.

Вездесущая навязчивая реклама и всемогущая мода становятся для потребителя своего рода ловушкой: ему приходится, подобно Алисе в Стране чудес, бежать всё быстрее, чтобы оставаться на том же месте. Вынужденная погоня за призраком «счастья» в облике всё новых потребительских благ, предлагаемых рынком, не делает людей более счастливыми. Достижение более высокого жизненного стандарта означает для многих утрату позитивной цели жизни. Другие страдают от комплекса неполноценности («я – неудачник»), неуверенности в себе, стрессовых состояний, психических расстройств. Отсюда распространение алкоголизма, наркомании, иных форм аномального поведения. Здесь для рынка с присущей ему тенденцией эксплуатировать человеческие слабости и пороки, открывается широчайший простор.

Экономический рост остаётся, конечно, важной предпосылкой развития, особенно для более бедных стран. При низком исходном уровне развития и растущем населении преодоление бедности невозможно без роста материального производства. Чем ниже этот исходный уровень, тем больше развитие зависит от роста производства. И, наоборот, при более высоком уровне развития общества и стабилизации численности населения больше возможностей для перераспределения общественного продукта; поэтому зависимость развития от темпов экономического роста снижается.

В любом случае, плоды экономического роста распределяются крайне неравномерно. Богатство, наследуемое и прирастающее в поколениях, всё больше концентрируется в руках немногих [Picketty 2014]. Источниками сверхвысоких доходов могут быть рентные платежи, дивиденды, монопольная сверхприбыль, спекуляции ценными бумагами, заоблачные жалованья и бонусы топ-менеджеров и высокопоставленных чиновников. Контроль над ресурсами, сопутствующий владению финансовыми активами и/или высокому положению в управленческой иерархии, позволяет частным лицам присваивать немалую долю всеобщих благ, т. е. того, что приносит в экономический рост применение научных знаний, использование природных ресурсов, технический прогресс [Nadel 2012: 30–43¹].

¹ Цитируемый автор, Семён Надель, многие годы возглавлял отдел социальных исследований в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Последние годы жизни провёл в США, где продолжал заниматься научными исследованиями.

Крайнее неравенство – одна из главных социальных проблем современности. Контрасты сверхбогатства и бедности разлагают общество, подрывают его нравственные устои [Judt 2012: 21–23]. На Западе это проявилось особенно наглядно с переходом к постиндустриальной эре и во многом связано с информационно-коммуникационной революцией, с ростом крайнего индивидуализма. Ценности, поощряющие расточительную роскошь, гедонизм, примитивный поп-арт, оттеснили традиционные ценности протестантской этики [Bell 1976]. В США на фоне экономического подъема произошло то, что Фрэнсис Фукуяма назвал «великим разрывом» в социальных ценностях – рост насилия, преступности, ослабление семейных связей, упадок доверия людей друг к другу, к политическим институтам, другие формы социальной дезорганизации [Фукуяма 2004].

Рост доходов и потребления не может, таким образом, считаться синонимом позитивного социального развития. Возможность пользоваться всё большим объёмом жизненных благ не обязательно приводит к большему удовлетворению жизнью. Пресловутый «джонесизм» (стремление не отстать «от Джонсов») оборачивается для многих комплексом неполноценности – со всеми упомянутыми выше негативными последствиями. Потребительское изобилие сплошь и рядом оборачивается вседозволенностью, утратой нравственных ориентиров и самоконтроля людей над своим поведением [Brzezinski 1993: 64 sqq]¹. Показательно, что в США на протяжении XX в. периоды процветания сопровождалась ростом преступности [Samuelson 1995: 59]. И в этом богатом обществе, она, как известно, намного выше, чем в менее богатых странах.

Пределы роста и возможности развития

Различение роста и развития на определённом этапе привело к пониманию того, что экономический рост, в отличие от развития, не может быть беспредельным, он наталкивается на естественные пределы, налагаемые природной средой. Любые экспоненциальные процессы предельны по определению. Неограниченный рост в ограниченной и невозпроизводимой среде (какой является биосфера) невозможен. Его физические пределы (растяжимые, но вполне реальные) заданы конечной несущей ёмкостью природных экосистем.

Это можно проиллюстрировать простым числовым примером. Зная период удвоения объёма производства, легко определить, что, например, умеренный ежегодный

¹ Для обозначения этого явления Бжезинский использовал трудно переводимые на русский язык термины «permissive cornucopia» или «cornucopian permissiveness», т. е. вседозволенность, порождаемая потребительским изобилием.

3-процентный рост (удвоение приблизительно за 23 года) на протяжении столетия означал бы почти 20-кратное увеличение объёма производства. Ни отдельные страны с уже развитой экономикой, ни мировая экономика в целом не могут долго поддерживать такое увеличение производства вследствие ресурсных и экологических ограничений. Антропогенное воздействие хозяйственной деятельности человека на природную среду уже превысило тот порог, за которым нарушение естественного механизма её саморегуляции и восстановления стало необратимым.

Предостережения учёных о грозящих человечеству опасностях звучат давно. Наибольшую известность получил доклад, представленный в 1972 г. группой исследователей Массачусетского технологического института (США) Римскому клубу, под названием «Пределы роста» [Медоуз и др. 1991]. Авторы, основываясь на компьютерной модели системной динамики мира Дж. Форрестера, показали: если наблюдавшиеся на протяжении большей части XX в. тенденции роста населения, промышленного и сельскохозяйственного производства, потребления ресурсов и воздействия на окружающую среду сохранятся, то во второй половине XXI в. произойдёт коллапс. Избежать его можно, изменив тип развития, придав иное, новое качество экономическому росту, совместимое с сохранением устойчивости природной среды.

Пока такого не происходит [Медоуз и др. 1994; 2007]. Это подтверждает, в частности, оценка западными экспертами основных компонентов совокупного национального богатства и тенденций их изменения в большой группе стран мира. В большинстве из 20 стран, которые стали объектами этого исследования (72% мирового населения), оцениваемый природный капитал (при этом не учитывались эрозия почв и сокращение водных ресурсов) на протяжении 1990–2008 гг. сократился – как абсолютно, так и в расчёте на душу населения [Inclusive... 2012]. Масштаб зафиксированного сокращения варьируется от страны к стране, составляя в среднем 5%, что для такого короткого срока выглядит устрашающе. Ведь ВВП в указанной группе стран продолжал расти, т. е. рос за счёт «проедания» природных ресурсов¹. Чем объясняется, видимо, и наблюдаемое ныне обострение борьбы на международной арене за доступ к ресурсам.

Результаты этого исследования позволили его авторам поставить ряд вопросов, имеющих принципиальное значение для оценки доминирующей в мире модели развития. Является ли она приемлемой с точки зрения человеческого

¹ Опубликованное позднее новое исследование, охватившее 140 стран, подтвердило данный вывод: природный капитал сократился в 127-ми из них [Inclusive... 2014: xxiv].

благополучия? Можно ли считать нацеленность на материальное богатство и экономический рост ключевыми факторами благосостояния? Позиция, заявленная в докладе, однозначна: они не должны рассматриваться как самоцель. Не менее важны социальные и экологические факторы – образование, здоровье, чистый воздух, чистая вода и, среди прочего, важные для душевного здоровья людей природные ландшафты. В фокусе политики развития должно быть благосостояние человека.

Реальные возможности существенного сокращения удельных ресурсных затрат без ущерба для роста производства существуют [Вайцзеккер и др. 2000; 2013]. Доказана и практическая возможность сокращения эмиссии парниковых газов, снижения уровня промышленных и бытовых отходов. Реализация этих возможностей предполагает более широкое использование ресурсосберегающих и природоохранных технологий. Но технический прогресс может лишь отодвигать, но не может сам по себе предотвратить наступления «режима превышения предельных состояний». Необходимо изменение типа социального развития, переход к такому типу развития, который направляли бы не частные интересы, не «слепые» рыночные силы, а ценностные установки и правила, привносимые извне рыночных отношений, интересы общественного блага.

Важно понимать: пределы роста – это не пределы развития. Существуют сферы, где предела нет и не может быть – это сфера культуры, образования, искусства, спорта, физического и духовного развития личности. Здесь не может возникнуть феномен «избыточности». Напротив, чем больше люди погружаются в эти сферы, тем лучше для климата в обществе. Вполне закономерно, что проблематика развития человека стала занимать в последние десятилетия всё большее место в международном научном и политическом дискурсе.

Стимулируют его, в частности, регулярно публикуемые с 1990 г. под эгидой Программы развития ООН доклады о развитии человека. Инициаторы этого проекта с самого начала декларировали новый подход к пониманию развития: его цель должна состоять в создании благоприятной среды, позволяющей людям вести долгую, здоровую и творческую жизнь. В противоположность экономизму в качестве меры развития признаётся не максимизация потребления, не изобилие материальных благ, а обогащение физической и духовной жизни людей, повышение её качества. В итоге двадцатилетних исследований авторы проекта пришли к следующим важным выводам:

- применение новейших методов измерения социальных процессов подтвердило центральную роль неравенства и бедности в системе человеческого развития;

Пределы роста – это не пределы развития. Существуют сферы, где предела нет и не может быть – это сфера культуры, образования, искусства, спорта, физического и духовного развития личности. Здесь не может возникнуть феномен «избыточности».

- эмпирически доказана слабая зависимость между темпами экономического роста и улучшениями в области здравоохранения, образования, социального обеспечения. Существенные достижения в этих сферах возможны и без быстрого роста, что указывает на решающую роль выбора приоритетов и социальной политики;

- рынки автоматически не приносят прогресса. Рыночный экономический порядок важен, необходим, но недостаточен. Политика, которая делает слишком большой упор на быстром экономическом росте, редко приводит к успешному социальному развитию [Доклад... 2010].

Оценка состояния мирового сообщества с точки зрения критериев социального прогресса приводит к неутешительным результатам. Резервы повышения уровня социального прогресса весьма велики. Согласно одному из последних исследований [Social Progress Index 2015]¹, если рассматривать мир как одну страну, общий глобальный индекс социального прогресса равнялся бы 61 баллу (из 100 возможных). Среднемировая оценка удовлетворения базовых потребностей человека превысила общий глобальный индекс только по разделам «питание» (87,47 балла) и «состояние воды и санитарии» (68,87). Значительно ниже оказался среднемировой показатель состояния здоровья и условий сохранения здоровья (64,47) и ещё ниже показатель состояния окружающей среды (51,60). Самую низкую оценку получило третье измерение – «возможности прогресса». Лучший мировой показатель в этом разделе – «личная свобода и выбор» (61,23), намного ниже показатель доступности продвинутого образования (46,24), прав личности (43,10), терпимости и инклюзии (42,36).

Эти средние показатели весьма условны (что-то вроде средней температуры по больнице). Уровень социального прогресса в промышленно развитых странах выше среднего и намного ниже него в большинстве развивающихся стран. Особенно в том, что касается удовлетворения базовых потребностей человека и возможностей прогресса. Но даже у стран «первого эшелона» много нерешённых проблем и открыты возможности улучшений в различных направлениях. Почти все они имеют, в частности, низкую оценку устойчивости экосистем.

Подтвердилось и то, что экономические результаты не дают полного объяснения различий в уровне социального прогресса. Показателен пример США: богатейшая мировая держава, лидеры которой считают её «образцом» для народов

¹ Исследованием были охвачены 133 страны (94% мирового населения), по которым удалось получить достоверные данные. Использовалось в общей сложности 54 *неэкономических* индикатора. Шкала значений определялась путём идентификации лучших и худших результатов по каждому индикатору, сведённых в агрегированные показатели.

других стран, заняла в этом рейтинге только 16 место, причём по показателю ожидаемой продолжительности жизни – 30-е, по выживаемости новорожденных – 38-е, по уровню самоубийств – 81-е [Kristof 2015].

Трудно переоценить с этой точки зрения значение выбора стратегии развития. Для промышленно развитых стран (которые в перспективе должны послужить в этом отношении примером для остальных) оптимальным был бы постепенный отход от нерациональной структуры производства и потребления, выдвигание на первый план социальных проектов, ставящих, помимо удовлетворения базовых потребностей человека, задачи более высокого порядка. Такие задачи, как развитие семейных и общественных связей, содействие духовным и культурным исканиям, продвижение способов производства и образа жизни, совместимых с сохранением окружающей среды. Речь идёт о новом качестве мотивации человеческой деятельности, о становлении культуры постматериальных ценностей, об изменении способа бытия людей. На смену озабоченности обладанием материальных благ должен прийти «модус бытия» [Фромм 1986], стремление к соблюдению этических принципов социальной справедливости, солидарности и ответственности, к раскрытию и реализации каждым индивидом своего креативного потенциала.

Проблема социальной справедливости привлекает всё больше внимания повсюду в мире. Даже такой консервативный институт, как Всемирный банк, счёл необходимым посвятить один из своих докладов о мировом развитии теме «Справедливость и развитие» [Доклад... 2006]. В противовес неолиберальным догмам авторы этого доклада признают непреходящее значение социальной справедливости как таковой, а также с точки зрения эффективной политики развития вообще и экономической политики, в частности. Позитивную корреляцию справедливости и экономической эффективности они объясняют тем, что благодаря равенству возможностей обеспечивается более производительное использование экономического потенциала и более эффективное использование ресурсов. Поэтому, говорится в докладе, «необходимо выдвинуть соображения справедливости на центральное место как в социальной диагностике, так и в практической политике» [Доклад... 2006: 3]. Есть и другие исследования, которые подтверждают, что страны, где равенства больше, развиваются более успешно [Wilkinson, Pickett 2009].

Разительные контрасты сверхбогатства и бедности воспринимаются в массовом сознании как несправедливость, порождая антикапиталистические настроения, а в последнее время и возвращение к идее социализма. В 2016 г., согласно опросу агентства YouGov, в Германии о благоприятном отношении к социализму заявили 45% респонден-

Позитивную корреляцию справедливости и экономической эффективности объясняют тем, что благодаря равенству возможностей обеспечивается более производительное использование экономического потенциала и более эффективное использование ресурсов.

тов, тогда как предпочтение капитализму выразили только 26% опрошенных. В Великобритании это соотношение оказалось не столь выразительным, но всё же выбор в пользу социализма преобладал – 36% «за» и 32% «против»; тогда как в пользу капитализма высказались 33, а против – 39%. И даже в США, где приверженность капитализму в массовом сознании преобладает (52% согласно тому же опросу), 29% высказались в пользу социализма и 27 – против капитализма [British people...].

Аналогичный опрос, проведённый тем же агентством в ноябре 2017 г. в США, показал такой расклад в американском общественном мнении: среди населения в целом выбор в пользу капитализма поддержали бы 59%, в пользу социализма – 34. При этом представители молодого поколения (те, кто родились в начале XXI в.) предпочли бы социализм (44%) капитализму (42%). Правда, лишь треть респондентов смогли дать сколько-нибудь внятное определение социализма, подразумевая, очевидно, его социал-демократическую интерпретацию. Большинство же путались в определениях. Это неудивительно, учитывая распространённое в американском обществе «историческое невежество», что отметили сами эксперты, проводившие опрос [Annual Report...].

Инновационный натиск и сопротивление самобытности

Инновации, понимаемые как получение и применение новых знаний в различных областях человеческой деятельности, – один из главных источников социально-экономического развития. В основе инноваций лежит присущая человеку креативность, способность и стремление экспериментировать, познавать, получать и применять новые знания на практике. Научные революции нового и новейшего времени дали мощные импульсы процессам модернизации, которые определили современный облик мира.

Процессы глобализации, интенсификации информационных связей и интернационализации науки ведут к ускорению темпов научно-технического прогресса. Возрастает его влияние на общественное развитие. Технический прогресс открывает новые возможности развития человека, повышения общественной производительности труда, уровня и качества жизни. В свою очередь, развитие человека, улучшение материальных условий жизни, бтльшая доступность образования и качественного здравоохранения становятся дополнительным стимулом для креативной активности людей.

Однако научно-технический прогресс – не панацея для решения любых социальных проблем. Его успехи порождают иллюзию, будто со временем новые чудо-технологии позволят найти выход из трудностей, с которыми сталкивается человеческая цивилизация на современном этапе. Но эти трудности имеют другую природу – социальную. Значит, выход следует искать в изменении самой модели общественного развития, его оснований.

Возможности научно-технического прогресса не безграничны. Каждое новшество имеет свой предел – убывающую отдачу совершенствования. Создание принципиально новых технических устройств и технологий требует увеличения предельных издержек. Вера в безграничные возможности науки и техники заставляет подчас забывать о непредсказуемых побочных последствиях научных открытий и технических нововведений. Усложнение техники повышает вероятность сбоев и увеличивает масштабы их опасных последствий.

Инновации – это и новые социальные проблемы. По большей части инновации амбивалентны с точки зрения их полезности. Им сопутствуют явные или скрытые побочные последствия, вредные и даже опасные для людей и окружающей среды. Таковы тысячи химикатов, применяемых в производстве, строительстве и в быту, массовая автомобилизация (гибнут миллионы!), сотовая связь (электромагнитные излучения), ядерная энергетика (Чернобыль!), социальные сети интернета (киберпреступность, провоцирование психозов, насилия) и пр. Инновации порождают не только надежды (инновации в медицине, экологические), но и страхи (ядерное, химическое, биологическое оружие).

В качестве «инноваций» нередко используются методы (например – в производстве пищевых продуктов), снижающие издержки, но ухудшающие качество [Варшавский 2014]. Больше проблемных инноваций – больше рисков. С усложнением естественнонаучных знаний труднее становится оценивать возможные отдалённые последствия их применения. Что перевесит в инновационных процессах: новые возможности всеобщего процветания или угрозы? Всё больше фактов, которые заставляют предполагать, что растущие риски, сопутствующие, например, генной инженерии, клонированию, созданию искусственного интеллекта, роботомании могут в чём-то перевесить приносимую этими инновациями пользу.

Негативную роль играет безудержная коммерциализация достижений науки и научно-технического прогресса. Рыночная конкуренция побуждает предпринимателей использовать полученные наукой новые знания для создания новых видов товаров и услуг. Но корпорации не начнут их массовое производство, не создав предварительно спрос на

Научно-технический прогресс – не панацея для решения любых социальных проблем. Эти трудности имеют другую природу – социальную. Значит, выход следует искать в изменении самой модели общественного развития, его оснований.

Инновации – это и новые социальные проблемы. По большей части они амбивалентны. Им сопутствуют явные или скрытые побочные последствия, вредные и даже опасные для людей и окружающей среды.

новую продукцию. Поэтому затрачиваются огромные средства на самую изощрённую рекламу («вы этого достойны!»), на искусственное стимулирование новых потребностей, часто иррациональных и просто вредных, опасных как для здоровья и психики людей, так и для окружающей среды.

Компьютеризация по праву считается выдающимся достижением научно-технического прогресса. Но эксперты обращают внимание на то, что гуманитарные последствия информационной революции неоднозначны. Приведём мнение весьма сведущего в этих вопросах эксперта, Джеймса Биллингтона, бывшего в течение многих лет директором Библиотеки Конгресса США: «Поскольку чрезмерные обещания относительно компьютерной революции сделаны, имея в виду скорее вещи, чем людей, компьютерная революция может по иронии превратиться в конце концов в непреднамеренное орудие содействия самоубийству того самого открытого и свободного общества, примером которого она имеет претензию себя объявлять» (Биллингтон 2001: 120). Нынешнее состояние американского общества свидетельствует, возможно, о том, что оно находится на пути к осуществлению этого мрачного прогноза.

Коммерциализация прочно захватила сферу высоких технологий. Один из проектов американского миллиардера и изобретателя Илона Маска – разработка устройства, которое позволило бы физически соединить мозг человека с компьютером. Считается, что это позволило бы увеличить эффективность работы мозга, естественные ресурсы которого к настоящему времени будто бы исчерпаны. (Понятно, что такой симбиоз, если его удастся осуществить, легко смогут контролировать какие-то внешние силы). Некоторые, между тем, идут ещё дальше, развивая идею биотехнологической модификации самого человека – вплоть до изменения биологического вида *Homo sapiens*, т. е. изменения человеческой природы и формирования «постчеловека». Средством для этого, полагают сторонники «трансгуманизма», послужат генная инженерия, искусственный интеллект и модификация тела человека с помощью искусственных органов, имплантантов. Какие бы обоснования в пользу подобных инноваций ни приводились, опасность экспериментов в этом направлении огромна и не может не вызывать тревоги [Fukuяama 2002].

Осуществятся ли эти проекты, пока трудно сказать, но производимое инновационным натиском новое социальное расслоение уже происходит. Информационная революция порождает на одном полюсе общества высокооплачиваемую интеллектуальную элиту, владеющую новыми знаниями и технологиями, что позволяет контролировать огромные объёмы информации, а на другом – группы рядовых граждан, в основном старших возрастов, опыт и квалификация которых ста-

новятся ненужными, и они должны либо переучиваться, либо уходить с рынка труда и перебиваться случайными заработками или пособиями. Появляется так называемый «прекариат» – класс людей, лишённых возможности найти достойную работу и устойчивое место в жизни.

Понятно, что подобные тенденции не могут не вызывать массового недовольства и явного или неявного сопротивления. Прямо или косвенно оно находит своё выражение в разных формах – в феномене молодёжных «контркультур»; в волонтерских движениях, в акциях благотворительности; в действиях профсоюзов, ослабленных, правда, но способных во многих странах поднять трудящихся на протесты против попыток отнять у них прежние социальные завоевания; в сообществах и движениях, выступающих в защиту природы, биоразнообразия, против генетически модифицированных продуктов, узаконения однополых браков, за сохранение объектов культурного наследия и т. п.

Испанский социолог М. Кастельс так интерпретирует общий смысл этих движений: «Вовлечённые в движение сопротивления сообщества защищают своё пространство, своё место от безродной логики пространства потоков, характеризующей социальную доминанту информационного века. Они дорожат своей исторической памятью, утверждают непреходящее значение своих ценностей в борьбе против распада истории в условиях исчезновения времени, против эфемерных компонентов культуры виртуальной реальности. Они используют информационную технологию для горизонтальной коммуникации между людьми, для проповедования ценностей сообщества, отрицая новое идолопоклонство перед технологией и оберегая непреходящие ценности от разрушительной логики самодовлеющих компьютерных сетей. <...> При этом они выступают в качестве сторонников использования науки и техники в интересах жизни, одновременно противясь тому, чтобы жизнь подчинялась науке и технологиям» [Castells 1997; Кастельс 1999: 298].

«Сопротивление самобытности» (по определению М. Кастельса, в оригинале “identity resistance”) натиску глобальных тенденций и радикального индивидуализма находит себе опору в *традициях* – в ценностях религии, нации, семьи, в присущих людям побуждений к солидарности и коллективным действиям. Накопление факторов нестабильности актуализирует значение традиций как социального механизма наследования передающихся из поколения в поколение ценностных установок, определяющих культурную самобытность народа, его национальную идентичность.

Традиции образуют стержень национальной культурной самобытности. Культура не «устаревает» вместе с «устареванием» других сторон общественной жизни. При всём

Накопление факторов нестабильности актуализирует значение традиций как социального механизма наследования передающихся из поколения в поколение ценностных установок, определяющих культурную самобытность народа, его национальную идентичность.

многообразии своих конкретных проявлений культура, благодаря устойчивости культурных традиций, сохраняет свою целостность на протяжении целых эпох. Конечно, со временем в чём-то меняются и традиции, а обновляющийся мир порождает и новые их виды. Но старые традиции нередко оказываются сильнее новых, они «возрождаются» даже после самых радикальных социальных потрясений, как это было после всех великих революций прошлого. Различия в исторически сложившихся национальных культурах и традициях народов обусловили многообразие паттернов модернизации, а тем самым – и типов локальных цивилизаций [Eisenstadt 1973].

Как тотальное отрицание традиций, так и обращённый лишь в прошлое консерватизм ущербны для общества. Тогда как опирающийся на здоровые национальные традиции умеренный консерватизм способен выполнять стабилизирующую функцию. Консерватизм, по словам Б. Капустина, – это не «охранительство вообще», не барьер на пути общественных изменений и реформ, и не призыв «вернуться в прошлое», а ориентация на эволюционное развитие при сохранении и развитии присущих данному обществу культурных традиций» [Капустин 2004: 44–53].

Политика глобализации и цели устойчивого развития

О глобализации как одной из ведущих тенденций мирового развития заговорили со второй половины 80-х гг. прошлого века, когда глубина и масштабы глобальных процессов приобрели качественно новый характер. Примерно в то же время появилась и идея устойчивого развития, которая возникла в ответ на кризис индустриализма и порождённые им проблемы экологической безопасности.

Можно ли считать, что представления о глобализации и устойчивом развитии обозначают явления одного и того же порядка, как считают некоторые? Или тут приходится иметь дело с двумя разными и даже противоположными представлениями о целях и смысле мирового развития? Ответ представляется однозначным: в этих понятиях отражаются разные стороны состояния современного мира. Они различаются как по содержанию, так и с точки зрения социально-политической и этической направленности. Речь идёт о двух моделях развития, векторы которых не совпадают.

Суть и смысл понятия «глобализация» – в фиксации пространственных параметров экспансии неолиберальной экономической модели. Этот процесс имеет свои объективные

Различия в исторически сложившихся национальных культурах и традициях народов обусловили многообразие паттернов модернизации, а тем самым – и типов локальных цивилизаций.

основания, но одновременно это и результат определённой политики, чего приверженцы рыночной глобализации и не скрывают: «В исторической перспективе её [глобализацию] следует понимать как событие главным образом политическое» [Линдси 2006: 26]. Творцам политики глобализации с самого начала хотелось видеть в ней синоним прогресса и процветания, источник всеобщего блага, ключ к решению всех проблем.

Но действительность оказалась иной, чем она рисовалась энтузиастам глобализации. Хотя политика «открытия рынков» способствовала экономическому росту в некоторых развивающихся странах (Китай, Индия, другие страны Юго-Восточной Азии), выигрыш и издержки этой политики распределялись крайне неравномерно: больше всего выигрывали страны Запада, тогда как основные издержки пришлось нести странам со слабой экономикой. Рыночная глобализация усилила дестабилизирующие тенденции мирового развития.

Обострение международной конкуренции обернулось губительной «гонкой по нисходящей». Многие правительства, пытаясь избежать оттока капиталов, встали на путь сокращения социальных расходов. Навязанная финансовыми центрами Запада политика «структурной адаптации» подрывала национальные системы регулирования, заставляла снижать уровень требований к условиям труда, к защите окружающей среды. Углублялась пропасть между богатством и бедностью, разрушались традиционные уклады хозяйствования в беднейших странах, обострялись проблемы занятости, нарастали миграционные потоки, активизировались наркоторговля и организованная преступность. Гегемонистские притязания главного «глобализатора», Соединенных Штатов Америки, привели к ухудшению международной обстановки, даже по сравнению с периодом «холодной войны».

В этом смысле глобализация представляет собой антитезу устойчивого развития¹. Концепция устойчивого развития подразумевает переосмысление, переопределение задач развития в свете вызовов современности, соответствующее изменение ценностных установок и основанного на них целеполагания, повышение уровня сознательного контроля процессов, подрывающих основы мирового порядка и угрожающих человечеству. Схематично сравнение двух моделей развития представлено в [таблице 1](#).

¹ Статистическое измерение корреляции индексов глобализации и устойчивого развития показало крайне слабую (экономика, общество, культура) или отрицательную (политика, экология) связь между ними. Источник: Martens P., Raza M. Is «Globalisation Sustainable?» // Sustainability. 2010. № 2. P. 280–293. См.: Россия в окружающем мире: 2010. Устойчивое развитие: экология, политика, экономика (Аналитический ежегодник) / Отв. ред. Н. Н. Марфенин. М.: Издательство МНЭПУ, 2010. С. 217.

Таблица 1

Глобализация vs устойчивое развитие

	Неолиберальная глобализация	Устойчивое развитие
1. Руководящий принцип	Дерегулирование, рыночная экспансия	Регулятивный принцип, экологическая устойчивость
2. Цивилизационная парадигма	Техноцентричная. Экономический рост, потребительское общество	Социо- и культуроцентричная: ограничение роста, принцип достаточности
3. Основные ценности	Рыночные, денежные, материальные	Постматериальные, экологические, качество жизни
4. Этика поведения	Эгоистическая: конкуренция, эффективность, личный успех	Солидарность, справедливость, ответственность за будущее
5. Креативные предпочтения	Технические инновации, максимизация потребления, престижные (статусные) блага, гедонизм	Социальные инновации, сбережение ресурсов, более простой образ жизни, сближение с природой
6. Логика самодвижения	От процесса к его политизации	От идеи к её воплощению
7. Тип развития	Стихийно-рыночный	Направляемый общественным предвидением

Получив сначала широкое признание в мире, концепция устойчивого развития вскоре, однако, стала терять привлекательность в глазах сильных мира сего, увлеченных рыночной глобализацией. На Западе в ней усмотрели угрозу достигнутым там высоким потребительским стандартам и опасность «коллективистского» регулирования, в развивающихся странах – препятствие для экономического роста и борьбы против бедности. Идея устойчивого развития стала отодвигаться на задний план, выхолащивалась, уходила в область риторики, сводилась к расхожим и бессодержательным формулам.

С течением времени США и другие западные страны стали всё более ощущать на себе воздействие «обратной глобализации» – конкуренции со стороны поднимающихся экономик Азии и нарастающих потоков иммигрантов из стран бедного Юга. Перед лицом обостряющихся кризисных явлений глобалистская эйфория стала постепенно проходить, уступая место возрождению явного или скрытого протекционизма. Положение в мире заставляло руководителей государств вновь и вновь возвращаться к идее устойчивого развития. О своей приверженности этому принципу они заявили в 2000 г. на Генассамблее ООН в «Декларации тысячелетия», где были также определены обязательства по достижению ряда кон-

кретных целей на период до 2015 г. Конференция ООН по устойчивому развитию 2012 г. приняла пространную программу действий «Будущее, которого мы хотим». Саммит ООН по устойчивому развитию 2015 г. одобрил расширенную программу целей под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.».

Но устойчивое развитие не стало пока приоритетом мировой политики. Никакие международные соглашения и программы, никакие правовые нормы сами по себе не изменят ситуации, если в сознании и поведении большинства людей не произойдут такие трансформации, которые изменят вектор цивилизационного развития. Угрозы, с которыми сталкивается человечество, требуют отказа от сложившихся в прошлом и во многом сохраняющихся поныне жизненных привычек людей – утилитарного, потребительского отношения к природе, расточительности в использовании ресурсов. Переход к устойчивому развитию предполагает этическое обновление, утверждение в массовом сознании новых ценностных установок, включая прежде всего осознание самоценности природы как условия сохранения жизни на Земле, ограниченности доступных для эксплуатации ресурсов, признание невозможности безграничного экономического роста.

Эти мысли развивает новый доклад Римского клуба, приуроченный к его 50-летию [Weizsäcker, Wijkman 2018]. «Мир в опасности», говорится в докладе. Путь к спасению – в осознании изменившегося положения человечества. Это долгий и трудный путь, потому что здесь затрагиваются глубинные основы человеческой психики, вековые традиции и привычки, частные интересы – будь то личные, групповые или национальные. Успех проекта устойчивого развития не предопределён. Будущее открыто, оно таит в себе возможность разных исходов, в том числе катастрофических. Вопрос о перспективах устойчивого будущего остаётся открытым.

Человечество у развилки истории

Человечество переживает, возможно, самый опасный период в своей истории. Международный режим нераспространения ядерного оружия распатывается. На горизонте вновь замаячил призрак ядерной войны. Великие державы продолжают наращивание вооружений, всё более совершенных и мощных. Мир втягивается в ситуацию ползучей экологической катастрофы. Обостряется борьба за доступ к ресурсам. С международным терроризмом далеко ещё не покончено. Людей преследует страх за свою жизнь и жизнь близких, они испы-

тывают неуверенность в будущем, ощущение непрочности, зыбкости существования, беспомощности перед лицом анонимных сил, от которых зависят, но которые не могут контролировать.

Поиски выхода из этой критической ситуации неизбежно выводят на вопрос: будет ли мировое развитие и впредь оставаться стихийным, как сейчас, или возобладает достойный человеческого разума выбор в пользу направляемого развития? Неолиберализм, донныне доминирующий в политике Запада, ориентирует в основном на стихийность. Как утверждал идеолог неолиберализма Ф. фон Хайек, свобода личности возможна лишь при условии подчинения человека слепым, безличным силам рынка [Науек 1944]¹. Став политикой ведущих государств Запада (рейганизм, тэтчеризм), этот идеологический постулат определил особенность мирового развития, которой Збигнев Бжезинский дал однажды такую образную характеристику: «Мы всё быстрее устремляемся в будущее, но это будущее в растущей мере определяется темпом изменений, а не нашими волями. Мир как самолёт на автопилоте устремляется с возрастающей скоростью в неизвестном направлении» [Brzezinski 1993: xiv].

Ситуация не изменилась и по сегодняшний день; она, похоже, только ухудшается. Состояние неравновесности системы открывает разные возможности – сползание к хаосу либо выход на какой-то более высокий уровень развития [Пригожин, Стенгерс 1986]. Возможные флуктуации и бифуркации в системе должны вызывать тревогу, но дают и надежду. В современных условиях у мирового сообщества есть возможность противостоять стихийности. Лучшее будущее можно обеспечить, если общественный выбор будет разумным [Сен 2004: 274 и след.]. «Возможное богаче реального», подчёркивает И. Валлерстайн, цитируя И. Пригожина [Валлерстайн 2005: 288]. Посредством целенаправленных скоординированных усилий можно придать мировому развитию новое качество, адекватное существующим угрозам. В век новейших информационно-коммуникационных технологий координация направленных на разумные цели усилий вполне реальна. Теперь это вопрос политической воли. В наше время более чем когда-либо исход бифуркаций «требуется, чтобы им управляли...» [Laszlo 1991]².

Пренебрежение общечеловеческой солидарностью мстит за себя угрозами для всех. Даже самые сильные государства не могут противостоять глобальным угрозам в одиночку, а, следовательно, не могут эффективно защитить и свои национальные интересы. Ростки всемирного этоса глобальной солидарности

¹ Цит. по изданию на русском: Дорога к рабству // Новый мир, 1991. № 8. С. 215.

² Цит. по публикации в журнале «Полис», 1993. № 2. С. 30.

можно усмотреть в распространении практики интернациональной помощи жертвам стихийных бедствий и техногенных катастроф, в содействии развитию проблемных государств по линии ООН, со стороны НПО, в интернационализации борьбы с международным терроризмом, с наркотрафиком, организованной преступностью и пр.

Глобальные вызовы требуют глобальных ответов. Проблема глобального управления (точнее – управляемости) уже многие годы обсуждается в мировом экспертном сообществе [Наше глобальное соседство... 1996]. Элементы глобального управления существуют, но они ограничены отдельными сферами (мировая торговля, финансы, воздушное сообщение и т. п.) и не образуют целостной системы. Между тем, это вопрос, касающийся судеб всего человечества. С проблемой управляемости, или направляемого развития, связаны две крайности: лелеемая одними утопия «мирового правительства» (в той или иной форме) и иррациональные страхи других перед некой «мировой закулисой». Но всё проще: речь идёт о разумном регулировании мировых процессов на основе международно-признанных норм и правил, соблюдение которых, обеспечиваемое коллективными многосторонними структурами, отвечало бы интересам всего мирового сообщества.

Путь к более стабильному и безопасному мировому порядку лежит через диалог и сотрудничество на базе многосторонних комплексных подходов, при уважении многообразия мировых цивилизаций, национальных культур и моделей развития. Императивным требованием становится отказ от конфронтационного и блокового мышления, от стремления к монополии и доминированию в международных делах, от попыток разделения государств на ведущие и ведомые. Особая ответственность лежит на великих державах, на их лидерах. Они должны дать шанс миру на формирование глобальной системы противодействия существующим вызовам и угрозам, новой архитектуры безопасности и устойчивого развития.

Библиографический список

Бжезинский Зб. 2005. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения. 288 с.

Биллингтон Дж. 2001. Гуманитарные последствия информационной революции // Проблемы выбора. Альманах «Форум-2001». М.: Весь Мир. С. 119–128.

Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. 2000. Фактор четыре. Затрат половина, отдача двойная: Новый доклад Римскому клубу. М.: Academia. 400 с.

Вайцзеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. 2013. Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. М.: АСТ-Пресс книга. 368 с.

Валлерстайн И. 2003. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос. 368 с.

Варшавский А. Е. 2014. Проблемные инновации: риски для человечества. Экономические, социальные и этические аспекты. М.: URSS. 325 с.

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. 2000. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-Традиция. 414 с.

Доклад о мировом развитии 2006. Справедливость и развитие. М.: Весь Мир, 2006. 312 с.

Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути развития человека. М.: Весь Мир. 239 с.

Капустин Б. Г. Что такое консерватизм. 2004 // Свободная мысль-XXI. № 2. С. 44–53.

Кастельс М. 1999. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. 640 с.

Линдси Б. 2006. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс. 416 с.

Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рендерс Й., Бернс В. В. III. 1991. Пределы роста / Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ. 206 с.

Медоуз Д. Х. и др. 1994. За пределами роста: глобальная катастрофа или стабильное будущее / Пер. с англ. М.: Прогресс. 303 с.

Медоуз Д. Х., Рендерс Й., Медоуз Д. Л. 2007. Пределы роста: 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: Академкнига. 342 с.

Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М.: Весь Мир, 1996. 295 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432 с.

Россия в окружающем мире: 2010 (Аналитический ежегодник) / Отв. ред. Н. Н. Марфенин. М.: Изд-во МНЭПУ, 2010. 244 с.

Сен А. 2004. Развитие как свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство. 425 с.

Фромм Э. 1986. Иметь или быть / Пер. с англ. М.: Прогресс. 260 с.

Фукуяма Ф. 2004. Великий разрыв / Пер. с англ. М.: АСТ; Ермак. 488 с.

Annual report on US attitudes towards socialism. Millennials opt for socialism over capitalism // URL: <victimsofcommunism.org/wp-content/uploads/2017/11/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final...> [Дата посещения: 09.01.2018].

British people keener on socialism than capitalism // URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/02/23/...> [Дата посещения: 09.01.2018].

Brzezinski Z. 1994. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. N.Y.: Collier Books. 244 p.

Bell D. 1976. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books. 301 p.

Castells M. 1997. The Power of Identity. Malden (Ma) – Oxford: Blackwell Publishers. 461 p.

Daly H. 1996. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston (Ma): Beakon Press. 255 p.

Eisenstadt S. N. 1973. Tradition, Change and Modernity. New York: John Wiley & Sons. 367 p.

Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of Biotechnology Revolution. New York: Farrer, Straus and Giroux, 2002. 272 p.

Hayek F. A. von. The Road to Serfdom. L.: Routledge Press, 1944. 266 p.

Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress towards sustainability. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 336 p.

Inclusive Wealth Report 2014. Measuring progress towards sustainability. Cambridge: Cambridge University Press. 329 p.

Judt T. Ill Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents. L.: Penguin Books, 2011. xvi, 237 p.

Kristof N. Enjoying the Low Life. “New York Times”. April 9, 2015.

Laszlo E. 1991. The Age of Bifurkation: The Key to Understanding the Changing World New York and London: Gordon & Breach. 126 p.

Nadel S. 2012. Super Wealth and Poverty. The Nature and Causes of the Widening Gap between Super Wealth and Poverty I the Developed Countries. Indianapolis: Dog Ear Publishing, xiv, 188 p.

Picketty T. 2014. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Mass); L.: Harvard University Press. 696 p.

Samuelson R. J. 1995. The Good Life and Its Discontents: the American Dream in the Age of Entitlement 1945–1995. New York: Times Books. 293 p.

Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. Social Progress Imperative // URL: www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1.dim3 [Дата посещения: 25.08.2015].

Wilkinson R., Pickett K. 2009. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. L.: Allen Lane. 336 p.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. 2018. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York: Springer. xiv, 220 p.

Zolotas X. 1981. Economic Growth and Declining Social Welfare. Athens: Bank of Greece. 200 p.

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.494](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.494)

The Paradoxes of Modern Development: Mankind on the Edge of a Historic Bifurcation

Veber Alexander Borisovich

Doctor of Historical Sciences, Main researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: mailbox@polisma.ru

Abstract. This article examines the issues of modern development during a civilization crisis. The dominant development type, based upon uncontrolled economic growth, has led to a disruption in the balance of the biosphere. Ecologic risks have determined the limit of growth – which are flexible, thanks to technological advancements, but are quite palpable. Globalization policy has exacerbated the situation, intensifying competition in the world's markets and the struggle for gaining access to resources. However, limits to growth are not the same thing as limits to social development. There are certain areas which are not limited, such as culture, education, the arts, sports, and creative activities. There is a new approach emerging in the realm of public opinion when it comes to understanding development: its objective must be personal development and social prosperity. This implies development which is compatible with preserving the natural environment in a suitable condition for living, today and in the future. This constitutes the key meaning of the notion of stable development, which is officially accepted by the global community, but has not yet in fact become a priority for global policy. The transition to a different kind of development has been met with clear and implicit resistance from influential powers, since it implies overcoming extreme cases of inequality, a more even distribution of wealth, and positive international collaboration, which rules out any sort of hegemonic aspirations on anyone's part. The future is unclear, bearing the possibility for various outcomes. The proper choice of development policy gains crucial importance. Reasonable regulation of global processes based on globally accepted norms and rules can give global development a new quality, adequate to the risks at hand.

Keywords: growth and development; environmental threats; globalization; limits to growth; human development; social welfare; sustainable development; policy of development.

References

Annual report on US attitudes towards socialism. Millennials opt for socialism over capitalism. Victims of Communism Memorial foundation. Official website. URL: <http://victimsofcommunism.org/wp-content/uploads/2017/11/YouGov-VOC-2017-for-Media-Release-November-2-2017-final.pdf> [date of visit: 09.01.2018].

Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, Basic Books, 1976. 301 p.

Billington J. Gumanitarnye posledstviya informatsionnoy revoliutsii [The humanitarian consequences of the information revolution]. Problemy vybora. Al'manakh «Forum-2001». Moscow, Ves Mir, 2001, pp. 119–128 (in Russ.).

British people keener on socialism than capitalism. YouGov Web portal. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/02/23/british-people-view-socialism-more-favourably-capi/> [date of visit: 09.01.2018].

Brzezinski Z. Vychor. Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo [The choice. Global domination or global leadership]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005. 288 p. (in Russ.).

Brzezinski Z. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. New York, Collier Books, 1994. 244 p.

Castells M. Mogushchestvo samobytnosti [The power of identity]. Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya. Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Academia, 1999. 640 p. (in Russ.).

Castells M. The Power of Identity. Melden (Ma) – Oxford, Blackwell Publishers, 1997. 461 p.

Daly H. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston (Ma), Beakon Press, 1996. 255 p.

Danilov-Danil'yan V. I., Losev K. S. Ekologicheskiy vyzov i ustoychivoe razvitie [Ecological challenge and sustainable development]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 414 p. (in Russ.).

Doklad o mirovom razvitii 2006. Spravedlivost' i razvitie [World Development Report 2006. Equity and development]. Moscow, Ves Mir, 2006. 312 p. (in Russ.).

Doklad o razvitii cheloveka 2010. Real'noe bogatstvo narodov: puti razvitiya cheloveka [Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: the Way of Human Development]. Moscow, Ves' Mir, 2010. 239 p. (in Russ.).

Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. New York, John Wiley & Sons, 1973. 367 p.

Fromm E. Imet' ili byt' [To have or to be]. Moscow, Progress, 1986. 260 p. (in Russ.).

Fukuyama F. Velikiy razryv [The Great Disruption]. Moscow, AST, Ermak, 2004. 488 p. (in Russ.).

Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of Biotechnology Revolution. New York, Farrer, Straus and Giroux, 2002. 272 p.

Hayek F. A. von. The Road to Serfdom. London, Routledge Press, 1944. 266 p.

Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress towards sustainability. Cambridge (UK), Cambridge University Press, 2012. 336 p.

Inclusive Wealth Report 2014. Measuring progress towards sustainability. Cambridge (UK), Cambridge University Press. 329 p.

Judt T. III Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents. London, Penguin Books, 2011. xvi, 237 p.

Kapustin B. G. Chto takoe konservatizm [What is Conservatism]. Svobodnaya mysl'-XXI, 2004, no. 2, pp. 44–53 (in Russ.).

Kristof N. Enjoying the Low Life. New York Times. 2015, April 9.

Laszlo E. The Age of Bifurkation: The Key to Understanding the Changing World. New York and London, Gordon & Breach, 1991. 126 p.

Lindsey B. Globalizatsiya: povtorenie proydennogo. Neopredelionnoe budushee global'nogo kapitalizma [Globalization: the repetition of the past. The Uncertain Future of Global Capitalism]. Moscow, Al'pina Business Books, 2006. 416 p. (in Russ.).

Meadows D. H. and al. Za predelami rosta: global'naya katastrofa ili stabil'noe budushee [Beyond Growth: A Global Catastrophe or a Stable Future]. Moscow, Progress, 1994. 303 p.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers Y., Barns V. V. III. Predely rosta [Limits to Growth]. Moscow, MSU publ., 1991. 206 p. (in Russ.).

Meadows D. H., Randers Y., Meadows D. L. Predely rosta: 30 let spustia [Limits to Growth: The 30-Year Update]. Moscow, Akademkniga. 2007. 342 p. (in Russ.).

Nadel S. Super wealth and poverty. The nature and causes of the widening gap between super wealth and poverty in the developed countries. Indianapolis, Dog Ear Publishing, xiv, 2012. 188 p.

Nashe global'noe sosedstvo. Doklad Komissii po global'nomu upravleniyu i sotrudnichestvu [Our global neighborhood]. Moscow, Ves' Mir, 1996. 295 p. (in Russ.).

Picketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Mass.), London, Harvard University Press, 2014. 696 p.

Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa. Novy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of chaos. A new dialogue between man and nature]. Moscow, Progress, 1986. 432 p. (in Russ.).

Rossiya v okruzhayuschem mire: 2010 (Analitichesky ezhegodnik) [Russia in the World]. Ed. by N. N. Marfenin. Moscow, MNEPU publ., 2010. 244 p. (in Russ.).

Samuelson R. J. 1995. The Good Life and Its Discontents: the American Dream in the Age of Entitlement 1945–1995. New York, Times Books. 293 p.

Sen A. Razvitie kak svoboda [Development as freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2004. 425 p. (in Russ.).

Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. Social Progress Imperative Web portal. URL: http://www.socialprogressindex.com/assets/downloads/resources/en/English-2017-Social-Progress-Index-Findings-Report_embargo-d-until-June-21-2017.pdf [date of visit: 25.08.2015].

Varshavsky A. E. Problemnye innovatsii: riski dlia chelovechestva. Economicheskie, sotsial'nye i eticheskie aspekty [Problematic innovations: risks for humanity. Economic, social and ethical aspects]. Moscow, URSS, 2014. 325 p. (in Russ.).

Wallerstein E.. Konets znakomogo mira: Sotziologiya XXI veka [End of the familiar world: Sociology of the XXI century]. Moscow, Logos, 2003. 368 p. (in Russ.).

Weizsäcker E. U. von, Khargrouz K., Smit M. Faktor pyat'. Formula ustoychivogo rosta: Doklad Rimskomu klubu [The 5-th factor. The formula for sustainable growth: Report to the Club of Rome]. Moscow, AST-Press kniga, 2013. 368 p. (in Russ.).

Weizsäcker E. U. von, Lovins E., Lovins L. Faktor chetyre. Zaträt polovina, otdacha dvoynaya: Novy doklad Rimskomu klubu [The 4-th factor. The cost is a half, the return is double: A new report to the Club of Rome]. Moscow, Academia, 2000. 400 p. (in Russ.).

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York, Springer, 2018. xiv, 220 p.

Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London, Allen Lane, 2009. 336 p.

Zolotas X. Economic Growth and Declining Social Welfare. Athens, Bank of Greece publ., 1981. 200 p.

Занятость в современной России

Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения

Коленникова Нина Дмитриевна – аспирант,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

E-mail: kolennikova-nina@mail.ru

Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.498](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.498)

Аннотация. В статье исследуются особенности распределения экономических статусов среди занятого населения России, а также взаимосвязи этих статусов с различными факторами, влияющими на экономическое благосостояние индивида. Приведена методика построения шкалы для замера объективных показателей экономического статуса работающего населения современной России. При разработке методологии исследования автор придерживается неовеберовской традиции, понимая под экономическим статусом индивида ряд объективных, количественно измеряемых индикаторов. В данном случае такими характеристиками являются: доход, наличие дополнительной недвижимости помимо основного жилья, а также наличие сбережений. Продемонстрировано, что экономический статус большинства населения имеет чётко выраженную «норму», которая относительно низка, и что наличие дополнительных экономических ресурсов в виде недвижимости, как правило, демотивирует россиян в их стремлении повышать текущий уровень дохода. Сделан также ряд выводов о специфике экономического статуса работающих россиян из разных образовательных и профессиональных групп. Выдвинута и проверена гипотеза о низком уровне влияния образовательного ресурса и профессиональной принадлежности на экономический статус рядового россиянина. Исследовано влияние формы занятости на показатели по шкале экономического статуса, а также особенности распределения его показателей в возрастных группах. Сделан вывод о том, что в каждой следующей возрастной когорте снижается как доля работников с экономическим статусом, соответствующим общероссийской «норме», так и тех, чей статус находится выше этой нормы. Сопоставлены объективные показатели экономического статуса россиян с субъективными оценками этого статуса. Исходя из наличия существенных расхождений между ними, автором делается вывод о неконсистентности объективных показателей и субъективных оценок. Эмпирической базой для анализа послужили данные 24-й волны ежегодного опроса РМЭЗ–НИУ ВШЭ, проходившего в конце 2015 г.

Ключевые слова: экономический статус, экономический ресурс, статусная консистентность, человеческий капитал, образование, профессиональная принадлежность

Социальная структура современного российского общества представляет собой результат коренных преобразований, начавшихся ещё на рубеже 1980–90-х гг. и продлившихся вплоть до настоящего времени. За это время произошли существенные изменения в экономической системе страны и социальных отношений, определившие специфику социальной стратификации современной России и оказавшие непосредственное влияние на перераспределение доходов среди населения. Наряду с этим произошло совмещение вновь возникших ролей и статусов с существовавшими ранее [Беляева 2007: 29]. В целом можно сказать, что начавшийся почти 30 лет назад трансформационный этап привёл к глубокой социальной дифференциации и резкому усилению социальных неравенств в социальном положении различных групп российского общества [Тихонова 2014; Горшков 2014], которые нуждаются в разностороннем изучении.

В связи с завершением трансформации социальной структуры российского общества возник вопрос о релевантных схемах её анализа. Отечественными исследователями неоднократно предпринимались попытки апробирования западных моделей анализа применительно к российской действительности [Тихонова 2007; 2014]. Подобные схемы не показали универсальности и потребовали существенной методологической корректировки. Тем не менее, для российских социологов, занимающихся вопросами неравенства, использование именно стратификационного анализа, хотя и с некоторыми ограничениями, стало основным инструментом, диагностирующим реальные масштабы социальной дифференциации [Черныш 2012: 23].

Как известно, социальное неравенство проявляется на различных уровнях и имеет разные формы. В данной статье мы оставим в стороне вопрос о формах, поскольку он выходит за рамки нашего предмета, и сосредоточим внимание на особенностях распределения экономических ресурсов, в совокупности определяющих экономический статус индивида в рамках вертикальной иерархии этих статусов. При рассмотрении экономического статуса как интегральной единицы анализа мы будем придерживаться рамок неовеберианской традиции. Исходя из её логики, экономический статус проявляется в ряде объективных, количественно измеряемых индикаторов. Придерживаясь в рамках этой традиции принципов градационного подхода, мы сможем также рассмотреть специфику и динамику экономического статуса представителей различных профессиональных и образовательных групп.

В ходе такого рода анализа важно учитывать, что экономический статус не сводится лишь к чисто монетарным его аспектам. Так, к примеру, в концепции английского экономи-

В связи с завершением трансформации социальной структуры российского общества возник вопрос о релевантных схемах её анализа.

ста А. С. Пигу отмечается, что экономическое благосостояние индивида включает характер и специфику работы, особенности взаимоотношений с другими людьми, жилищные условия и др. [Пигу 1985]. Многие из этих элементов не имеют денежного выражения, однако они выступают реальными факторами экономического благосостояния индивида. В целом экономический статус отражает место человека в системе экономических отношений и фиксирует в числе прочего также активные и потенциальные источники доходов. Активными чаще всего являются заработная плата, доходы от вторичной занятости, рентные платежи и т. п. К потенциальным источникам дохода можно отнести наличие дополнительной недвижимости, авторские права, патенты, акции и другие виды экономических ресурсов, способные приносить (хотя и не всегда приносящие) дополнительный доход. Все перечисленные ресурсы в большей или меньшей мере являются индикаторами экономического статуса, однако ими он далеко не ограничивается. Кроме того, важно учитывать устойчивость или характер соответствующих источников доходов – например, гарантированная заработная плата в «белом» секторе экономики далеко не тождественна в плане влияния на экономический статус индивида «серой» заработной плате, выплачиваемой на основе устной договорённости в теневом секторе экономики. В последнем случае индивиду не гарантируются ни отпуска, ни больничные, ни страховая пенсия. *Таким образом, предмет нашего исследования заключается в особенностях распределения экономических статусов среди занятого населения России и взаимосвязи этих статусов с различными факторами, влияющими на экономическое благосостояние индивида.*

Экономическое положение индивида, группы или общности является основой их социального статуса в большинстве существующих стратификационных моделей [Grusky 2001]. Подобные модели, как правило, могут отличаться по количеству и составу включённых в них индикаторов. Однако большинство из них учитывают размеры доходов и наличие разного рода собственности, а также знания и навыки индивидов или какие-либо иные их специфические ресурсы, имеющие определённую рыночную ценность.

В соответствии с этой логикой и с учётом особенностей имевшихся эмпирических данных, в качестве основных индикаторов мы использовали в рамках данной работы для построения шкалы экономического статуса занятого населения следующие переменные: *доход, наличие недвижимости и наличие сбережений.* Каждому индикатору нами присваивались определённые значения. Так, доход предполагал отнесение респондента в одну из групп по доходам

относительно региональной медианы.¹ Если ежемесячный индивидуальный доход в месяц у респондента составлял от 0 до 0,75 медиан доходного распределения в своем регионе², то он получал 0 баллов, за доход в диапазоне от 0,76 до 2 медиан ему присваивался один балл, и, наконец, если доход респондента превышал 2 медианы, он получал два балла. Следующий использованный нами показатель экономического статуса – наличие сбережений. Если респондент отвечал, что за последние 30 дней он откладывал сбережения, то ему присуждался один балл. Третий показатель отражал наличие у респондента в собственности недвижимости, помимо занимаемого жилья – если у респондента имелось дополнительное жильё (квартира) и/или дача/садовый домик, то ему присуждался один балл. Таким образом, нами была составлена пятиступенчатая (от 0 до 4 баллов)³ шкала, позволяющая, хотя и достаточно грубо, но всё же зафиксировать объективные показатели экономического статуса работающего населения страны.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы данные репрезентативной части 24-й волны ежегодного опроса РМЭЗ–НИУ ВШЭ⁴, проходившей в октябре 2015–январе 2016 гг. Численность подмассива работающих россиян, ставших объектом нашего исследования, составила в этой волне 5230 чел.

¹ Существуют две большие группы методов выделения доходных групп – абсолютные и относительные, которые, в свою очередь, имеют различные вариации. Абсолютные подходы задают границы доходных групп конкретной денежной суммой и чаще используются для анализа социальной структуры в развивающихся странах. При использовании относительных подходов берутся медианные показатели дохода или доходное распределение по процентилям. Этот подход обычно используется в развитых странах, в которых исчезает необходимость говорить о бедности как пороге физического выживания человека. Как уже было показано в литературе, именно этот подход лучше работает в условиях современной России [Anikin&al 2016].

² Использование региональной, а не страновой медианы, было связано с существующим неравенством в доходах населения внутри отдельных регионов, и с тем, что статус индивида в столь огромной и неоднородной стране, как Россия, в большей степени определяется его местом в структуре регионального сообщества.

³ При расчёте показателей экономического статуса доля респондентов, обладающих экономическим статусом в 4 балла, составила лишь 0,4%, поэтому было решено объединить респондентов с показателем экономического статуса в 3 и 4 балла в одну группу. При этом уровень их доходов в большинстве случаев составлял не менее 2-х медиан.

⁴ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН.

Экономический статус работающих россиян: общая оценка

Экономические ресурсы, как и любые другие виды ресурсов, ограничены, но они не настолько дефицитны, как, например, властные [Коленникова 2017; Тихонова 2014 и др.]. Неудивительно поэтому, что нулевыми показателями экономического статуса обладает относительное меньшинство россиян – 29,9% (см. рис. 1). И хотя это достаточно значительная часть населения, но всё-таки у большинства россиян экономический статус характеризуется положительными значениями. Более того, у основной части населения фиксируется один и тот же показатель экономического статуса в один балл, что свидетельствует о существовании в этом отношении в современном российском обществе чётко выраженной «нормы». Ниже этой нормы находятся, как уже упоминалось выше, 29,9% занятых россиян, а выше – всего 18,2%. Причём экономический статус последних также дифференцирован в диапазоне от двух до четырёх баллов.

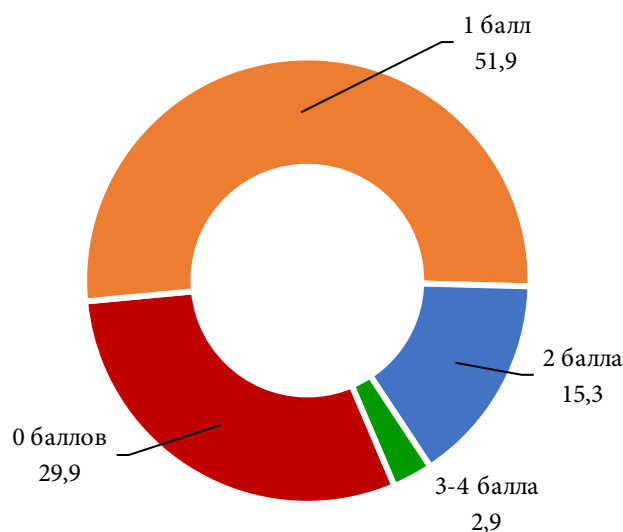

Рис. 1. Распределение работающего населения России по шкале экономического статуса, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., %

Если посмотреть на характер распределения показателей экономического статуса по различным использованным нами индикаторам, то для большинства россиян его норма в один балл обеспечивается их заработной платой, которая хоть и больше, чем 0,75 медианы в их регионах, но размеры которой не позволяют им всё же откладывать сбережения и приобретать какое-либо недвижимое имущество. В то же время при определённых условиях, как видно из таблицы 1, даже относительно низкий доход позволяет иметь дополнительную недвижимость плюс к занимаемому жилью или формировать сбережения, хотя это скорее исключение из общего правила.

Экономические ресурсы, как и любые другие виды ресурсов, ограничены, но они не настолько дефицитны, как, например, властные. Неудивительно поэтому, что нулевыми показателями экономического статуса обладает относительное меньшинство россиян – 29,9%.

При определённых условиях даже относительно низкий доход позволяет иметь дополнительную недвижимость плюс к занимаемому жилью или формировать сбережения, хотя это скорее исключение из общего правила.

Таблица 1

Распределение работающего населения России по шкале и индикаторам экономического статуса, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., %

Индикаторы экономического статуса, баллы	Экономический статус, баллы				
	0	1	2	3–4	
Доход	0	100,0	6,7	5,9	2,0
	1	-	93,3	45,6	64,7
	2	-	-	48,5	33,3
Вторая недвижимость (в т.ч дача/садовый домик)	0	98,9	96,9	74,1	23,3
	1	1,1	3,1	25,9	76,7
Сбережения	0	99,0	97,7	78,9	35,3
	1	1,0	2,3	21,1	64,7
Второе жильё	0	99,8	98,7	89,7	57,3
	1	0,2	1,3	10,3	42,7
Доля группы в массиве		29,9	51,9	15,3	2,9

Учитывая решающую роль доходов в определении экономического статуса в целом и отдельных его индикаторов, остановимся на вопросе о доходах чуть подробнее. Согласно данным РМЭЗ (см. рис. 2), свыше половины группы, имеющей 0 баллов по нашей шкале – это люди, имеющие доходы в диапазоне от 7 до 15 тыс. руб. Верхняя же граница доходов этой группы без учёта занятого населения Москвы составляет 13 тыс. рублей. Диапазон доходов следующей группы (с показателем экономического статуса в один балл) составляет от 15 до 30 тыс. рублей, а без учёта москвичей – 15–20 тыс. рублей. Среди представителей следующих двух групп (имеющих показатели экономического статуса в два и три–четыре балла) уровень доходов существенно выше, но если исключить из выборки работающее население Москвы, то верхняя граница дохода и в них будет смещаться вниз. Это подтверждают и средние показатели доходов, даже несмотря на то, что при оценке доходов фактор регионального неравенства уже был учтён, поскольку в качестве «точки отсчёта» использовалась региональная медиана.

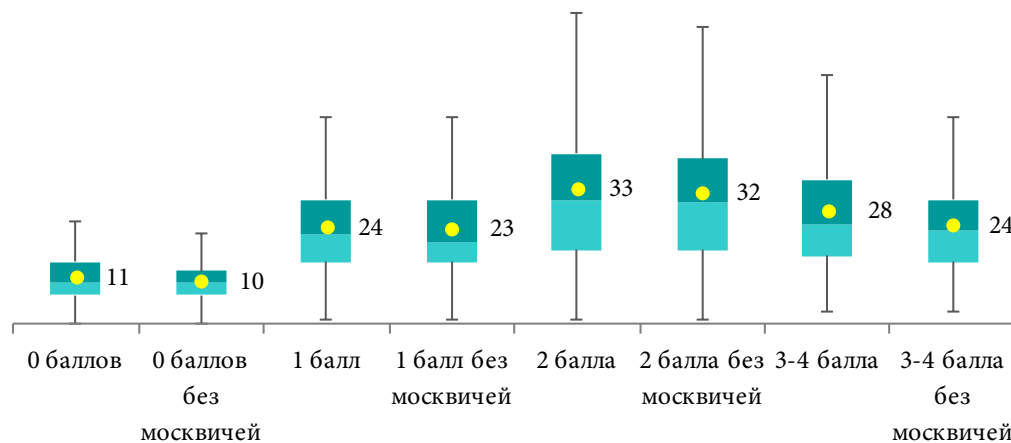

Рис. 2. Доходы в группах* с разными показателями по шкале экономического статуса, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., %

*Ядро каждой из групп в данном случае составляло 50% от общей численности их представителей и, как видно, данная часть группы сосредоточена гораздо более компактно в определённом доходном интервале, чем остальные 50% каждой из групп.

Таким образом, если учесть все рассматриваемые признаки экономического благополучия в группах с разным экономическим статусом, а также глубину дифференциации доходов в них, то становится понятно, что *дифференциация экономического статуса связана не только с относительными, но и с абсолютными показателями доходов и их соотношением со стоимостью жизни в регионе*. Так, например, в Москве среди имевших доходы ниже двух медиан доходного распределения дополнительная недвижимость в виде дачи/садового домика была в 2015 году у 2,9% и ещё 0,5% имели второе жильё. Сбережения откладывали в данной подгруппе 2,2%. В то же время у остального населения с таким же диапазоном доходов частота наличия дополнительной недвижимости была несколько выше – 3,1% имели дачу/садовый домик и 1,4% – второе жильё. Откладывание сбережений практиковали 3,4% данной группы. Та же тенденция характерна и для групп с более высоким экономическим статусом. Так, например, среди работающих москвичей с экономическим статусом в два балла имели дачу/садовый домик 23,4%, ещё 8,5% являлись обладателями дополнительной квартиры. Сбережения откладывали 14,9%. Среди занятого населения остальных регионов соответствующие показатели составляют 26,1%, 10,5%, и 21,5%, т. е. и в этой группе «немосквичи» опережают москвичей довольно значительно. Однако наиболее интересно складывается ситуация с теми, показатель экономического статуса которых является максимальным и составляет 3–4 балла. Как среди жителей Москвы, так и среди остального населения страны доля обладающих дополнительной недвижимостью в данной группе максимальна и превышает соответствующую долю в группах работающих с меньшим количеством баллов (среди москвичей в ней имели дачу/садовый домик 57,1%, второе жильё – 57,1%, сбережения – 57,1%; среди остального населения страны имели дачу/садовый домик 77,6%, второе жильё – 42,0%, сбережения – 65,0%). При этом текущие доходы представителей группы с максимальным экономическим статусом далеко не самые высокие (см. рис. 2). Это позволяет говорить о том, что *наличие дополнительной недвижимости не мотивирует работника к повышению текущего дохода, поскольку создаёт у него ощущение своего рода «запаса прочности»*. В особенности это характерно для Москвы, где эта недвижимость может являться источником существенного дохода (к примеру, при сдаче жилья в аренду), сопоставимым с уровнем заработной платы от основной занятости.

Стоит также обратить внимание и на характер занятости россиян с разными показателями экономического статуса. Как видно на рис. 3, большинство россиян характеризуют свою занятость как официальную («белую»), при этом получаемая заработная плата даже при такой занятости не всегда является гарантированно «белой» в полном объёме. В группе риска оказываются работники не только с низкими значениями экономического

Дифференциация экономического статуса связана не только с относительными, но и с абсолютными показателями доходов и их соотношением со стоимостью жизни в регионе.

статуса, хотя наиболее стабильной в этом плане является всё же группа работников с максимальной величиной экономического статуса. Что же касается группы с нулевым показателем экономического статуса, то в ней минимален показатель оформленных официально, но довольно высок показатель получающих полностью «белую» зарплату. Это, вероятно, обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, представители данной группы реже остальных официально трудоустроены, а во-вторых, величина заработной платы официально трудоустроенных в ряде случаев не превышает минимально утверждённую (МРОТ).

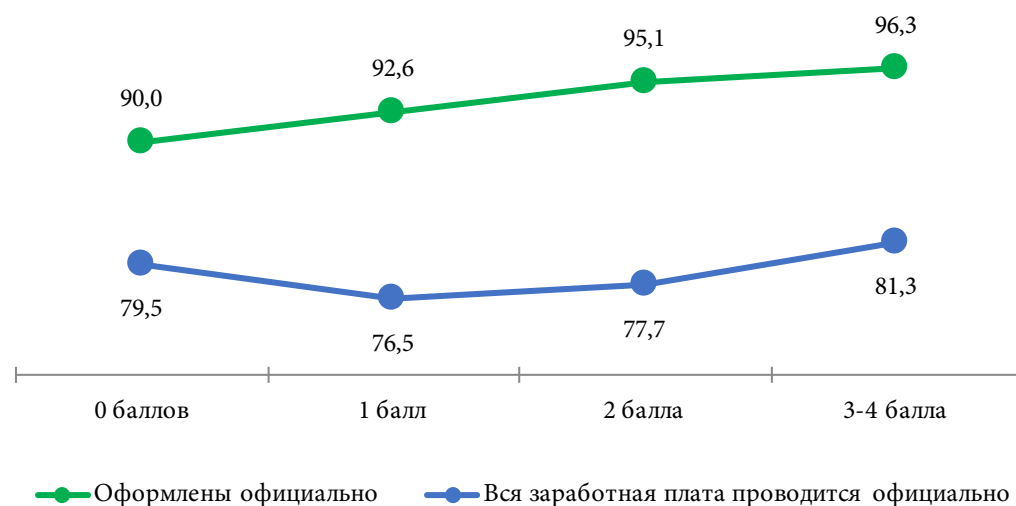

Рис. 3. Особенности характера занятости и оплаты труда в зависимости от величины экономического статуса, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., %

Кроме того, среди работников, имеющих задержки по заработной плате (3,4% от общей численности работающих) чаще всего встречаются именно представители группы с экономическим статусом в 0 баллов (46,9% против 38,9% в группе с показателем этого статуса в один балл, 12,3% – в 2 балла и 1,9% – в 3–4 балла). Средняя сумма недоплаченных им средств, как впрочем и у тех, показатель экономического статуса которых составляет один балл, составляет более 2-х медиан доходного распределения в их регионах. Наконец, её представителей чаще, чем работников с более высоким экономическим статусом, беспокоит возможная потеря работы. В меньшей степени, но с повышенным беспокойством в этой области характеризуются и россияне с показателем экономического статуса в один балл.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что россияне с нулевым показателем экономического статуса – это люди, не просто характеризующиеся более низкими доходами, но и занимающие особое место в системе экономических отношений на рынке труда. Относительно хуже, чем у тех, чей показатель экономического статуса составляет 2–4 балла, показатели положения на этом рынке и у тех, у кого он составляет лишь один балл. А это значит, что шкала экономического статуса, предложенная нами, позволяет выделить группы, харак-

теризующиеся спецификой этого статуса не только в сфере благосостояния, но и более широко – в системе экономических отношений в целом.

В сложившихся условиях не удивительно, что у большей части занятого населения России, и особенно в группах с показателями экономического статуса в 0 и 1 балл, доминируют социальные установки, которые описал ещё в 1949 г. Дж. Дьюзенберри – «жить не хуже, чем другие» и «жить не хуже, чем раньше» [Duesenberry 1949]. При таких установках индивид не просто не может, но и не нацелен на откладывание сбережений и приобретение дополнительных экономических ресурсов. Главным для него становится реализация привычных потребительских паттернов, характерных для того социального слоя, к которому он принадлежит [Каравай, Тихонова 2015].

Такое положение вещей очень ярко характеризует современную российскую ситуацию, которую, впрочем, осознают и сами работающие. Так, 58,5% россиян отрицательно ответили или затруднились при ответе на вопрос о том, увеличится ли их заработок, если они будут работать с большей отдачей [Тощенко 2014]. По сути, у большинства работающих россиян нет уверенности в возможностях улучшения своей экономической ситуации за счёт собственных усилий, а их экономический статус фактически законсервирован внешними структурными ограничениями.

Учитывая масштаб этой проблемы в России, необходимо рассмотреть, какие же факторы и в какой степени влияют сейчас в нашей стране на экономический статус индивида, насколько уверенность в бесполезности изменений собственных экономических стратегий обусловлена внешними причинами, а также – какую роль в определении экономического статуса играют образование и профессиональная принадлежность, которые в значительной степени зависят от самого индивида.

В развитых странах экономический статус человека тесно связан с его образованием и местом в производственных отношениях, о чём свидетельствует популярность концепции человеческого капитала [Mincer 1962; Becker 2009]. В России же вот уже 100 лет доминируют уравнилельные подходы с приращением роли квалификации, что позволяет высказать гипотезу о том, что эти два фактора (образование и тесно с ним связанный профессиональный статус) будут слабо коррелировать с экономическим статусом респондента.

Рассмотрим в порядке проверки этой гипотезы соотношение показателей экономического статуса с основной характеристикой человеческого капитала – образованием респондента. Как видно из данных [таблицы 2](#), от группы к группе с всё более высокими показателями экономического статуса наблюдается прирост доли работников с высшим образованием. Однако большинство населения – это работники с экономическим статусом в 0 и 1 балл (в совокупности более 80% занятого

У большей части занятого населения России, и особенно в группах с показателями экономического статуса в 0 и 1 балл, доминируют социальные установки – «жить не хуже, чем другие» и «жить не хуже, чем раньше».

населения) и, хотя высшее образование в этих группах распространено в меньшей степени, нежели в других группах, но всё же большинство лиц с высшим образованием в стране сосредоточено именно в них. С другой стороны, в группах с экономическим статусом в 2 и 3 балла довольно велика доля работников со средним и средним специальным образованием. Проверка тесноты связи между уровнем образования и показателями экономического статуса подтвердила напрашивающийся в этих условиях вывод о том, что, хотя связь между уровнем образования и экономическим статусом, безусловно, есть, но она очень слабая¹. При этом существует группа россиян, для которых их относительно высокий экономический статус гораздо сильнее связан с монетарной отдачей на уровень их образования – это работники, практикующие непрерывное образование и самообразование. Согласно нашей классификации, это группа работников с законченным высшим и плюс к нему ещё каким-либо образованием. Помимо основного вузовского диплома такие работники обычно повышают квалификацию или получают дополнительное образование. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена также отразил более тесную взаимосвязь между уровнем образования и величиной экономического статуса для данной группы². Однако, как уже было сказано, доля таких работников в современном российском обществе очень и очень невелика. Кроме того, и в этой группе большинство (71,1%) имеют показатели экономического статуса в 0–1 балл. Всё это *позволяет говорить о низкой роли человеческого капитала в современной российской экономике.*

Таблица 2

Образовательный уровень групп с различными показателями экономического статуса, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., % *

Образование	Баллы по шкале экономического статуса				Доля группы в массиве
	0	1	2	3–4	
Незаконченное среднее и ниже	8,7	5,7	4,9	6,0	6,5
Законченное среднее	30,8	24,5	20,1	17,3	25,5
Законченное среднее специальное	32,8	31,0	28,2	26,0	31,0
Законченное высшее	23,7	32,0	36,8	38,0	30,4
Законченное высшее и выше	4,1	6,7	10,1	12,7	6,6

* Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают долю соответствующей группы в массиве.

¹ Коэффициент корреляции Спирмена между уровнем образования и положением по шкале экономического статуса для всех образовательных групп составил 0,153.

² Коэффициент корреляции Спирмена между уровнем образования и положением по шкале экономического статуса для группы лиц с образованием – «законченное высшее и выше» составил 0,346.

С учётом полученных выводов особую важность для понимания того, в какой мере специфика трудовой деятельности обуславливает доход россиян, приобретает распределение представителей разных профессиональных групп по группам, характеризующимся различными показателями экономического статуса (см. таблицу 3).

Таблица 3

Профессиональный состав* групп с разными показателями экономического статуса, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., % **

Профессиональная группа по ISCO-08***	Баллы по шкале экономического статуса				Доля группы в массиве
	0	1	2	3–4	
Руководители (1 класс)	4,6	6,5	14,4	6,7	7,2
Профессионалы (2 класс)****	13,3	18,8	20,8	24,8	17,6
Полупрофессионалы (3 класс)	18,3	20,6	16,6	20,1	19,3
Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	7,3	4,8	1,5	4,7	5,1
Работники сферы торговли и услуг (5 класс)	23,8	15,2	12,6	13,4	17,3
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	10,3	15,3	16,3	12,1	13,9
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	8,4	14,0	14,5	15,4	12,4
Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)	14,0	4,8	3,3	2,7	7,2

*Профессиональные статусы в использованном нами массиве РМЭЗ–НИУ ВШЭ кодируются в соответствии с четырёхзначной Международной стандартной классификацией профессий 2008 г. (ISCO-08), Geneva: International Labour Office, 2008.

**Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают долю соответствующей группы в массиве.

***Учитывая незначительную численность в массиве квалифицированных работников сельского, лесного хозяйств и рыбоводства – 7 человек (6 класс), данные по ним в таблице не представлены.

****Учитывая незначительную численность в массиве представителей 0 класса (военнослужащие – 27 человек), а также тот факт, что это были в большинстве своём люди с дипломом о высшем образовании, данные по ним были учтены в группе специалистов с высшим образованием (2 класс).

Как видно из таблицы 3, работники с нулевым экономическим статусом сосредоточены относительно чаще в 4-й, 5-й и 9-й профессиональных группах. Принадлежность к ним не предполагает владения какими-либо специфическими навыками или наличия специального образования вне зависимости от того, является ли труд физическим или нет.

Соответственно и оплата такого труда зачастую ниже региональной медианы, а в случае с неквалифицированным физическим трудом вообще близка к прожиточному минимуму (9-й профессиональный класс). Во всех остальных группах преобладают работники, чьи профессии требуют хотя бы минимального профессионального образования.

Кроме того, всё работающее население России можно условно объединить в четыре укрупнённые профессиональные группы, для которых характерна специфика распределения их представителей по шкале экономического статуса. Отдельную группу образует 1-й профессиональный класс – руководители. В силу их профессионального положения среди них очень низка (19,1% при 19,9–57,2% в других группах) доля тех, кто имеет нулевые показатели экономического статуса, а процент тех, чей статус превышает один балл, напротив, выше в сравнении с другими профессиональными группами (33,6% при 8,0–22,1% в других группах). Однако, на наш взгляд, это обусловлено скорее не столько уровнем их квалификации, сколько самим по себе властным ресурсом, который имеет в России значимую отдачу в виде высокой заработной платы [Коленникова 2017].

Следующую подгруппу формируют профессионалы и полупрофессионалы (2-й и 3-й классы), а также квалифицированные рабочие, использующие ручной или машинный труд (7-й и 8-й класс). Для того чтобы принадлежать к одной из перечисленных групп, требуется обладать специфическими знаниями и навыками, которые способны приносить материальную отдачу. В итоге, хотя доходы этих групп в целом ниже, чем у представителей первого класса, но относительно выше, чем у остальных работающих россиян. Доля лиц с показателями экономического статуса в 0 баллов во 2–3-м и 7–8-м классах сравнительно невелика и составляла в конце 2015 г. 19,9–28,0% в разных классах. Третью группу образуют работники, чья занятость не предполагает владения специфическими навыками или знаниями, но это работники нефизического труда (4-й и 5-й классы). Доля лиц с показателями экономического статуса выше одного балла среди них относительно мала (7,3 и 13,4% соответственно), а с показателями ниже этой «нормы» очень велика (43,0 и 40,7%). Однако наиболее массовой в этих группах является всё-таки подгруппа с показателем экономического статуса в один балл, как и по всей России в целом. Отдельно следует рассмотреть группу рабочих неквалифицированного труда, чей труд носит в основном физический характер. Показатели экономического статуса представителей данной группы имеют ярко выраженную специфику – это единственная группа, большинство которой составляют работники с экономическим статусом в 0 баллов. При этом показатель в один балл характеризует лишь 34,8% её предста-

вителей, а в два балла и выше – лишь 8,0%. Более того, если говорить не об экономическом статусе в целом, а о заработной плате, то 66,5% неквалифицированных рабочих обладают доходом ниже 0,75 региональных медиан. Диапазон их заработных плат составляет от 7 до 17 тыс. руб. (7–15 тыс. руб. без учёта работающих в Москве).

Тем не менее, хотя профессиональный статус и влияет на вероятность оказаться в той или иной группе, различающейся экономическим статусом, но, как видим, влияние это не носит решающего характера, во всех профессиональных группах можно встретить людей с различными экономическими статусами. Статистическая проверка взаимосвязи профессиональной принадлежности работника с показателями его экономического статуса подтверждает данный вывод¹.

В ходе анализа были обнаружены также интересные тенденции распределения экономических статусов в разных возрастных группах (см. рис. 4).

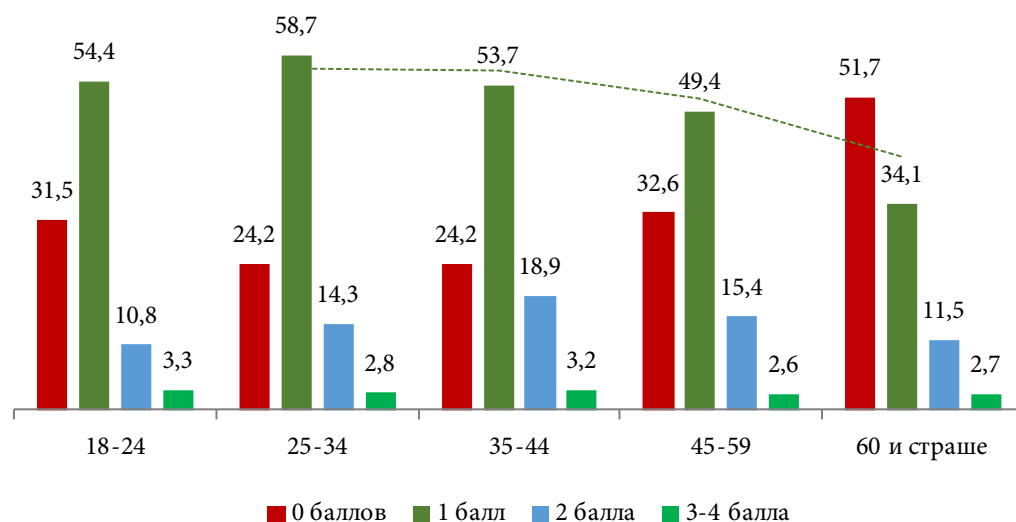

Рис. 4. Доли лиц с разными показателями экономического статуса в разных возрастных группах, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., %

Рассмотрим сначала модальное значение экономического статуса в один балл – тенденция его изменения характеризуется сначала ростом его распространённости к 25–34 годам, а затем постепенным её снижением. Как видно на рисунке 4, выходя на рынок труда в 18–24 года, к 35 годам индивид достигает максимальной вероятности иметь «норму» экономического статуса. В следующее десятилетие вероятность повысить свой экономический статус для него возрастает (с 17,1 до 22,1%), а затем начинают возрастать разного рода экономические риски. В результате этого в каждой следующей возрастной когорте снижается как доля работников с экономическим статусом, соответствующим общероссийской «норме», так и тех,

¹ Статистическая проверка продемонстрировала существование слабой связи между профессиональной принадлежностью и экономическим статусом респондента – коэффициент Спирмена составил 0,105 (корреляция значима на уровне 0,01).

чей статус выше этой нормы. В итоге в группе работающего населения пенсионного возраста преобладают уже работники с нулевыми показателями их экономического статуса – и это уже само по себе многое говорит о причинах продолжения трудовой деятельности в России после выхода на пенсию. К тому же обозначенную на рис. 4 линию спада можно продолжить и дальше, поскольку в нашу выборку входили только занятые индивиды, и очевидно, что у многих из тех, кто после выхода на пенсию прекратил работать, ситуация с экономическим статусом может быть ещё хуже.

Отдельно стоит рассмотреть соотношение объективного экономического статуса с субъективными оценками респондентами своего материального положения. Как видно из рис. 5, доминирующими оценками своего материального положения во всех группах работающих с различным экономическим статусом являются показатели в 4 и 5 баллов из 9 возможных. Разумеется, в группе с нулевым статусом преобладают низкие его оценки (от 1 до 3-х баллов), что соответствует объективным характеристикам экономического статуса её представителей. Однако и в наиболее благополучных группах доля оценивающих своё экономическое положение выше 5 баллов составляет лишь около четверти. Видимо, у работающего населения России отсутствуют устоявшиеся представления о том, какой доход может считаться высоким, и нет чёткого представления о разных уровнях экономического благополучия. Поэтому субъективные оценки работающих россиян своего экономического статуса довольно сильно расходятся с объективными его показателями. О слабой связи этих статусных иерархий говорят и статистические показатели – коэффициент Спирмена составляет для них всего 0,140. Это не позволяет говорить о консистентности субъективных оценок и объективных показателей экономического статуса работающего населения России.

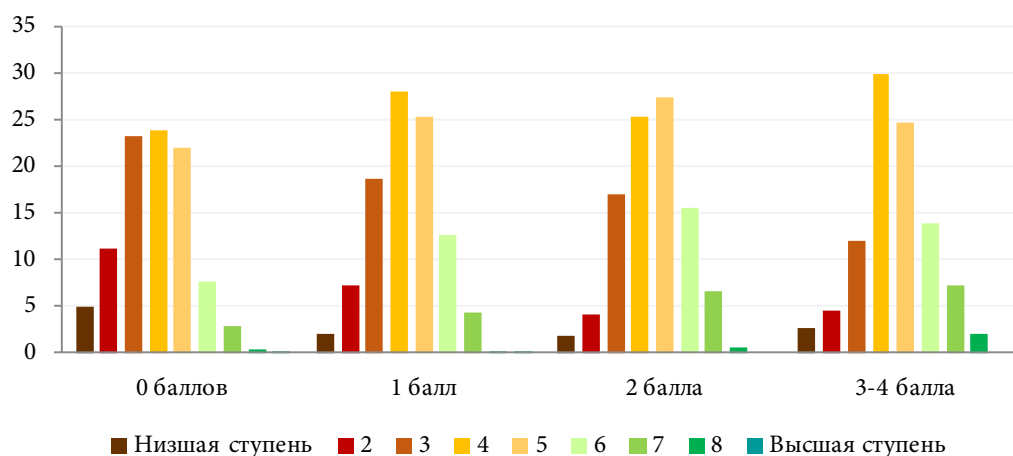

Рис. 5. Субъективная оценка своего материального положения в зависимости от показателей по шкале объективного экономического статуса, РМЭЗ–НИУ ВШЭ, 2015 г., %*

*Затруднившиеся с ответом (в совокупности 2%) на рисунке не представлены.

Выводы

Согласно результатам проведённого анализа можно заключить, что в настоящее время среди массовых слоёв работающего населения страны существует глубокая дифференциация по экономическому статусу, которая не совпадает с дифференциацией по доходу, обычно приковывающей к себе основное внимание исследователей. Однако экономический статус – это сложная интегральная характеристика, не сводимая только лишь к доходу и имеющая целый ряд как материальных, так и нематериальных аспектов, в том числе включающая специфику места работника на рынке труда. Вследствие этого при подробном анализе экономического статуса обнаруживаются более глубокие корни экономического неравенства, чем просто неравенство доходов.

Сконструированная шкала экономического статуса позволила установить масштабы дифференциации массовых слоёв занятого населения России по их экономическому статусу и характер их распределения в соответствии с его показателями. При этом выяснилось, что в современном российском обществе существует чёткая «норма» экономического статуса, которой на нашей шкале соответствует значение в 1 балл. Эту норму можно охарактеризовать как «жизнь от зарплаты до зарплаты» без наличия дополнительных экономических ресурсов (дополнительной недвижимости или сбережений).

В этих условиях не удивительно, что среди большей части занятого населения при сложившейся ситуации с распределением экономических благ доминируют установки на «жизнь не хуже других» и «жизнь не хуже, чем раньше». Доминирование подобных установок в сознании занятого населения снижает вероятность откладывания сбережений и приобретения дополнительных экономических ресурсов. На первый план выходит реализация доминирующих привычных потребительских стандартов в группе, к которой относится индивид.

В качестве факторов, влияющих на распределение экономических статусов, были рассмотрены образование и профессиональная принадлежность. Проведённый анализ позволил показать, что эти факторы не оказывают решающего влияния на показатели экономического статуса, хотя определённая связь между ними существует.

Рассмотрение тенденций распределения экономических статусов в разных возрастных группах показало, что для большинства занятого населения в современном российском обществе до наступления среднего возраста (35–44 года) характерна тенденция повышения вероятности улучшения своего экономического статуса. Однако с переходом в старшие возрастные группы повышаются риски его ухудшения, причём это относится и к тем, чей экономический статус превышает общероссийскую «норму», и кого можно рассматривать как представителей наиболее благополучных слоёв.

Рассмотрение тенденций распределения экономических статусов в разных возрастных группах показало, что для большинства занятого населения в современном российском обществе до наступления среднего возраста (35–44 года) характерна тенденция повышения вероятности улучшения своего экономического статуса.

Сопоставление объективных показателей экономического статуса с субъективными оценками своего материального положения позволило зафиксировать значительные расхождения между ними, что свидетельствует о неконсистентности объективного экономического статуса и его субъективных оценок, вероятно в силу отсутствия чёткого представления у граждан о разных возможных для них уровнях экономического благополучия.

Библиографический список

Беляева Л. А. 2007. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. № 11. С. 29–41.

Горшков М. К. 2014. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. № 7. С. 20–31.

Коленникова Н. Д. 2017. Особенности властного статуса занятого населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 214–232. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12.

Овчарова Л. Н. 2012. Теоретико-методологические основы измерения бедности // SREPO. № 16. С. 15–38.

Пигу А. С. 1985. Экономическая теория благосостояния. Т. 1. М.: Прогресс. 511 с.

Тихонова Н. Е. 2007. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН. 320 с.

Тихонова Н. Е. 2014. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, Институт социологии РАН. 408 с.

Тощенко Ж. Т. 2014. Экономическое сознание и поведение россиян: противоречия и парадоксы. 25 лет спустя // URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2014/23391-ekonomicheskoe-soznanie-i-povedenie-rossiyan-protivorechiya-i-paradoksy-25-let-spustya.html> [Дата посещения: 21.10.2017].

Черныш М. Ф. 2012. Парадигмальные основания анализа социального неравенства в переходном обществе // Социологический журнал. № 2. С. 23–52.

Шкаратан О. И. 2008. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. № 4. С. 60–89.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E. 2016. Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia // Официальный

сайт Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/70/151550862258ce11c0f37b9c1b59560cdf8b54e231/02PSP2016.pdf> [Дата посещения: 21.10.2017].

Becker G. 2009. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago: University of Chicago press. 412 p.

Duesenberry J. S. 1949. Income, saving, and the theory of consumer behavior. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 128 p.

Grusky D. 2001. The Past, Present, and Future of Social Inequality // URL: <http://homepage.ntu.edu.tw/~khsu/mobile/sup2.pdf> [Дата посещения: 21.10.2017].

Mincer J. 1962. On-the-job training: Costs, returns, and some implications // The Journal of Political Economy. Vol. 70(5). pp. 50–79.

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.498](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.498)

The Economic Status of Russia's Working Population: Objective and Subjective Dimensions

Kolennikova Nina Dmitrievna

Graduate student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: kolennikova-nina@mail.ru

Abstract. This article examines peculiarities when it comes to the distribution of economic statuses among the working population of Russia, as well as the interconnections of said statuses with various factors which affect an individual's economic prosperity. Presented is a method for structuring a certain index, the purpose of which is to measure objective parameters of the economic status of modern Russia's working population. In developing this methodology the author adheres to the neo-Weberian tradition, assuming that an individual's economic status consists of a set of objective indexes which can be measured quantitatively. In this case these characteristics are as follows: income, the possession of additional real estate aside from the main place of residence, as well as the possession of savings. It is shown that the economic status of the population's majority has a clearly pronounced "norm", which is relatively low-level, together with the fact that the possession of additional economic resources such as real estate tends to lower Russian people's motivation when it comes to increasing their current level of income. Also presented is a series of conclusions which have to do with the specifics of the economic status of Russia's working people from various educational and professional groups. A certain hypothesis is brought forward and validated, concerning the insignificant effect of educational resource and professional affiliation on the economic status of common Russians. Examined is the effect of employment form on economic status scale indexes, as well as peculiarities when it comes to the distribution of its parameters among age groups. The following conclusion is made: within each successive age cohort there is a decrease in the amount of workers with an economic status corresponding to the Russian "norm", as well as the amount of those workers whose status exceeds said norm. The objective parameters of Russian people's economic status are compared with their subjective evaluation of said status. Given the presence of a considerable discrepancy between them, the author comes to the conclusion that objective parameters are not consistent with subjective evaluation. Data from the 24th wave of the yearly RLMS-HSE survey, conducted at the end of 2015, was used as an empirical base for analysis.

Keywords: economic status, economic resource, status consistency, human capital, education, professional affiliation.

References

Anikin V. A., Lezhnina J. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E. Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia, 2016. The Higher School of Economics Official website. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/70/151550862258ce11c0f37b9c1b59560cdf8b54e231/02PSP2016.pdf> [date of visit: 21.10.2017].

Becker G. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago, University of Chicago press, 2009. 412 p.

Beliaeva L. A. Materialnoe neravenstvo v Rossii. Realnost i tendencii [Material Inequality in Russia. Reality and Trends]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2007, no. 11, pp. 29–41 (in Russ.).

Chernysh M. F. Paradigmalye osnovaniya analiza socialnogo neravenstva v perehodnom obschestve [Sociological paradigms and analysis of inequality in a transition society]. Sotsiologichesky zhurnal, 2012, no. 2, pp. 23–52 (in Russ.).

Duesenberry J. S. Income, saving, and the theory of consumer behavior. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1949. 128 p.

Gorshkov M. K. Obschestvennye neravenstva kak object sociologicheskogo analiza [Social inequalities as an object of sociological analysis]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2014, no. 7, pp. 20–31 (in Russ.).

Grusky D. The Past, Present, and Future of Social Inequality, 2001. The Web version. URL: <http://homepage.ntu.edu.tw/~khsu/mobile/sup2.pdf> [date of visit 21.10.2017].

Kolennikova N. D. Osobennosti vlastnogo statusa zaniatogo naselenija Rossii [Characteristics of the power status of employed population in contemporary Russia]. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2017, no. 5, pp. 214–232. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12 (in Russ.).

Mincer J. On-the-job training: Costs, returns, and some implications. The Journal of political economy, 1962, vol. 70 (5), pp. 50–79.

Ovcharova L. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy izmerenija bednosti [Theoretical and methodological framework poverty measurement]. SREPO, 2012, no. 16, pp. 15–38 (in Russ.).

Pigu A. S. Economicheskaja teorija blagosostojaniya [The Economics of Welfare]. Moscow, Progress, 1985, vol. 1. 511 p. (in Russ.)

Shkaratan O. I. Vosproizvodstvo socialno-ekonomicheskogo neravenstva v postsovetskoy Rossii: dinamika urovnia zhizni i polozhenie socialnyh nizov [Reproduction of Socioeconomic Inequality in Post-Soviet Russia: Welfare Dynamics and the Situation of the Lower Strata]. Mir Rossii, 2008, no. 4, pp. 60–89 (in Russ.).

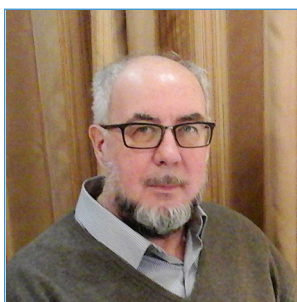
Tihonova N. E. Sotsialnaya stratifikaciya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza [Social stratification in contemporary Russia: an empirical evidence]. Moscow, IS RAS publ., 2007. 320 p. (in Russ.).

Tihonova N. E. Sotsialnaya struktura Rossii: teorii i realnost [Social structure of Russia: theory and reality]. Moscow, Novy Khronograf, IS RAS publ., 2014. 408 p. (in Russ.).

Toschenko J. T. Economicheskoe soznanie i povedenie rossijan: protivorechija i paradoxy. 25 let spustia [Economic consciousness and behavior after a quarter of century (25 years later)]. Intelros. The Web journal. Release 2014. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2014/23391-ekonomicheskoe-soznanie-i-povedenie-rossiyan-protivorechiya-i-paradoksy-25-let-spustya.html> [date of visit: 21.10.2017] (in Russ.).

Факторы деструктивного влияния на общество

Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян

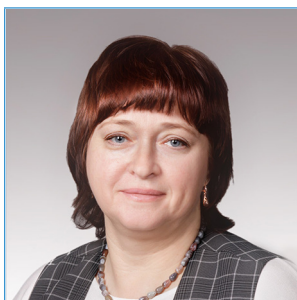
Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Сибирский социум/SIBERIAN SOCIUM». Тюменский государственный университет, Тюмень

E-mail: valnemirov@mail.ru

Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

E-mail: annanemirov@hse.ru

Булатова Татьяна Алексеевна – кандидат медицинских наук, доцент, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, Томский государственный педагогический университет, Томск

E-mail: bulatowa@mail.ru

Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.499](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.499)

Аннотация. В статье¹ выявляется специфика социокультурных деформаций жизненного мира россиян в целом, по сравнению с подобными деформациями населения ряда Восточных регионов страны. Это территории, представляющие Урал (Тюменская обл.), Западную (Томская обл.) и Восточную Сибирь (Красноярский край). В качестве фактора деформации жизненного мира рассматриваются социальные страхи, фиксируемые в методике «Социокультурный портрет региона» (ЦИСИ ИФРАН). Исследования проводились в России в целом в 2015 г., в Тюменской и Томской областях – в 2016 г., в Красноярском крае – в 2014 г. Для анализа были выделены три важнейших характеристики жизненного мира, прежде не изучавшиеся в данном контексте: локус контроля, темпоральная устойчивость (степень пессимизма/оптимизма) и удовлетворённость жизнью как один из основных показателей его гармоничности. В контексте данных характеристик установлены отличия жизненного мира россиян в целом от жизненного мира населения восточных регионов страны. Показано, что страхи перед социальными опасностями оказывают существенное деформирующее воздействие на жизненный мир населения. Выявлены два вида деформаций: общероссийские и региональные. К первым относятся страхи перед экологической угрозой и притеснениями из-за возраста и пола. Их уровень по стране в целом существенно превышает аналогичные значения, которые получены в трёх восточных регионах страны. Страхи перед иными угрозами и опасностями, выделенными в исследовании, выступают специфическими региональными деформирующими факторами. Сделан вывод, согласно которому социальные страхи деформируют локус контроля, гармоничность и темпоральную устойчивость жизненного мира населения всей страны заметно сильнее, нежели респондентов из Тюменской, Томской областей и Красноярского края. Выявлена характерная «уральско-сибирская» региональная особенность деформаций жизненного мира: восприятие начальника по работе как одного из социальных институтов власти. Предполагается, что подобная специфика объяснима фронтирными особенностями регионов.

Ключевые слова: социальные страхи, социокультурные деформации, жизненный мир, локус контроля, удовлетворённость жизнью, оптимизм, фронтирные регионы

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00366 Социокультурные факторы новой индустриальной модернизации в регионах (на материалах исследований в Томской области).

Актуальность социологического анализа деформаций жизненного мира как целостного феномена во многом связана с социально-экономическими и социокультурными процессами, за последние четверть века серьёзнейшим образом трансформировавшими российское общество. К числу её причин, на наш взгляд, следует отнести глубокие изменения, которые произошли в ценностно-смысловой и поведенческой сферах населения страны в связи со сменой общественно-экономического строя. Последовавшие, с одной стороны, деиндустриализация, с другой – не всегда успешные попытки модернизации страны, недостаточно продуманное реформирование различных социальных институтов также внесли свою лепту в этот процесс. Многие цели, ценности, смыслы и жизненные стратегии, ещё в конце 1980-х гг. казавшиеся весьма устойчивыми и достаточно эффективными, уже в 1990-х гг. в известной мере превратились в симулякры, на смену которым регулярно возникают новые, порождаемые очередными коллизиями транзитивного российского общества. Всё более чётким не только у учёных, но и у части управленцев, становится понимание того факта, что единый целостный жизненный мир россиян – симулякр, не более чем фигура речи. Жизненный мир специфичен не только в большинстве отдельных регионов, но и основных макрорегионах страны. Это требует в науке использования специальных исследовательских стратегий, в социальной практике – зачастую новых, нетривиальных управленческих технологий.

Научная изученность проблемы

Как известно, изучением различных аспектов жизненного мира активно занимались классики мировой социологии: Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Ю. Хабермас и др. В качестве междисциплинарного феномена с 1990-х гг. он стал предметом многочисленных теоретических и эмпирических исследований российских учёных. В этой связи нельзя обойти вниманием публикации психологической направленности [Некрасова 2008], [Личность и её... 2013] и др. Так, к числу достоинств работы Е. В. Некрасовой следует отнести выделение ею этапов становления жизненного мира в качестве пространственно-временной организации. Автор рассматривает данный феномен как проявление самоорганизации в психологических системах, выступающий механизмом устойчивости человеческого бытия [Некрасова 2008: 107]. В процессе социально-философского анализа в связи с увеличением скорости социокультурных изменений была рассмотрена деформация такого важного социокультурного показателя жизненного мира, как идентификации [Емелин, Тхостов 2015].

Единый целостный жизненный мир россиян – симулякр, не более чем фигура речи.

Ряд учёных применяют известную концепцию Ю. Хабермаса о колонизации жизненного мира к исследованию современных российских реалий [Хабермас 1993]. По мнению И. Б. Пржиленской, «в процессе собственной эволюции жизненный мир россиян был подвергнут колонизации со стороны трансформирующихся систем (институциональных и идеологических). В символические универсумы были внедрены неинтерпретированные значения, нарушающие как их органическую целостность, так и социальную функциональность. Колонизация жизненного мира россиян системой привела к рассогласованию его трёх фундаментальных уровней: целей, ценностей и жизненных стратегий» [Пржиленская 2008: 20].

Похожей точки зрения придерживается С. Б. Абрамова, по мнению которой «происходит колонизация смысловых и ценностных структур жизненного мира, что приводит к монетаризации всех социальных и личностных сфер» [Абрамова 2010: 33]. В результате «условно можно говорить о сосуществовании двух поколений: «свидетелей колонизации жизненного мира» и «жителей колонизированного мира» [Абрамова 2010: 29]. Подобные тенденции выявлены и рядом других авторов [Анисимов 2015]. Среди публикаций последних лет, в которых подробно раскрывается феномен жизненного мира и происходящие с ним изменения, прежде всего следует отметить фундаментальные работы Ж. Т. Тощенко и его коллег [Жизненный мир... 2016; Тощенко 2016а; Тощенко 2016b; Тощенко 2016с] и др.

Нам представляется целесообразным определить социокультурные деформации жизненного мира как его искажения, возникающие в силу воздействия тех или иных социокультурных факторов. При этом социокультурные деформации имеют разнообразную специфику. Ж. Т. Тощенко, рассматривая жизненный мир и его деформации, подробно перечисляет их формы, опираясь при этом на многочисленные труды современных социологов: травму, отчуждение, аномию, фрустрацию, депривацию, имитацию [Тощенко 2016с: 257–297]. В соответствии с обоснованным выводом автора, «социологические исследования позволяют говорить, что среди индикаторов различий значительное место занимает социокультурный фактор, который во многом определяет конкретную сущность жизненного мира населения по разным регионам. На наш взгляд, такие различия состоят из неодинаковых уровней благосостояния (доходов), зависят от культурного уровня (уровня образованности, развития науки и обеспеченности духовно-культурными учреждениями), от инновационной деятельности и участия населения в управлении государственными и общественными делами» [Тощенко 2016а: 104].

Исследовательский подход

Данное исследование опирается на теоретико-методологические концепции социологии жизни, а также направления социокультурного подхода, развиваемого Н. И. Лапиным и его коллегами [Лапин 2006]. В частности, мы исходим из понимания жизненного мира, сформулированного Ж. Т. Тощенко: «... жизненный мир – это мир Человека, мир людей, мир человеческого измерения, существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей людей и их восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и готовность понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым обществом и государством преобразованиям» [Тощенко 2015: 115].

Многие авторы в качестве основных элементов жизненного мира справедливо рассматривают его смыслы. Вместе с тем мы полагаем, что в функционировании жизненного мира важную роль играют и иные его характеристики. В целом хорошо изученные зарубежными и отечественными авторами, они до сих пор фактически не рассматривались в контексте жизненного мира человека. В частности, в данной статье анализируются следующие его измерения:

- локус контроля, характеризующий представление социального субъекта о возможности изменять свою жизнь самостоятельно (либо субъект возлагает ответственность за это на какие-либо иные феномены, в нашем случае – социальные субъекты). Соответственно, локус контроля обрисовывает те «границы», в рамках которых человек может самостоятельно контролировать свой жизненный мир;

- гармоничность жизненного мира, важным показателем которой выступает общая удовлетворённость индивида своей жизнью;

- темпоральная устойчивость жизненного мира, которая выражается в степени оптимизма-пессимизма человека.

Мощным деформирующим фактором жизненного мира выступает незащищённость его субъекта от каких-либо опасностей или рисков. Иными словами, чувство страха. Его изучение относится к области социологии эмоций. Несмотря на малую представленность этого направления социологии в нашей стране, феномен страха не остался без внимания [Иванова, Шубкин 2005; Россия... 2009; Чего опасаются... 2008] и др. Безусловно, справедлив вывод, согласно которому «современные исследования социальных страхов и тревог населения показывают, что страхи переходят во всеобщее социальное явление. Такой переход свидетельствует о том, что современ-

ное общество, в том числе российское, становится обществом тотального риска» [Витковская 2003: 78]. Особо следует отметить фундаментальный труд, в основу которого легло общенациональное социологическое исследование, проведённое специалистами ИС РАН, предметом которого стали фобии и угрозы, существующие в массовом сознании россиян [Россия... 2009]. Авторы установили, что «те или иные страхи время от времени испытывают большинство россиян (69%)... При этом высокотревожным можно назвать примерно каждого четвёртого респондента (23%)». В процессе исследования также была выделена специфика тревожности различных социальных, социально-экономических и социально-демографических групп населения [Россия... 2009: 96]. Несомненный интерес, на наш взгляд, представляет выявление ситуаций, в которых респонденты испытывают чувство страха, и источников угроз [Россия... 2009: 97–101]. Подробно анализируя социальные тревоги и опасения россиян, авторы монографии в 2009 г. справедливо отмечали, что «начавшийся экономический кризис многократно увеличивает как экономические, так и политические риски для страны и отдельных её граждан» [Россия... 2009: 97–129]. К сожалению, использованная нами методика эмпирического исследования не даёт возможности сопоставления с данными, полученными в цитируемой работе.

Исследователи общественного мнения также в течение длительного периода времени фиксируют страхи россиян. Так, в сентябре 2017 г. социологи «Левада-Центра» установили, что 63% респондентов больше всего боятся болезней близких людей, 48% – проблем, связанных с их собственным здоровьем, и др. [Социологи выяснили... 2017]. Результаты исследований динамики страхов россиян регулярно публикует и ВЦИОМ [Карта страхов... 2017].

Социальные страхи изучались нами в процессе исследований, проведённых в рамках программы «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов» (руководитель – член-корр. РАН проф. Н. И. Лапин). На основе анализа полученных данных были выделены две основные группы социальных опасностей и, соответственно, чувств незащищённости/защищённости от них [Nemirovskiy, Nemirovskaya 2015]:

1. Внешние объективные условия, которые индивид хотел бы изменить, изолироваться от них: это экологическая угроза, произвол чиновников, произвол правоохранительных органов, бедность, одиночество и заброшенность, преступность;

2. Опасности, связанные с социальными, демографическими, субъективными характеристиками человека, которые он не в силах изменить или вообще не желает менять, поскольку это может разрушить его социокультурную самоидентификацию, самосознание, внутреннее «Я». К ним относятся

социальные притеснения из-за возраста или пола, ущемления из-за национальности, притеснения из-за религиозных убеждений, преследования за политические убеждения.

Соответственно приведённой классификации опасностей была сформулирована типология социумов в зависимости от продуцируемых ими угроз для индивида (в данном случае – региональных, хотя подобный принцип может быть распространён и на государственный уровень). Особенности одного типа социумов заключаются в том, что живущие в нём индивиды не защищены от внешних объективных опасностей и угроз, которые, однако, потенциально могут быть устранены или, по крайней мере, снижены. Другой тип социумов порождает угрозы субъективности человека, его социокультурной и психологической целостности. Первый тип социумов определён нами как угрожающий социальной жизнедеятельности человека, второй – социальной индивидуальности человека. Следует подчеркнуть, что и социальная жизнедеятельность человека, и его социальная индивидуальность являются важными составляющими его жизненного мира.

По данным опроса, которые были проанализированы с помощью факторного анализа, Россию в целом и почти все обследованные регионы Сибири можно отнести к типу социума, порождающему угрозы для социальной жизнедеятельности людей [Nemirovskiy, Nemirovskaya 2015]. Исследуя влияние страхов, порождённых подобными угрозами, на различные аспекты жизненного мира, безусловно, нельзя абстрагироваться и от их территориальных особенностей. С учётом социокультурной специфики регионов страны, которая была выявлена по многочисленным исследованиям отечественных учёных, в том числе проведённых в рамках программы «Социокультурная эволюция регионов России» (рук. – Н. И. Лапин), можно ожидать неодинаковых проявлений деструктивного воздействия различных страхов на жизненный мир населения этих территорий.

Были выдвинуты две гипотезы. Согласно первой, если судить по анализируемым нами характеристикам, жизненный мир не является единообразным для всего населения России, а складывается из специфических жизненных миров людей, проживающих в разных регионах страны.

Согласно второй гипотезе, одним из важнейших факторов деформации жизненного мира выступают страхи, вызванные угрозами для социальной жизнедеятельности людей.

Методика исследования

Опросы проводились по методике, разработанной в рамках программы «Социокультурная эволюция регионов России» сотрудниками Центра изучения социокуль-

Россию в целом и почти все обследованные регионы Сибири можно отнести к типу социума, порождающему угрозы для социальной жизнедеятельности людей.

турных изменений ИФ РАН под руководством чл.-корр. Н. И. Лапина и проф. Л. А. Беляевой [Лапин, Беляева 2010]. В регионах оно было выполнено с помощью формализованного интервью по месту жительства респондентов по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке. Региональные выборки составили по 1000 респондентов, в Томской и Тюменской областях опрос проводился в 2016 г., в Красноярском крае – в 2014 г. В последнем случае в вопросник были включены дополнительные индикаторы и применялся метод полужормализованного интервью. Также нами использованы данные, полученные в результате проведения 7-й волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2015 г.), руководителем которого также является Н. И. Лапин. Опрос осуществлялся методом стандартизованного комплексного интервью (выборка – 1031 респондент), инструментарий которого был разработан в 1990 г. [Лапин 1992].

Типы страхов и восприятие качества жизни

Социальные аспекты локуса контроля определяют границы жизненного мира человека, то социальное пространство, которое он считает подвластным себе, те сферы и уровни общественной жизни, в которых он может уверенно действовать. Чувство страха, незащищённости от каких-либо угроз или опасностей деформирует эти границы, делая невозможным осуществление каких-либо значимых для него событий или развитие важной ситуации в нужном для субъекта направлении. Согласно установившимся в современной психологии представлениям, основанным на многочисленных и многолетних исследованиях, лица с преобладающим экстернальным контролем склонны к тревожности, устойчивым страхам (в т. ч. и социальным) и депрессии.

Настоящее исследование показало более высокий интернальный локус контроля у населения трёх восточных регионов, нежели у респондентов, опрошенных в целом по стране (см. таблицу 1). Напрашивается вывод, в соответствии с которым в анализируемых регионах, представляющих Урал, Западную и Восточную Сибирь, локус контроля как элемент жизненного мира их населения, менее деформирован, чем в других макрорегионах страны, в частности, в центральном, северо-западном и южном.

Несколько лет назад нами была проверена гипотеза, согласно которой индивиды, обладающие интернальным локусом контроля, менее склонны к чувству незащищённости перед различными опасностями [Nemirovskiy, Nemirovskaya 2015]. Проведённый в данной работе анализ позволил уточнить данный

Социальные аспекты локуса контроля определяют границы жизненного мира человека, то социальное пространство, которое он считает подвластным себе, те сферы и уровни общественной жизни, в которых он может уверенно действовать.

Настоящее исследование показало более высокий интернальный локус контроля у населения трёх восточных регионов, нежели у респондентов, опрошенных в целом по стране.

тезис. Установлено, что чем выше интернальный локус контроля респондентов, тем меньше у них страхов перед угрозами социальной жизнедеятельности. Иными словами, экстернальный локус контроля выступает одним из показателей деформация жизненного мира социального субъекта (см. таблицу 2).

Таблица 1

Индекс¹ локуса контроля респондентов, %

В какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от:	Россия	Регионы		
		Тюменская область	Томская область	Красноярский край
Вас самих	66,6	81,4	82,7	89,9
Ваших близких родственников	32,1	38,6	37,6	54,1
Друзей, земляков	- 5,7	- 12,8	- 14,7	7,0
Начальника по работе	- 10,8	20,4	12,4	15,1
Районных, городских властей	32,9	20,7	15,7	12,9
Республиканских, областных властей	25,2	19,7	2,2	17,9
Общероссийской власти	41,1	31,6	34,0	16,2

Таблица 2

Результаты ответов респондентов на вопрос:
«Насколько сегодня Вы чувствуете себя защищённым
от следующих опасностей?», %

(сумма ответов «пожалуй, не защищён» и «совсем не защищён»)

Угрозы, опасности	Россия	Регионы		
		Тюменская область	Томская область	Красноярский край
От экологической угрозы	49,4	25,8	45,7	40,3
Из-за возраста или пола	23,6	13,7	16,4	14,9
Из-за произвола чиновников	46,2	36,6	51,9	48,5
Из-за вашей национальности	11,4	9,0	8,2	7,4
Из-за религиозных убеждений	12,0	9,5	8,5	9,9
Из-за произвола правоохранительных органов	37,3	29,0	40,4	37,8
От преследований за политические убеждения	19,4	17,4	23,1	22,5
От бедности	56,6	40,6	54,4	48,0
От одиночества и заброшенности	34,0	26,4	38,1	34,2
От преступности	44,6	34,0	49,7	54,2

¹ Индекс складывается из суммы ответов «полностью зависит» и «отчасти зависит» за минусом суммы ответов «мало зависит» и «совсем не зависит».

Страхи, испытываемые респондентами, оценивались по двум параметрам:

1. Общероссийские или специфические региональные (превалируют у опрошенных жителей страны по сравнению с населением регионов, или же наоборот).

2. Значимость (или выраженность) страхов как для респондентов России в целом, так и для проживающих в трёх исследуемых регионах – Тюменской и Томской обл., в Красноярском крае.

Как показано в [таблице 2](#), (первый параметр) российские показатели незащищённости респондентов «от экологической угрозы» и «от притеснений из-за возраста и пола» превышают выявленные в указанных восточных регионах. На наш взгляд, их можно отнести к категории *общероссийских факторов*, деформирующих жизненный мир населения. Соответственно, остальные выделенные в исследовательском инструментарии угрозы и опасности, значения которых заметно различаются как в стране, так и в конкретных регионах, логично принадлежат к типу *специфических региональных деформирующих факторов*.

Говоря о втором параметре, следует отметить, что наиболее существенными, по оценкам респондентов, опрошенных в России, деформирующими жизненный мир факторами являются социальные страхи перед бедностью (56,6%), экологической угрозой (49,4%), произволом чиновников (46,2%) и преступностью (44,6%). В ряде регионов доминирует страх перед произволом чиновников (Томская область), правоохранительных органов (Тюменская область), преступностью (Красноярский край), бедностью (Томская область). Как видим, высоко значимые для населения всей страны страхи наиболее значимы и среди населения восточных территорий, но несколько различаются по областям.

Использование факторного анализа показало, что в жизненном мире населения как трёх восточных регионов, так и России в целом, существуют две латентные переменные. Первая, имеющая наиболее высокую описательную силу, выражает экстернальный локус контроля: представления, что улучшение жизни человека зависит от социальных институтов власти (общероссийских, республиканских, областных, городских, районных), а также начальника по работе. Вторая, с заметно более слабой описательной силой, характеризует зависимость улучшения жизни респондента от него самого (интернальный локус контроля), а также от близких родственников, друзей и земляков (что условно можно назвать микросредой человека). Характерно, что у россиян в целом, в отличие от жителей Тюменской и Томской областей, а также Красноярского края, второй

Российские показатели незащищённости респондентов «от экологической угрозы» и «от притеснений из-за возраста и пола» можно отнести к категории общероссийских факторов, деформирующих жизненный мир населения.

фактор включает и начальника по работе. Очевидно, у населения трёх перечисленных территорий это связано с их исторически сформировавшимся менталитетом: жители уральского и сибирского регионов традиционно психологически более дистанцируются от любых властей, не воспринимая своего начальника по работе как друга или «земляка». Для большинства из них начальник олицетворяет собой одну из ипостасей власти, которую, нередко, следует опасаться. Данный феномен выражает собой важную особенность социокультурных региональных деформаций жизненного мира (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о зависимости их условий жизни от..., %

Таблица 3

Результаты факторного анализа ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, улучшение Вашей жизни зависит от: », %

Фактор	Характеристики фактора	Россия	Регионы		
			Тюменская область	Томская область	Красноярский край
Ф-1	Содержание фактора	Социальные институты власти	Социальные институты власти + начальник	Социальные институты власти + начальник	Социальные институты власти + начальник
	Описательная сила фактора	39,0	42,8	34,2	40,2
Ф-2	Содержание фактора	Социальная микросреда + начальник	Социальная микросреда	Социальная микросреда	Социальная микросреда
	Описательная сила фактора	24,5	22,5	23,3	24,0

Как следует из представленных на рис. 2 данных, менее всего респондентов, которые в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью («не очень удовлетворены» + «совсем не удовлетворены») проживают в Красноярском крае – 17%, наибольшая их доля установлена по России в целом – 26%.

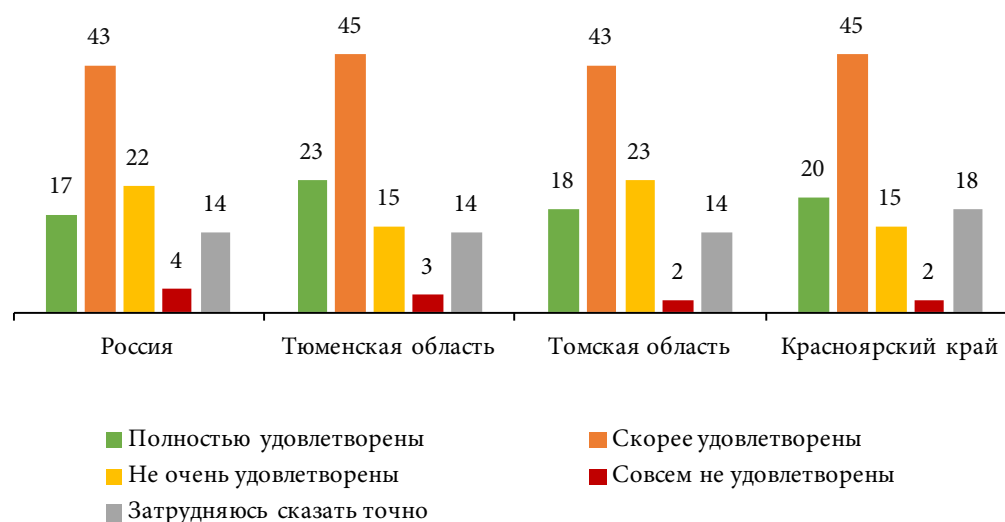

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос об удовлетворенности жизнью, %

Этим данным в целом соответствует и степень пессимизма респондентов: «скорее не уверен в своём будущем, чем уверен» + «совершенно не уверен» (см. рис. 3). Более всего таких пессимистов в целом по стране – 28%. Существенно ниже их доля в Томской обл. – 22%, в Тюменской обл. и Красноярском крае – по 16%. Как видим, в данных регионах пессимизм ниже, чем в целом по стране.

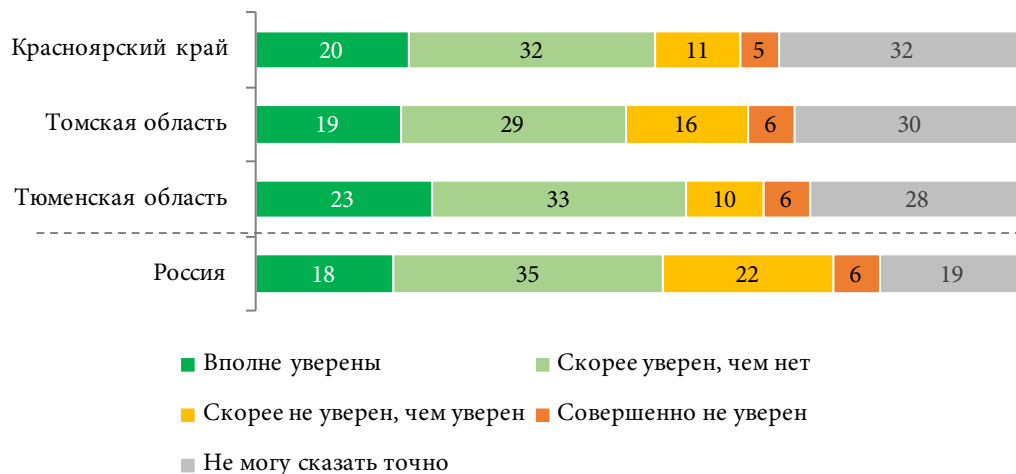

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос об уверенности в будущем, %

Коэффициенты корреляции между чувством защищённости от различных угроз и уровнем оптимизма у жителей всей России несколько меньше, чем в рассматриваемых нами трёх её восточных территориях (см. таблицу 4). В коррелируемых переменных используется пятибалльная шкала: «уверен в своём будущем – 5, ... совершенно не уверен – 1», «защищён – 5, ... не защищён – 1». Знак ** показывает статистическую значимость на уровне 0,01, знак * показывает статистическую значимость на уровне 0,05. В целом в данных регионах и частично у населения всей России наиболее высокие коэффициенты корреляции выявлены между степенью оптимизма и защищённостью от бедности, или, иными словами, с учётом направленности шкалы, отсутствием страха бедности (лидер – Томская область), произвола чиновников (соответственно, Тюменская и Томская области), преступности (Красноярский край), экологической угрозы (Тюменская область). Аналогичная картина наблюдается в отношении страха перед *притеснением из-за возраста или пола*.

Также достаточно сильная корреляция выявлена между степенью оптимизма респондентов и защищённостью от *произвола правоохранительных органов*; причём «первенство» принадлежит опять же Томской обл. Существенными факторами, деформирующими данный элемент жизненного мира населения, выступают страхи *одиночества и заброшенности*, а также *преследований за политические убеждения*. В последнем случае наибольший коэффициент корреляции наблюдается у жителей Тюменской области. Заметно ниже коэффициенты корреляции (в отдельных случаях они вообще отсутствуют) между степенью оптимизма и отсутствием страха перед *притеснением из-за национальности и религиозных убеждений*.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции Пирсона между чувством защищённости от различных угроз и уровнем оптимизма респондентов

Угрозы	Россия	Тюменская область	Томская область	Красноярский край
От экологической угрозы	0,192**	0,244**	0,251**	0,189**
Из-за возраста или пола	0,147**	249**	0,250**	0,209**
Из-за произвола чиновников	0,211**	0,270**	0,301**	0,227**
Из-за вашей национальности	-	0,136**	0,128**	0,165**
Из-за религиозных убеждений	-	0,146**	0,118**	0,128**
Из-за произвола правоохранительных органов	0,150**	0,186**	0,290**	0,221**
От преследований за политические убеждения	0,063*	0,174**	0,149**	0,147**
От бедности	0,292**	0,293**	0,364**	0,297**
От одиночества и заброшенности	0,224**	0,236**	0,253**	0,265**
От преступности	0,186**	0,228**	0,240**	0,257**

У жителей рассматриваемых восточных территорий России практически все выделенные в методике страхи снижают удовлетворённость жизнью значительно сильнее, нежели у населения страны в целом (см. таблицу 5). Особенно эти различия велики в отношении трёх выделенных в методике страхов: боязни преследований из-за национальной принадлежности, религиозных убеждений и за политические убеждения, которые у респондентов всей России вообще даже не коррелируют с их степенью удовлетворённости своей жизнью.

Таблица 5

Коэффициенты корреляции Пирсона между чувством защищённости от различных угроз и степенью удовлетворённости респондентов своей жизнью

Угрозы	Россия	Тюменская область	Томская область	Красноярский край
От экологической угрозы	0,157**	0,200**	0,167**	0,206**
Из-за возраста или пола	0,174**	0,231**	0,251**	0,214**
Из-за произвола чиновников	0,201**	0,210**	0,240**	0,196**
Из-за вашей национальности	-	0,136**	0,071*	0,144**
Из-за религиозных убеждений	-	0,146**	0,105**	0,131**
Из-за произвола правоохранительных органов	0,116**	0,186**	0,201**	0,242**
От преследований за политические убеждения	-	0,174**	0,138**	0,136**
От бедности	0,229**	0,293**	0,286**	0,289**
От одиночества и заброшенности	0,194**	0,236**	0,197**	0,242**
От преступности	0,162**	0,228**	0,171**	0,202**

Выводы

Приведённые в статье данные подтверждают выдвинутые нами гипотезы. Жизненный мир населения России представляет собой многоцветную палитру своеобразных жизненных миров жителей её различных регионов. Социокультурная специфика каждого из них определяется противоречивым сочетанием различных факторов: социально-экономических, культурно-исторических, национально-этнических и иных. К числу последних можно отнести особенности так называемых фронтирных территорий нашей страны. Для их выделения используются, как минимум, следующие параметры: «удалённость от центральной власти, заселённость вследствие миграционных потоков, слабая плотность населения данной территории» [Немировская, Фоа 2013; Фоа, Nemirovskaya 2016]. Тем самым к фронтирным относятся уральский и два сибирских региона, население которых выступало частью объекта нашего исследования.

В контексте анализируемых страхов перед социокультурными угрозами выделяются как общероссийские (значения которых существенно превышают показатели в регионах), так и региональные факторы деформации жизненного мира населения страны. К первым можно отнести страх перед «экологической угрозой» и «притеснениями из-за возраста и пола». Ко вторым – все остальные, включённые в используемую нами методику. Причём в целом по стране, как и в рассматриваемых регионах, наиболее значимы страхи перед бедностью, экологической угрозой, произволом чиновников и преступностью. Их испытывают около половины респондентов.

Выявлена характерная «уральско-сибирская» региональная особенность деформаций жизненного мира: восприятие начальника по работе в общем смысловом поле населения трёх восточных территорий как одного из социальных институтов власти. Темпоральная устойчивость жизненного мира населения изученных регионов Урала и Сибири (социальный оптимизм) выше, чем в целом по России.

Исследования показали, что одним из важнейших факторов деформации темпоральной устойчивости жизненного мира выступают страхи, вызванные угрозами для социальной жизнедеятельности людей: страх перед притеснением из-за национальности и религиозных убеждений.

Установлены весьма существенные различия между ответами населения всей России и жителей её трёх восточных регионов, касающиеся их удовлетворённости своей жизнью. Так, у респондентов всей России не выявлены корреляционные связи между данной характеристикой жизненного мира и боязнью преследований из-за национальной принадлежности,

Темпоральная устойчивость жизненного мира населения изученных регионов Урала и Сибири (социальный оптимизм) выше, чем в целом по России.

У респондентов всей России не выявлены корреляционные связи между удовлетворённостью жизнью и боязнью преследований из-за национальной принадлежности, религиозных или политических убеждений.

религиозных или политических убеждений. Напомним, что удовлетворённость жизнью характеризует степень гармоничности жизненного мира человека. Очевидно, в большинстве российских регионов, в отличие от трёх рассмотренных нами восточных территорий, эти угрозы не выступают деформаторами жизненного мира населения. Логично предположить, что данный феномен связан со спецификой формирования населения восточных территорий. Часть его относится к вынужденным мигрантам, потомкам ссыльных (в разные периоды нашей истории и по разным мотивам), которые осели там после освобождения из мест заключения, или членам их семей.

В целом напрашивается вывод, согласно которому чувство страха деформирует гармоничность жизненного мира жителей всей страны заметно сильнее, нежели респондентов из Тюменской, Томской областей и Красноярского края. Сказанное относится и к темпоральной устойчивости жизненного мира.

Не вызывает сомнений, что чувство страха является сильнейшим деструктивным фактором, и его сохранение и воспроизводство в обществе может породить целый спектр негативных процессов деформации жизненного мира. Поэтому данный феномен требует дальнейшего пристального изучения со стороны социологов и представителей смежных научных дисциплин.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность Николаю Ивановичу Лапину и коллегам, любезно предоставившим массивы полученных ими региональных данных для сравнения.

Библиографический список

Абрамова С. Б. 2010. Деньги и колонизация жизненного мира современных россиян // Известия Волгоградского государственного технического университета. № 7(67). С. 28–33.

Анисимов Р. И. 2015. Социально-экономические реалии жизненного мира россиян в условиях либеральных реформ (опыт сравнительного анализа данных 1990 и 2012 гг.) // Социологические исследования. № 8. С. 42–49.

Витковская М. И. 2003. Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 4–5. С. 74–79.

Емелин В. А., Тхостов А. Ш. 2015. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. № 2. С. 14–24.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016. 367 с.

Иванова В. А., Шубкин В. Н. 2005. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. № 2. С. 23–27.

Карта страхов россиян: итоги лета // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3477. 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116418> [Дата посещения: 15.11.2017].

Лاپин Н. И. 1992. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы). Приложение // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. Том I. № 1. С. 29–37.

Лапин Н. И. 2006. Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 9. № 3. С. 25–42.

Лапин Н. И., Беляева Л. А. 2010. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН. 135 с.

Личность и ее жизненный мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета психологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, 3–4 октября 2013 г.). 2013 / Под ред. Л. И. Дементий. Омск: Изд-во ОмГУ. 560 с.

Некрасова Е. В. 2008. Жизненный мир человека и подход к его исследованию // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 1. С. 98–110.

Немировская А. В., Фоа Р. 2013. Социокультурные особенности фронта России // Социологические исследования. № 4. С. 80–88.

Пржиленская И. Б. 2008. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума. Автореф. дисс. уч. степ. д-ра социол. н. Ставрополь. 48 с.

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М. 2009. 160 с.

Социологи выяснили, чего россияне боятся больше всего... // ФБА «Экономика сегодня». 27 сентября. Москва. URL: <https://rueconomics.ru/277965-sociologiyvyasnili-chego-rossiyane-boyatsya-bolshe-vsego> [Дата посещения: 15.11.2017].

Тощенко Ж. Т. 2015. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. № 1. С. 106–116.

Тощенко Ж. Т. 2016а. Территориальные различия жизненного мира россиян: общее и особенное // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1(36). С. 102–108 и др.

Тощенко Ж. Т. 2016б. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. № 1. С. 6–17.

Тощенко Ж. Т. 2016с. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 399 с.

Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Вып. 2. С. 123–136.

Чего опасаются россияне? // ИНАБ. 2008. № 6. М.: Институт социологии РАН. 72 с.

Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V. 2015. The Origins and Subjects of Fear for Siberians. Sociological Research in the Regions of Eastern and Western Siberia // Sibirica. Vol. 14. No 2. Summer 2015. Pp. 66–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.3167/sib.2015.140204>

Foa R. S., Nemirovskaya A. V. 2016. How State Capacity Varies Within Frontier States: A Multi-Country Subnational Analysis // Governance. Vol. 29. No. 3. Pp. 411–432. DOI: 10.1111/gove.12190

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.499](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.499)

Fear as a Factor in the Social and Cultural Deformations of Russians' Life World

Nemirovskiy Valentin Gennadievich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Academic Journal "Siberian Socium", University of Tyumen, Tyumen, Russia. E-mail: valnemirov@mail.ru

Nemirovskaya Anna Valentinovna

Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia. E-mail: annanemirov@hse.ru

Bulatova Tatiana Alekseevna

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Chair of the Department of Advertising and Public Relations, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia. E-mail: bulatowa@mail.ru

Abstract. This article reveals the specifics of social and cultural deformations in the life world of Russian people in general, compared to similar deformations among the population of several eastern regions of the country. These are territories representative of the Ural (Tyumen Province), Western (Tomsk Province) and Eastern Siberia (Krasnoyarsk Region). Social fears recorded within the "Regional socio-cultural portrait" method (Center for the Study of Social and Cultural Change, the Institute of Philosophy of the RAS) are considered to be factors of life world deformation. This study was carried out in the entire country of Russia in 2015, in Tyumen and Tomsk Provinces in 2016, in the Krasnoyarsk Region – in 2014. Three essential characteristics of life world – which have not been previously evaluated within this particular context – were highlighted for analysis: control locus, temporal stability (degree of pessimism/optimism) and life satisfaction as one of the key parameters of its harmony. The differences between the life world of Russians in general and that of those who

inhabit the country's eastern regions are determined within the context of the aforementioned characteristics. It is revealed that fears in the face of social dangers have a considerable deforming effect on the population's life world. Determined are two types of deformations: nationwide and regional. The first type includes fears while facing ecologic threats and oppression due to age and gender. The latter's level is generally much higher than the equivalent values obtained in the country's three eastern regions. Fears while facing other sorts of threats and dangers, which are highlighted in the study, are considered to be specific regional deforming factors. The following conclusion is made: social fears deform the control locus, the harmony and temporal stability of the life world of the entire country's population to a considerably greater degree compared to respondents from Tyumen and Tomsk Provinces, as well as the Krasnoyarsk Region. Revealed is a certain distinctive "Ural-Siberian" regional specificity of life world deformation, namely the sense that superiors in the workplace represent one of the social institutions of government. It is assumed that such specifics can be explained by regional frontier peculiarities.

Keywords: social fears, socio-cultural deformations, lifeworld, locus of control, satisfaction with life, optimism, frontier regions.

References

Abramova S. B. Den'gi i kolonizacija zhiznennogo mira sovremennyh rossijan [Money and Colonization of the Lifeworld of Modern Russians]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, 2010, vol. 7, no. 67, pp. 28–33 (in Russ.).

Anisimov R. I. Social'no-ekonomicheskie realii zhiznennogo mira rossijan v uslovijah liberal'nyh reform (opyt sravnitel'nogo analiza dannyh 1990 i 2012 gg.) [Social and economic realities of Russians' life-worlds under conditions of liberal reformations (a comparative analysis of 1990 and 2012 surveys data)]. *Sotsiologičeskie Issledovaniya*, 2015, no. 8, pp. 42–49 (in Russ.).

Chego opasajutsja rossijane? [What do Russians Fear?]. *Information and Analytical Bulletin of IS RAS*, 2008, no. 6. 72 p. (in Russ.).

Emelin V. A., Thostov A. S. Deformatsiya hronotopa v uslovijah sociokul'turnogo uskoreniya [Deformation of the Chronotope in Conditions of Sociocultural Acceleration]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 2, pp. 14–24 (in Russ.).

Foa R. S., Nemirovskaya A. V. How State Capacity Varies Within Frontier States: A Multi-Country Subnational Analysis. *Governance*, 2016, vol. 29, no. 3. pp. 411–432. DOI: 10.1111/gove.12190

Habermas J. Otnoshenija mezhdou sistemoy i zhiznennym mirom v uslovijah pozdnego kapitalizma [Relations between the System and the Life World under the Conditions of Late Capitalism]. *THESIS*, 1993, no. 2, pp. 123–136 (in Russ.).

Ivanova V. A., Shubkin V. N. Massovaja trevozhnost' rossijan kak prepiatstvie integracii obschestva [Mass Anxiety among Russians as an Obstacle to Societal Integration]. *Sotsiologičeskie issledovaniya*, 2005, no 2, pp. 23–27 (in Russ.).

Lapin N. I. Antroposocietal'ny podhod [Anthroposocietal Approach]. *Zhurnal sotziologii i social'noy antropologii*, 2006, vol. 9, no 3, pp. 25–42 (in Russ.).

Lapin N. I. Beliaeva L. A. Programma i tipovoy instrumentary «Sotziokul'turny portret regiona Rossii» (Modifikacija – 2010) [The Program and the Standard Questionnaire "Sociocultural Portrait of a Region of Russia" (Modification 2010)]. Moscow, IPH RAS, 2010. 135 p. (in Russ.).

Lapin N. I. Tiazhkie godiny Rossii (perelom istorii, krizis, cennosti, perspektivy). Prilozhenie [Severe Years of Russia (a Turning Point in History, Crisis, Values, Prospects)] *Mir Rossii. Sotziologija. Etnologija. Kul'turologija*, 1992, vol. I, no. 1, pp. 29–37 (in Russ.).

Lichnost' i eio zhiznenny mir [Personality and Its Life World]. Ed. by L. I. Dementiy. Omsk, OSU publ., 2013. 560 p. (in Russ.).

Nekrasova E. V. Zhiznenny mir cheloveka i podhod k ego issledovaniju [The Life World of a Human and the Approach to Its Research]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 98–110 (in Russ.).

Nemirovskaja A. V., Foa R. Sotsiokul'turnye osobennosti frontira Rossii [Russian Frontier]. *Sotsiologičeskiye issledovaniya*, 2013, no 4, pp. 80–88 (in Russ.).

Nemirovsky V. G., Nemirovskaya, A. V. The Origins and Subjects of Fear for Siberians. Sociological Research in the Regions of Eastern and Western Siberia. Sibirica, 2015, vol. 14, no 2., pp. 66–95. DOI: [10.3167/sib.2015.140204](https://doi.org/10.3167/sib.2015.140204)

Przhilenskaja I. B. Evoljucija zhiznennogo mira rossijan v uslovijah transformirujushegosia sociuma [Evolution of the Life World of Russians under the Conditions of a Transforming Society]. Stavropol', SSU publ., 2008. 48 p. (in Russ.).

Rossija na novom perelome: strahi i trevogi [Russia on a New Turn: Fears and Worries]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petukhov. Moscow, Al'fa-M, 2009. 160 p. (in Russ.).

Sotsiologi vyjasnili, chego rossijane bojatsja bol'she vsego... [Sociologists have found out what Russians fear most ...]. The Web portal «Economika segodnia». Release 27.09.17. URL: <https://rueconomics.ru/277965-sociologi-vvyasnili-chego-rossiyanе-boyatsya-bolshe-vsego> [date of visit: 15.11.2017] (in Russ.).

Toschenko J. T. Sotsiologija zhizni [Sociology of Life]. Moscow, UNITI-DANA, 2016. 399 p. (in Russ.).

Toschenko J. T. Sociologija zhizni kak teoreticheskaja koncepcija [The Sociology of Life as a Theoretical Conception]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2015, no 1, pp. 106–116 (in Russ.).

Toschenko J. T. Territorial'nye razlichija zhiznennogo mira rossijan: obshee i osobennoe [Territorial Differences in the Life World of Russians: Common and Specific]. Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya, 2016, vol. I, no 36, pp. 102–108 (in Russ.).

Toschenko J. T. Zhiznenny mir i ego smysly [Life world and Its Meanings]. Sotziologicheskie issledovaniya, 2016, no 1, pp. 6–17 (in Russ.).

VCIOM. Press-vypusk 3477. Karta strahov rossijan: itogi leta [Map of Fears of Russians: the Results of the Summer]. 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116418> [date of visit: 15.11.2017] (in Russ.).

Vitkovskaya M. I. Teoretiko-metodicheskie problemy izuchenija «straha» v sociologii [Theoretical and Methodical Problems of “Fear” Studies in Sociology]. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya, 2003, no. 4–5, pp. 86–91 (in Russ.).

Zhiznenny mir rossijan: 25 let spustia (konec 1980-h – seredina 2010-h gg.) [Life world of the Russians: 25 years later (late 1980s – mid-2010)]. Ed. by J. T. Toschenko. Moscow, CSPiM, 2016. 367 p. (in Russ.).

Факторы деструктивного влияния на общество

Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера

Позднякова Маргарита Ефимовна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социологии девиантного поведения, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: margo417@mail.ru

Брюно Виктория Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: vikushka81@mail.ru

Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.500](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.500)

Аннотация. В статье представлены результаты исследований, посвящённых изучению новой наркоситуации в России. Отражены её особенности, вызвавшие новую волну наркотизации и трансформацию причинно-следственного комплекса, повлекшего переход к «новым» наркотикам и новым, так называемым «мягким», моделям потребления. На основе анализа данных медицинской и криминальной статистики (Росстат, НИИ наркологии, МВД), а также материалов опросов трудоспособного населения (2013 г. N=1126; 2016 г. N=1337; 2017 г. N=1406) показано, что несмотря на некоторые позитивные изменения в наркоситуации, снижение отдельных показателей заболеваемости наркоманией, ситуация с распространением наркотиков в России сохраняется стабильно сложной. Выявлена тенденция изменения структуры наркотиков, замена героина на амфетамины, психотропные лекарства, «новые» наркотики, алкоголь. Отмечено усугубление ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств, увеличение числа преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения. Возросло число потребителей за счёт вовлечения в незаконный оборот наркотиков граждан из социальных групп, ранее не входивших в так называемую группу риска. Выявлено внутреннее противоречие в социальных установках и повседневных представлениях россиян о наркотиках. Несмотря на публичное неприятие, происходит либерализация отношения к наркотикам – допустимость употребления тех или иных веществ, но только при определённых условиях. Неприятие «тяжёлых» наркотиков сменилось более лояльным отношением к другим, так называемым «новым», веществам. Распространение стали получать так называемые «мягкие» модели потребления («статусное», «контролируемое»), не ведущие к быстрому выпадению из социума, но имеющие серьёзные социальные последствия, создавая иллюзию безопасности потребления, увеличивая тем самым процент скрытой наркотизации. В этой связи дополнительной важной задачей стало теоретическое осмысление происходящих изменений, создание объяснительных моделей, позволяющих разрабатывать технологии профилактики и контроля «мягких» форм потребления наркотиков.

Ключевые слова: наркоситуация, новые наркотики, «контролируемое» наркопотребление, «рекреативное» наркопотребление, мотивы потребления, первая проба наркотиков

Настоящая статья подготовлена в рамках проекта «Новая наркоситуация в России. Роль «контролируемого» потребления в распространении психоактивных веществ в различных группах населения» (при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-03-00616). Обращение исследователей к проблеме «контролируемого» наркопотребления – следствие осознания той огромной опасности, которая заключается в наркотизации всех слоёв населения, приводящей к тяжёлым социальным последствиям. Распространение наркотизма фактически угрожает национальной безопасности страны. Оно способно взорвать фундаментальные основы безопасности общества, государства, человека, разрушить генофонд, нравственные, социальные, политические, экономические устои, стать причиной технологических аварий и катастроф.

Произошедшие в стране изменения привели к появлению новых неизвестных моделей приобщения к наркотикам, которые не ведут к «выпадению» из общества, позволяют длительное время сохранять социальный статус, но в то же время нарушают социальную норму психического здоровья. Новая тенденция в изменившейся наркоситуации не имеет аналогов в изучении современного наркотизма в России. На сегодняшний день в стране практически нет социологических исследований по данной теме, отсутствуют достоверные статистические данные, при этом государством поставлена задача разработки механизмов выявления скрытой наркотизации. В этой связи перед авторами встала задача самостоятельного изучения ситуации с «контролируемым» потреблением, включая разработку методик исследования. Опыт предыдущих исследований авторского коллектива позволяет предположить, что «контролируемое» потребление находится «в ядре» наркотической ситуации, проявляет деструктивные тенденции в социальном развитии, что требует глубокого зондажа.

В задачи исследования входило изучение новой наркоситуации, рассмотрение теоретических подходов к стремительно распространяющимся новым (так называемым «мягким») формам потребления наркотиков, построение объяснительной модели «мягкого» потребления¹.

Эмпирическая база исследования:

1. Онлайн исследования трудоспособного населения в возрасте 18–60 лет «Рискованное поведение и отношение к психоактивным веществам», проведённые по многоступенчатой квотной выборке в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Омске, Челябинске, Уфе, Сыктывкаре, Архангельске, Краснодаре, Казани, Екатеринбурге, Омске и Перми (три волны: 2013 г. N=1126; 2016 г. N=1337; 2017 г. N=1406).

¹ Авторский коллектив: Позднякова М. Е. (рук. проекта), Брюно В. В., Рыбакова Л. Н., Шульгина И. В., Хагуров Т. А., Титова М. П.

2. Аудиторные и онлайн опросы студенческой молодежи «Образ жизни студентов: поведенческие риски» (Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск, Иваново, Чита, N=1200).

3. Мониторинг информационного интернет-пространства: специализированных сайтов, форумов, групп в соцсетях, объединяющих эпизодических потребителей, наркозависимых и их созависимых родственников.

4. Анализ медицинской статистики по проблеме заболеваемости наркоманией (данные Росстата, Института наркологии Минздрава), криминальной статистики (данные МВД), связанной с наркотиками: привлечение к уголовной и административной ответственности лиц, связанных с незаконным оборотом наркотиков, число задержанных, связанных со сбытом наркотиков.

5. Анализ специальной литературы и вторичный анализ данных исследований сектора по теме «Девиантное поведение различных групп населения».

Теоретические подходы к различным формам употребления наркотиков

Причины наркотизма стали изучаться с середины XIX в. Однако пока нет единого подхода, объясняющего это явление, что обусловлено исключительным многообразием его проявлений. Если в естественных науках, как правило, господствует одна парадигма, то в социальных науках, в силу того, что подход к исследуемым проблемам зависит от социальной позиции исследователя, одновременно может существовать несколько парадигм. Следует отметить, что объяснительных теорий наркотизма практически нет, поэтому в исследовании для объяснения распространения наркотиков и причин приобщения мы ориентировались на труды зарубежных и отечественных учёных, сформировавших основные подходы к пониманию характера и содержания проблем девиантного поведения. Были использованы фундаментальные социоструктурные теории девиантности: классические и современные теории аномии и напряжения (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, А. Коэн, Л. Оулин, Р. Агнью), теория дифференциальной ассоциации (Э. Сатерленд), некоторые субкультурные теории девиантного и делинквентного поведения, теории жизненного пути (так называемой «девиантной карьеры» Г. Беккера), социального контроля и сдерживания (Э. Росс, Ф. Най, У. Реклисс, Т. Хирши, М. Готфредсон) и другие работы. Однако эти теории зачастую оказываются нечувствительными к мнениям, оценкам и идеям самого индивида. Поэтому при изучении наркотизма становится актуальна интеракционистская перспектива

анализа девиаций: теории стигматизации (наклеивания ярлыков, лейблов) (Ф. Таненбаум, Г. Беккер, Э. Лемерт, Э. Шур, Ф. Зак и др.), драматургический подход И. Гофмана, феноменология и конструктивизм (Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.). Феноменологическая социология считает предметом своего исследования прежде всего обыденные представления («жизненный мир», «мир человеческой повседневности», представления о добре и зле, судьбе, норме и патологии и т. п.), действующие в обществе людей [Комлев 2014]. Феноменологи считали субъективный опыт «сердцевиной» девиантной действительности.

Рост различных проявлений девиантности, снижение эффективности социального контроля в рамках доминирующей модели «закон и порядок» в условиях ускорения социальных изменений и перехода общества к эпохе постмодерна и «ультрасовременного капитализма» остро поставил вопрос о новом теоретическом осмыслении этих процессов, объяснении девиантности. Классические теории также не позволяли объяснить трансформацию наркопотребления, причину поиска «новых» наркотиков и перехода к новым моделям наркопотребления. В научной среде начали активно обсуждать поиск путей перехода от «войны» к «миру», сосуществованию с девиантностью. В конце 1980-х–начале 1990-х гг. появился ряд работ, которые нельзя назвать теориями в собственном смысле этого слова, но которые могут быть отнесены к «постмодернистской перспективе». Постмодернисты заявляют, что «феномен девиации – интегральное будущее общества», и «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля». При исследовании новой наркоситуации и новых моделей потребления была предпринята попытка использовать теории, применявшиеся к объяснению «обычного» потребительского поведения (Т. Веблен, Ж. Бодрийяр, У. Эко, З. Бауман), а также теории социальных практик (Мишель де Серто, Пьер Бурдьё) как развёртывание и широкомасштабное применение к процессам человеческого существования идей повседневности, разработанных в рамках феноменологической социологии. Суть этого подхода – в специфическом понимании человеческих действий (поступков), большинство которых рассматриваются как фоновые, т. е. не объяснимые как жёстко фиксированными причинно-следственными связями, так и бехевиористскими («стимул-реакция»).

Сегодня в сфере наркопотребления происходят мало заметные внешне, но весьма существенные трансформации. Наряду с «низовым» наркопотреблением (тяжёлые формы зависимости, приводящие к маргинализации, статусно-ролевым и личностным дисфункциям) всё большее распространение получают «новые» формы – т. н. «статусное» и «рекреативное» наркопотребление. В первом случае субъект потребления – это

представители верхнего среднего класса, состоятельные люди, «золотая молодёжь». Основной мотив здесь – поддержка статуса, следование моде. Во втором – контролируемое рекреативное потребление (время от времени, чтобы расслабиться), субъект – средний класс, работающие профессионалы. На первый взгляд это «цивилизованные» формы потребления наркотиков, почти не причиняющие вреда личности и обществу в сравнении с «низовыми». Используются обычно «лёгкие» и «средние» наркотики (с низким или средним аддиктивным потенциалом), потребление носит эпизодический (на ранних стадиях, которые могут продолжаться несколько лет) характер. Как правило, субъекты этих форм наркопотребления не считают себя наркоманами, ведут активный образ жизни, часто заботятся о своём здоровье. Негативные последствия такого наркопотребления для здоровья значительно отсрочены во времени (до 10 лет и более), а социальные дисфункции могут почти не наблюдаться и/или протекать полностью латентно.

Статусное («престижное») наркопотребление можно объяснять в парадигме «престижного и демонстративного потребления» Т. Веблена («Теория праздного класса»), а контролируемое рекреативное потребление – культурологическими теориями (речь идёт о потребительской культуре, расширении рекреативных практик и вообще опыта, нормализации желаний) Ж. Бодрийяра, У. Эко, З. Баумана и др. Эти теории описывают такие формы потребительского поведения, которые направлены не на удовлетворение потребностей индивида или группы, но на сохранение и поддержание статуса. Веблен, говоря о престижном потреблении, имел в виду предметы роскоши. Но сходный мотив прослеживается и в ряде случаев потребления наркотиков: «это не для простых смертных», «это круто», «вечеринка по-гарлемски» и т. п. Ж. Бодрийяр указал на закономерности потребительского поведения массовых социальных слоёв в ситуации господства потребительской культуры. В ситуации, когда большинство первичных и вторичных потребностей людей удовлетворены, культура начинает активно стимулировать потребности. Объём самих благ, предлагаемых культурой личности, становится слишком избыточным, переполненным симуляциями, призванными активизировать потребление. Характерным последствием работы «индустрии производства потребностей» (СМИ и интернет, а также реклама, кинематограф и шоу-бизнес) становится формирование массовой привычки к эмоциональной стимуляции, что создаёт предпосылки для формирования положительных установок к рекреативному, эпизодическому потреблению «лёгких» («безопасных», «не наносящих ущерба») стимуляторов: «что бы расслабиться», «на вечеринке», «за компанию», «для расширения опыта» и т. д. [Девиантное поведение... 2014].

В настоящее время обострился вопрос о понимании употребления наркотиков не только как следствия социальных условий, но как результата индивидуального выбора индивида. Поэтому была использована концепция социальной эксклюзии, объясняющей процессы маргинализации, причины и последствия ограничения доступа к основным социальным институтам общества. Предполагалось, что социальная эксклюзия идёт по двум направлениям одновременно: самоизоляция субъекта наркотизации и сокращение контактов окружения с субъектом наркотизации. В самом общем виде социальная эксклюзия концептуализируется как недостаток участия в основных видах деятельности в обществе, приводящий к уходу от действительности и заставляющий искать определённую нишу, которая может быть наркотиками.

Иногда можно услышать тезис о некоей рекреативной функциональности наркопотребления. Суть его в том, что человечество использует психоактивные вещества для рекреации на протяжении тысячелетий, и просто существуют «культурные стереотипы», определяющие, какие вещества можно использовать, а какие нет [Конструирование девиантности... 2011]. Кроме того, идею рекреативной пользы активно пропагандируют сами субъекты «мягкого» наркопотребления.

Новая наркоситуация – опасные тенденции

На фоне развернувшегося в России экономического кризиса вопрос наркотизации населения отошёл на периферию социальных проблем. Если в 2011–12 гг., согласно данным опросов населения, проблемами наркомании и алкоголизма был озабочен каждый третий россиянин, то к 2017 г. их значимость заметно упала, уступив таким экономическим проблемам, как рост цен и обнищание населения [Наркомания в ряду... 2011; Проблемы... 2016; Самые острые проблемы... 2017]. Вместе с тем в самой наркоситуации наметились некоторые, на первый взгляд, позитивные изменения. Так, по официальной статистике НИИ наркологии, количество ежегодно принимаемых на учёт наркоманов с впервые в жизни установленным диагнозом зависимости неуклонно снижалось с 2007 по 2016 г. с 29,5 тыс. человек до 16,3 тыс. За этот же период было зафиксировано снижение и общего числа лиц, состоящих на учёте с диагнозом «наркомания»: с 356,1 тыс. до 292,4 тыс. человек. Происходит стабильное снижение потребителей инъекционных наркотиков (ПИН) с 390,5 тыс. в 2007 г. до 262,9 тыс. в 2016 г. [Основные показатели...2010; Основные показатели...2017]. Многие эксперты стали говорить о стабилизации наркоситуации в России.

Количество ежегодно принимаемых на учёт наркоманов с впервые в жизни установленным диагнозом зависимости неуклонно снижалось с 2007 по 2016 г. с 29,5 тыс. человек до 16,3 тыс.

В то же время исследования, проводимые сектором социологии девиантного поведения Института социологии, показывают, что ситуация с распространением наркотиков в России сохраняется стабильно сложной. Материалы исследований свидетельствуют о глубинных качественных изменениях в наркоситуации [Позднякова 2013]. Произошедшая трансформация причинно-следственных факторов повлекла переход к «новым» наркотикам, распространению новых форм потребления («мягкое», «контролируемое»), что вызвало новую волну наркотизации. Изменились пути распространения наркотиков. Существенно расширились возможности их приготовления, в том числе из легальных веществ. Появились новые каналы получения информации о способах приготовления и применения наркотиков, изменились схемы реализации наркотических веществ. Одна из главных причин этих изменений – интенсивное развитие информационно-телекоммуникационных систем. Для современного человека главным источником информации о психоактивных веществах (далее ПАВ), в том числе и «новых», а также основным центром их сбыта стал интернет (социальные сети). Информация о наркотиках в России стремительно распространяется через такие источники, как тематические интернет-форумы, специализированные группы в социальных сетях, системы мгновенного обмена сообщениями – различные «мессенджеры» и т. п. А распространение и продажа часто осуществляются с помощью специализированных онлайн магазинов, через так называемый «теневого интернет» (DarkNet) – сегмент глубокого интернета (deep web), не индексируемый поисковыми машинами и недоступный через стандартные браузеры. Тем не менее, при желании в общедоступном интернете можно найти инструкции для доступа в «теневого интернет», где возможна торговля не только наркотиками, но и оружием, документами, людьми; обмен секретными или опасными документами, запрещёнными книгами и т. д.

Фиксируется рост интереса населения к различного рода психостимуляторам, а также поиск производителями новых, более «безопасных», но «эффективных» веществ. Произошло значительное расширение их рынка – появился целый класс новых наркотических веществ. Доступность и в некоторых случаях дешевизна «новых наркотиков» (что ещё раз подтвердилось данными последней волны опроса 2017 г.) создают условия для различного рода наркоэкспериментов как для постоянных и эпизодических потребителей, так и для склонных к первым пробам. Это привело к смене способов наркотизации, усилению сочетанного употребления наркотиков. Если за рубежом значительна доля тех, кто употребляет лишь один так называемый «новый» наркотик, хотя есть и заметные их «совмещения», то для России характерно упо-

Для современного человека главным источником информации о психоактивных веществах, а также основным центром их сбыта стал интернет (социальные сети).

ребление традиционных наркотиков совместно с «новыми». Сегодня эти «новые вещества» всё чаще становятся стартовым наркотиком. По данным наших исследований, по сравнению с опросом 2013 г., в 2016–17 гг. на открытый вопрос о первой пробе в качестве стартового наркотика респонденты перечисляли значительно большее количество различных веществ, что косвенно свидетельствует о расширении рынка наркотиков и распространении психоактивных веществ в некоторых социальных группах. Около двух третей потребителей (69% в 2013 г., 74% – в 2016 и 78 – в 2017 г.) отметили, что начинали свою наркокарьеру с марихуаны. При этом, если в 2013 г. только 2% потребителей в качестве своего первого наркотика называли вещества из категории «новых», то в 2016 и 2017 гг. – каждый десятый. Расширение диапазона потребляемых веществ произошло в основном в группе 18–29 летних.

Значимым фактором наркотизации являются меняющиеся нормативные представления и социальные установки населения по отношению к наркотическим веществам. С одной стороны, в последние годы в СМИ широко артикулируются темы нравственности, традиционализма, трезвого образа жизни. Применение к профилактике информационного подхода, содержащего элементы запугивания, также частично себя оправдало. Все эти меры так или иначе оказали давление на общество, побуждая публично соглашаться с традиционными нормами по отношению к наркотикам. Согласно результатам проведённых онлайн опросов, общество показывает себя высококонрастным, а социально одобряемая норма «наркотики – это плохо» сохраняет свою актуальность. Публичное неприятие наркотиков, осуждение наркоманов характерно почти для 90% опрошенных во всех возрастных категориях и социальных стратах. С другой стороны, более глубокое изучение материалов количественных опросов, глубинные интервью с представителями различных групп, в том числе потребителей, анализ сообщений в социальных сетях в интернете позволяют говорить о «диффузности», двойственности внутренних установок по отношению к теме наркотизма и непосредственно употребления. Происходящие процессы в изменении отношения к наркотикам, по данным исследований, характеризуются несогласованностью, серьёзными противоречиями в социальных установках, причём как в массовом сознании населения, так и на индивидуальном уровне личности.

Характерной чертой современной наркоситуации является выход наркотизации за пределы ранее поражаемых групп риска. С начала «наркобума» 1990-х гг. и по настоящее время происходит постепенный процесс легитимации наркотиков: если раньше аддиктивное поведение и проблема наркотиков рассматривалась преимущественно в связи с проблемами маргиналь-

Согласно результатам проведённых онлайн опросов, общество показывает себя высококонрастным, а социально одобряемая норма «наркотики – это плохо» сохраняет свою актуальность. Но проведённое исследование фиксирует двойственность внутренних установок к теме наркотизма.

ности и маргинализации, то в последние годы наркопотребление теряет маргинальный статус, переставая быть атрибутом определённых субкультур [Позднякова 2013]. Существенно расширилось число законопослушных потребителей разнообразных веществ; увеличились возможности приобщения к «новым наркотикам» подростков и малообеспеченных слоёв; стали формироваться и распространяться новые, более латентные формы и модели потребления. Помимо тяжёлых форм зависимости, характерных в основном для определённых групп населения и приводящих к маргинализации индивида, большее распространение стали получать так называемые «мягкие» модели потребления – «статусное», «рекреативное», а также «контролируемое» потребление. Такое употребление наркотиков следует рассматривать как показатель интегрированности индивидов в современную культуру. Многие новые паттерны потребления ПАВ стали свойственны социально успешным стратам, среднему классу (СК).

В исследовании среднего класса 2013 г. для изучения отношения респондентов к различным морально-нравственным нормам тестировалось их мнение по поводу действий и поступков, с которыми человек со значительной степенью вероятности может сталкиваться в реальной жизни или как минимум иметь сложившееся мнение [Средний класс... 2016]. Как показало исследование, представители СК демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень. Они называют себя противниками большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или по меньшей мере неэтичными. При этом употребление наркотиков заняло первое место в списке осуждаемых поступков, являясь безусловным табу для них. Безусловными противниками этих действий, по крайней мере на словах, назвали себя большинство опрошенных из СК (95%). В наших исследованиях трудоспособного населения были получены аналогичные результаты. Наиболее ярко отрицательное отношение к наркотикам и их потреблению высказали также представители среднего класса (2013 г. – 87%, 2016–17 – 94%).

При изучении роли доходов в приобщении к наркотикам было выявлено, что респонденты, отнёсшие себя по социально-экономическим показателям к группам «с доходами выше среднего» и «богатым»¹, действительно не

¹ Было выделено 5 групп по уровню материального положения: «бедные», «нуждающиеся», «со средним достатком», «выше среднего» и «богатые». Деление осуществлялось по оценкам самих респондентов своего жизненного уровня. В первую группу попали респонденты, которые указали, что им хватает денег на еду, но покупка одежды для них уже проблематична. «Нуждающиеся» отметили, что для них затруднительно приобретение товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и т. п.). Для респондентов со средними доходами доступна бытовая техника, но покупка машины невозможна. Респонденты с доходом «выше среднего», по их оценкам, могут позволить себе всё, кроме покупки квартиры или дачи. «Богатые» респонденты отметили, что могут позволить себе всё, в том числе и квартиру, и дачу.

склонны к интенсивному, частому употреблению наркотиков. Однако в этой группе широко распространено экспериментирование, эпизодические пробы с психоактивными веществами. Более глубокий анализ социальных установок по отношению к наркотикам показал, что во всех группах населения, включая средний класс, употребление наркотиков тесно ассоциируется с тяжёлым «низовым» потреблением, болезнями, грязью. Именно такое потребление наркотиков однозначно осуждается, оно кажется чем-то далёким, нереальным, «кошмарным сном», каким-то ужасом, происходящим с какими-то другими, «конченными» людьми. Такой «образ» наркомана никоим образом не соотносится с собственным поведением, когда индивид здоров, социально сохранен и, тем более, успешен.

Следует отметить, что, если в конце девяностых – начале нулевых наркотики в группе среднего класса ассоциировались с атрибутом успешной красивой жизни, свидетельством социального успеха, свободы, нарушением табу, то сегодняшний потребитель гораздо более прагматичен. Во-первых, согласно опросу, современный потребитель озабочен своим здоровьем; во-вторых, он в значительной мере ориентирован на профессиональную самореализацию и семью. Иными словами, он пытается эффективно совмещать эпизодическое, «безопасное» употребление веществ и социально значимую деятельность, вырабатывая собственные механизмы контроля или подбирая щадящие препараты для изменения состояния сознания. По этой причине эпизодическое употребление «лёгких» наркотиков представляется комфортным и относительно безопасным. Такое «контролируемое» потребление пока слабо отрефлексировано обществом, как и его последствия, а в некоторых социальных слоях практически не идентифицируется. Основное противоречие в личностных установках по отношению к наркотикам может быть выражено фразой: «Наркотики – безусловное зло, я бы никогда и ни за что не стал их принимать, ну если только при условии, что они «лёгкие» и нечасто».

Декларируемая социальная установка, что наркотики – плохо, не подкрепляется чётко сформированной внутренней установкой на запрет попробовать наркотики. В этой связи не только интерес, но и тревогу у исследователей вызвали рассуждения подростков о первых пробах наркотиков и, соответственно, вовлечённости в наркопотребление. По нашим данным, у большинства подростков амбивалентное отношение к психоактивным веществам. С одной стороны, «наркотики – плохо, опасно, безусловное зло», с другой стороны – всё равно следует их попробовать, даже несмотря на тяжёлый опыт их употребления среди близких знакомых, родственников, друзей.

Сравнение результатов опросов трудоспособного населения 2013 и 2016–17 гг. показывает, что среди молодёжи (18–29 лет) и людей среднего возраста (30–39 лет) отношение к потребителям стало менее категоричным: снизилась доля тех, кто относится к наркопотребителям с опаской; возросла доля тех, чьё отношение зависит от употребляемого вещества и частоты приёма; несколько улучшилось отношение к употребляющим изредка «лёгкие» наркотики. По данным исследования 2017 г., отношение к употреблению наркотиков как свободному выбору получило ещё более широкое распространение. Неприятие «тяжёлых» наркотиков сменилось более лояльным отношением к другим, в первую очередь так называемым «новым» веществам. Таким образом, несмотря на публичное неприятие, происходит либерализация отношения к наркотикам – допустимость употребления тех или иных веществ, но только при определённых условиях (например, употребление «безопасных», с точки зрения потребителя, веществ; контроль за частотой, дозировками и качеством веществ; соблюдение определённых правил приёма и т. д.).

Проблема современной наркотизации заключается в том, что эти «новые наркотики», часто называемые «лёгкими», «тихими», порождают идеологию якобы безопасного наркотизма, что, к сожалению, устраивает как личность, так и общество. Государство не успевает ограничить их распространение и предупредить об опасности употребления. Поэтому создаются устойчивые мифы о безопасности и легальности «новых» веществ. Так, материалы опросов студентов показали, что 18% молодых потребителей наркотиков считают, что «новые» вещества не столь опасны¹.

Такие изменения вызваны в первую очередь переменами в структуре потребляемых наркотиков. Анализ медицинской статистики показал, что процесс стабильного снижения заболеваемости опиоидной наркоманией в последние несколько лет сопровождается устойчивой тенденцией роста как общей, так и первичной заболеваемости каннабиноидной наркоманией, а также зависимостью от *других наркотиков* и сочетаний различных химических групп (полинаркоманией). Наряду с этим наблюдается существенное увеличение числа пациентов с зависимостью от психостимуляторов и заболеваемости, связанной с употреблением наркотиков этой группы (см. рис. 1).

¹ При ответе на вопрос: «Знаете ли Вы, насколько рискованно употребление «новых» веществ?» были отмечены варианты: «думаю, если они и наносят урон здоровью, то кратковременный, вряд ли возникает психическая зависимость или серьёзные последствия»; «скорее всего, они не опасны, если попробовать их несколько раз и не употреблять постоянно»; «думаю, риск от их употребления минимален, это современные вещества, их стараются делать безопасными, иначе не будет спроса».

Рис. 1. Динамика изменения структуры потребляемых веществ

Источник: диаграмма составлена по статистическим данным НИИ наркологии – филиал ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России.

Можно согласиться с Евгением Брюном (главный внештатный психиатр-нарколог Минздрава России), что сегодня «происходит вымывание героина из структуры потребления наркотиков. На замену ему приходят синтетические наркотики, которые поступают из Европы или из Китая» [В Минздраве оценили... 2017]. Именно за счёт снижения численности героиновых наркоманов в последние годы отмечается снижение количества ежегодно принимаемых на учёт наркоманов с впервые в жизни установленным диагнозом зависимости. Тем не менее, более глубокий анализ медицинской статистики показал, что на фоне снижения численности потребителей, состоящих на учёте с *диагнозом «наркомания»*, с 2011 г. наблюдается значимый рост потребителей наркотиков с *вредными последствиями* (см. рис. 2). По оценкам специалистов, рост этой категории потребителей связан с всплеском распространения «новых» наркотиков. Именно за счёт этой категории пациентов возросло и *общее число* потребителей наркотиков, состоящих на учёте, с 533,4 тыс. в 2011 г. до 544,5 тыс. в 2015 [Основные показатели... 2016].

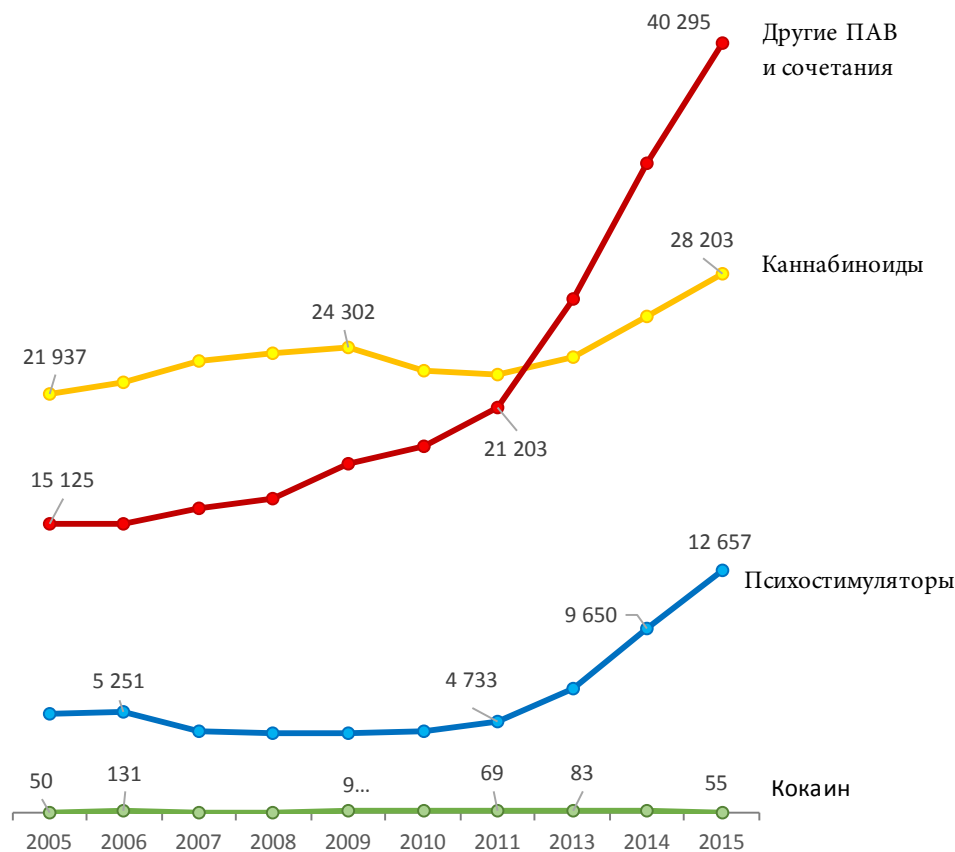

Рис. 2. Динамика заболеваемости наркоманией населения РФ

*Источник: диаграмма составлена по статистическим данным НИИ наркологии – филиал ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России.

Согласно международной классификации болезней (МКБ-10), *употребление наркотиков с вредными последствиями* – это такая модель употребления вещества, которая наносит непосредственный ущерб здоровью – физический (например, гепатит после инъекции наркотических веществ) или психический (депрессивные расстройства, вторичные по отношению к употреблению), который может быть чётко выявлен и зафиксирован, но не обладает достаточными симптомами для диагностирования синдрома зависимости. Характер употребления веществ – в течение одного месяца или периодически – повторяется на протяжении 12 месяцев. Обычно, но не обязательно, такое употребление имеет неблагоприятные социальные последствия [Употребление с вредными последствиями... 2017].

Особое внимание следует обратить на то, что в 2009–15 гг. наблюдался рост числа госпитализаций *больных психозами, связанными с употреблением наркотиков*. Увеличилось как их абсолютное число (с 782 чел. в 2009 г. до 5610 – в 2016, т. е. более чем в 7 раз), так и относительный показатель (с 0,55 в 2009 г. до 4,4 на 100 тыс. населения в 2015 г.). В 2016 г. этот показатель несколько снизился,

но остался на высоком уровне (3,8). В целом за последние 4 года показатель увеличился в 2,5 раза [Основные показатели... 2017]. Такой заметный скачок заболеваемости наркотическими психозами, а также наркоманией от «других ПАВ и их сочетаний» также связывают с широким распространением «новых» наркотических веществ.

Под «новыми» наркотиками в первую очередь понимаются синтетические наркотики, которые создаются, чтобы различными способами обойти существующие законы о наркотиках путём изменения молекулярной структуры уже существующих нелегальных препаратов, и которые, однако, дают субъективные ощущения, как и от приёма запрещённых веществ («легалка», «дизайнерские наркотики»). До недавнего времени такие наркотики рекламировали как разрешённые курительные смеси, ароматические табаки, легальные порошки или так называемые «соли для ванн». Несколько лет назад они продавались вполне законно, прочно захватив наркорынок, и смогли создать собственную дилерскую сеть, потеснив героин и марихуану. Особенность этих «новых» наркотиков заключается в том, что их потребитель зачастую обходится без шприца: они могут всасываться с любых слизистых оболочек организма человека, их можно просто вдыхать, курить, потреблять внутрь; они легко растворяются во всевозможных напитках – вкус, цвет и запах у них часто отсутствуют. Новые вещества, как правило, являются сильными эйфоретиками, однако их опасность заключается в том, что, в отличие от классических наркотиков (марихуана, амфетамины, героин), имеющих широкий коридор между минимальной одурманивающей дозой и дозой, способной вызвать осложнения и смерть, при употреблении синтетических наркотиков состояние сильного опьянения способны вызывать сверхмалые дозы вещества. Наркопотребителю не всегда удаётся «угадать» с дозировкой, и малейшая ошибка легко может привести к галлюцинациям, паранойе, агрессивному, смертоносному или суицидальному поведению. Кроме того, химико-физические особенности новых наркотиков таковы, что при их употреблении внезапно может развиваться состояние острого психоза, снять которое очень сложно. Такие пациенты надолго попадают в психиатрические клиники. По оценкам наркологов, в 3–5% случаев тяжёлых передозировок наступает смерть из-за отказа жизненно важных органов.

Изменение структуры потребляемых наркотиков коснулось в первую очередь подростков и молодёжи. Рынок и реклама дизайнерских наркотиков рассчитаны преимущественно на молодёжь, поскольку в силу своего юного возраста и неопытности она жаждет экспериментов. Заболеваемость подростков наркоманией умеренными темпами снижалась с 2003 г. Но с 2012 г. тенденция снижения была нарушена. С 2014 г. среди подростков наблюдается быстрый рост первич-

Рынок и реклама дизайнерских наркотиков рассчитаны преимущественно на молодёжь, поскольку в силу неопытности она жаждет экспериментов. Заболеваемость подростков наркоманией умеренными темпами снижалась с 2003 г. Но с 2012 г. эта тенденция была нарушена.

ной обращаемости по поводу каннабиноидной зависимости (на 133%), зависимости от психостимуляторов (на 300%), зависимости от других наркотиков и сочетаний наркотиков разных групп, включая полинаркоманию (на 500%). Увеличились показатели первичной обращаемости и по поводу пагубного (с вредными последствиями) употребления наркотиков (на 80%). При этом общий показатель первичной обращаемости с наркологическими расстройствами среди подростков возрос на 80,9% [Основные показатели... 2016]. Вызывают тревогу данные и по общей госпитализации подростков с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков. Так, обращаемость по поводу психозов, связанных с употреблением наркотиков, увеличилась за последние пять лет в 8 раз. Частота госпитализации подростков с острой интоксикацией и пагубным употреблением наркотиков возросла в 5 раз. В целом подростки с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, в 2015 г. госпитализировались в 5 раз чаще, чем в 2011 г., при этом величина показателя соответствует уровню 2007–08 гг. [Основные показатели... 2016].

Материалы проведённых социологических исследований свидетельствуют о том, что реальный уровень потребления психоактивных веществ, в том числе среди молодёжи, выше официально зарегистрированного. Согласно данным наших опросов, от 20 до 40% студентов вузов имеют опыт эпизодического употребления наркотиков. Имеются и региональные отличия, которые зависят не только от местного растительного сырья, но и от способов употребления и, соответственно, структуры наркотиков. Замечено, что регионы часто меняются местами.

Об усугублении наркоситуации говорит и рост количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. По официальной статистике МВД России, число таких преступлений возросло с 215,2 тыс. в 2011 г. до 236,9 тыс. в 2015 г. [Состояние преступности... 2015]. В январе–сентябре 2017 г. выявлено 158,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,3% больше, чем за аналогичный период 2016 г. Также по сравнению с январём–сентябрём 2016 г. на 6,8% возросло число выявленных преступлений, совершённых с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [Состояние преступности... 2017]. За период с 2005 по 2015 гг. почти в 4 раза увеличилось количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения, с 8,1 тыс. до 30,5 тыс. [Состояние преступности... 2015]. Значительно выросло число лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, осуждённых за преступления, связанные с наркотиками, с 65429 в 2006 г. до 138260 в 2016 г. [Характеристика лиц... 2017].

На протяжении последних лет сотрудники органов внутренних дел отмечают опасную тенденцию, выражающуюся в стремительном и неуклонном росте преступного «профессионализма» и высокой организованности наркобизнеса. Во многом этому способствовало развитие информационных технологий. Проникновение глобальной сети интернет в повседневную жизнь граждан привело к тому, что механизм совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов существенно эволюционировал – появились способы так называемого бесконтактного сбыта веществ [Шалагин, Усманов 2016: 30–35]. В настоящее время преступники для обмена информацией задействуют специальные программы (Skype, Brosix, Viber, WhatsApp, ICQ, Telegram и др.), позволяющие мгновенно обмениваться сообщениями (в том числе фото и видеоизображениями) о намерениях и условиях сбыта (приобретения) наркотиков, местах тайниковых «закладок» и прочей информацией. Многие специалисты-криминологи предвещают дальнейшее ухудшение ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков: увеличение количества организованных преступных групп (сообществ) с межрегиональными (транснациональными) связями, создание ими глубоко законспирированных и разветвлённых сетей распространения наркотиков, дальнейшую оптимизацию процесса реализации наркотических средств и их аналогов бесконтактным способом с использованием современных информационных и компьютерных технологий [Шалагин, Усманов 2016].

Серьёзные опасения вызывает расширение круга потребителей наркотиков за счёт вовлечения в их незаконный оборот граждан из социальных групп, ранее не входивших в так называемую группу риска. На фоне растущего числа граждан, привлечённых к уголовной ответственности за наркопреступления, возросло количество служащих, руководителей, учащихся. Подавляющее большинство их преступлений остаётся латентным, в статистике отражается только каждое третье преступное деяние и каждое седьмое из деяний, совершаемых с целью сбыта.

Всю сложность современной наркоситуации и масштаб проблемы распространения «новых» психоактивных веществ невозможно отобразить только анализом медицинской и криминальной статистики, тем более что описываемые тенденции не имеют аналогов в изучении современного наркотизма в России. Проблемы стремительного распространения различных «новых» психоактивных веществ и феномена «контролируемого» потребления для России достаточно новы, а процесс формирования новых моделей употребления наркотиков представляет собой латентное явление. Данная тенденция обнаружена сравнительно недавно и не имеет примеров

На протяжении последних лет сотрудники органов внутренних дел отмечают опасную тенденцию, выражающуюся в стремительном и неуклонном росте преступного «профессионализма» и высокой организованности наркобизнеса.

полноценного изучения. В этой связи дополнительной важной задачей становится теоретическое осмысление этих явлений, создания объяснительных моделей, позволяющих разрабатывать технологии профилактики и контроля «мягких» форм потребления наркотиков.

Образ жизни потребителя наркотиков

В этой связи представляют интерес жизненные практики и образ жизни, стиль жизни потребителей наркотиков. Для многих выделенных в исследовании групп потребителей характерно доминирование пассивных форм рекреационного поведения. При изучении рекреационного поведения различных групп трудоспособного населения был проведён сравнительный анализ предпочитаемых видов досуга как среди имеющих опыт наркопотребления, так и не имеющих его. Выявлено, что в целом способы проведения свободного времени практически идентичны в группе пробовавших и не пробовавших наркотики. Лидирующие позиции занимают такие виды отдыха, как проведение времени в интернете и социальных сетях, прослушивание музыки и просмотр видео на компьютере или в интернете. Однако у респондентов, не имеющих наркотического опыта, больше развиты продуктивные интересы и увлечения. Среди них выше доля тех, кто имеют хобби (72% против 62), занимаются спортом (59% против 51), посещают театры, музеи, выставки (38% против 25), читают научную и художественную литературу (79% против 69), повышают своё образование, посещая какие-нибудь курсы или тренинги (30% против 20). Пробовавшие наркотические вещества склонны к более пассивно-развлекательным видам досуга. Предпочитают в качестве отдыха компьютерные и онлайн игры – 60% (среди не пробовавших наркотики – 51%). Среди молодых потребителей веществ (18–29 лет) выше включённость в «клубную» рекреационную культуру – 35% посещают дискотеки, клубы, бары (среди тех, кто не пробовал вещества – 18%). Особую роль в проведении досуга играет не только употребление наркотиков, но и связь их приёма с алкоголизацией. Привычка отдыхать, употребляя спиртное, также выше среди тех, кто имеет наркотический опыт: 57% отметили, что регулярно (часто и иногда) расслабляются с алкоголем (против 30% не пробовавших наркотики).

Многолетние исследования показали, что одной из причин применения в более сознательном возрасте (старший подростковый возраст, молодёжь и пожилые люди) оказались неудовлетворённые потребности, и в первую очередь – в раннем подростковом возрасте.

Вовлечённость в наркопотребление – это специфический образ жизни, пусковым механизмом которого является напряжённость потребностей, сочетающаяся с неспособностью социально приемлемыми и эффективными способами добиться их удовлетворения. Для потребителя наркотиков характерна рассогласованность между направленностью личности и теми способами, которыми он пользуется для её реализации. Происходит снижение уровня личности, которое идёт по пути изменений потребностей и мотивов. Исследование показало, что предпосылкой наркотизации является нарушение мотивационно-потребностной сферы. Учитывая особенности исследования, было выделено лишь несколько потребностей, хотя перечень их можно продолжить. Это потребности в общении, релаксации, безопасности, самозащите, адаптации, достижении, признании, аффилиации, повышения престижа, статуса, в лидерстве, доминировании, знаниях, творчестве. Был применён биографический метод, позволяющий путём изучения последовательности событий в жизни наркотизирующегося дать объяснение пристрастия к наркотикам.

Рассмотрим некоторые виды потребностей подробнее.

1. Потребность в достижении, заключающаяся в стремлении личности улучшать результаты своей деятельности, формируется из двух основных компонентов – стремления к успеху и избегания неудачи. Эта потребность не является врождённой, а представляет собой продукт социального научения. Она возникает в результате тревоги, беспокойства, вызываемых страхом неудачи, и поэтому часто компенсируется наркотиком.

2. Потребность в признании выражается в стремлении добиться высокой оценки со стороны уважаемых людей, референтной группы. Согласно исследованиям, у лиц с высоким уровнем потребности в признании отмечено раннее приобщение к алкоголю и наркотикам. Их средний возраст 12–13 лет. Исследование показало, что лица с высоким уровнем данной потребности часто становятся лидерами в группах с отрицательной направленностью. Более того, среди респондентов с потребностью в признании замечена склонность к рискованному поведению.

3. Потребность в общении имеет большое значение для молодого человека. Неудовлетворённость этой потребности, особенно в кругу семьи, часто ведёт к развитию аддиктивного поведения, а в дальнейшем – и к наркомании. Уровень значимости общения в кругу семьи у большинства потребителей достаточно низок, в 2,5 раза ниже, чем в кругу друзей. Просматривается связь между высокой интенсивностью общения и тягой к одурманивающим средствам. В исследованиях обнаружено, что у потребляющих наркотики опийной группы интенсивность общения значительно ниже, чем у потребителей каннабиноидов или так называемых «новых» наркотиков.

Вовлечённость в наркопотребление – это специфический образ жизни, пусковым механизмом которого является напряжённость потребностей, сочетающаяся с неспособностью социально приемлемыми и эффективными способами добиться их удовлетворения.

4. Потребность в аффиляции – это стремление быть в обществе других людей, в создании тёплых, доверительных, эмоционально значимых отношений с другими людьми. Эта потребность является вторичной тенденцией, которая возникает в процессе социализации личности, и может также рассматриваться как стремление быть членом какой-либо определённой постоянной группы. Одним из главных проявлений этой потребности является желание человека уменьшить социальную дистанцию. Исследования показывают, что существует прямая связь между возрастанием тревоги и аффилиантным поведением. У подростков с нарушениями процесса социализации снятие тревожности происходит за счёт употребления алкоголя и наркотиков.

5. Потребность в лидерстве, доминировании выражается в стремлении влиять на своё окружение, в желании быть авторитетом. В случае с наркопотребителями и наркозависимыми чаще всего именно потребность убедить членов группы в правильности своей точки зрения и является доминирующей в иерархии потребностей. Она определяет характер общего стиля поведения личности, причём признаки лидерства у неё связываются с волевым началом – стремлением подчинить себе окружающих людей любой ценой, даже силой.

В связи с изменением наркоситуации, основой которой является появление новых мотивов употребления психоактивных веществ (усиление влияния гедонистического сознания, представление об удовольствии как о главной жизненной ценности, воздействие на эмоциональную сферу, нейтрализация эмоционально-негативных состояний и т. д.) и расширением наркотического поля, знания о мотивационно-потребностной сфере являются необходимым элементом для профилактической работы.

Одна из наиболее серьёзных проблем при противодействии наркотизации заключается в её глубинных социально-психологических причинах, связанных с массовым запросом населения на «изменение сознания», эмоционального состояния, порождающим стремление к использованию различных стимуляторов и «преобразователей» сознания. В этой связи значимы результаты опросов трудоспособного населения¹. Более чем две трети из опрошенных отметили (67–73%), что готовы пойти на риск ради получения новых ощущений, нового волнующего опыта. При этом 31–49% готовы сегодня экспериментировать и влиять на своё состояние сознания различными способами; 15–25% готовы принять неизвестное вещество для изменения своего эмоционального состояния. Полученные результаты согласуются с наблюдаемыми цивилизационными тенденциями к поиску необычных ощущений, к ярким переживаниям, в том числе рискованного характера, к усилению влияния гедонистического сознания и потребительского поведения.

¹ Результаты опросов трудоспособного населения трёх волн (2013, 2016, 2017 гг.)

Таким образом, два фактора – легитимация разумного наслаждения и привычка к эмоциональной стимуляции создают предпосылки для формирования положительных установок к рекреативному, эпизодическому потреблению «лёгких» наркотиков: чтобы расслабиться, на вечеринке, за компанию, для расширения опыта и т. д. Сюда же можно отнести ряд причин и факторов наркопотребления пожилых людей: наркотики и психостимуляторы как средства от депрессии, одиночества и т. п.

Резюме

В современном обществе распространённость наркомании – это проявление сложностей становления нового типа отношений общества и человека. В причинной обусловленности наркотизма находится ослабление социальных регуляторов, разрушение устоявшихся норм поведения при неопределённости новых норм. Разрушение устоявшихся норм поведения приводит к изменению образа жизни, вместе с тем образ жизни потребителя имеет свою логику. Наркомания распространяется прежде всего в тех условиях, которые наиболее способствуют утверждению норм, противоречащих, а то и прямо противоположных общепринятым, или в культурах, где традиционно не сложилось однозначно отрицательного отношения к наркотику. Воспринимается же образ жизни, связанный с потреблением наркотиков, главным образом людьми в наибольшей мере готовыми к использованию крайних альтернатив общепринятым нормам.

Деградирующая социальная система не препятствует распространению в обществе «социального дна» (наркоманов, алкоголиков, бомжей и прочих маргиналов), поскольку последние, не будучи политически активными, не представляют опасности для существующего политического режима. Однако в современных условиях эскейп и аномия не только потенциально рискогенны, но и часто являются основанием для подрыва самосохраняющегося поведения человека и безопасности общества. В настоящее время формируется такая форма риска, которую можно считать элементом современной культуры, например, наркотической субкультуры, т. е. формирование в массовом сознании понятия «социально приемлемого риска», отразившего осознание, а затем принятие обществом факта рискогенности собственной жизнедеятельности. С нашей точки зрения, ориентация на потребление новых («безопасных») наркотиков – это показатель склонности к рискогенному поведению. В этой связи новые тенденции наркотизации населения России следует трактовать как риски социетального характера.

Библиографический список

В Минздраве оценили число потребителей наркотиков в России // «РИА Новости». Россия сегодня. Общество. 13.12.2017 URL: <https://ria.ru/society/20171213/1510817481.html> [Дата посещения: 25.12.2017].

Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова, В. Н. Ракачев, Л. Н. Рыбакова, Т. В. Чекинева, А. П. Резник, С. Ю. Любин, Е. А. Войнова, Н. В. Мелешко, Н. Е. Хагурова. М.: Институт социологии РАН, 2014. 200 с.

Комлев Ю. Ю. 2014. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС. 222 с.

Конструирование девиантности. Монография / Под ред. Я. И. Гилянского, Я. В. Костюковского, И. Л. Честнова. СПб.: ДЕАН, 2011. 224 с.

Наркомания в ряду других социальных проблем // Левада-центр. 22.05.2011. URL: <https://www.levada.ru/2011/05/22/narkomaniya-v-ryadu-drugih-sotsialnyh-problem/> [Дата посещения: 25.12.2017].

Основные показатели деятельности наркологической службы в 2010 году. Статистический сборник / Под ред. Е. А. Кошкиной, В. В. Киржановой, О. В. Сидорюк, Н. И. Григоровой, Н. Я. Константиновой // Федеральное государственное учреждение Национальный научный центр наркологии Министерства здравоохранения и социального развития РФ, 2010. URL: www.nncn.ru/2_331.html [Дата посещения: 25.12.2017].

Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2013–2014 годах: статистический сборник / Под ред. В. В. Киржановой, Н. И. Григоровой, О. В. Сидорюк // НИИ наркологии – филиал ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2016. URL: http://www.nncn.ru/2_732.html [Дата посещения: 10.12.2017].

Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015–2016 годах: статистический сборник / Под ред. В. В. Киржановой, Н. И. Григоровой, В. Н. Киржанова, О. В. Сидорюк // НИИ наркологии – филиал ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2017. // URL: http://www.nncn.ru/2_878.html [Дата посещения: 08.02.2018].

Позднякова М. Е. 2013. Наркотики «новой волны» как фактор изменения наркоситуации в России // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 123–139.

Проблемы, наиболее тревожащие население // Левада-центр. Пресс-выпуск: 28.03.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/28/naibolee-trevozhashhie-problemy> [Дата посещения: 25.12.2017].

Самые острые проблемы // Левада-центр. Пресс-выпуск: 31.08.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2/> [Дата посещения: 25.12.2017].

Состояние преступности в России за январь–сентябрь 2016 года: статистический сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ. Главный информационно-аналитический центр. Москва, 08.11.2016. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/8736912/> [Дата посещения: 10.07.2016].

Состояние преступности в России за январь–сентябрь 2017 года: статистический сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ. Главный информационно-аналитический центр. Москва, 13.10.2017. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800/> [Дата посещения: 10.07.2016].

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.

Употребление с вредными последствиями // Злоупотребление психоактивными веществами. Терминология и классификация / Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), 2017. URL: http://www.who.int/substance_abuse/terminology/definition2/ru/ [Дата посещения: 14.11.2017].

Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Федеральная служба исполнения наказаний. Статистическая информация: 13.02.2017. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> [Дата посещения: 03.01.2018].

Шалагин А. Е., Усманов И. М. 2016. Современная наркоситуация в российской федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 1 (23). URL: https://kui.mvd.ru/upload/site136/document_journal/vestnik23.pdf [Дата посещения: 10.12.2017].

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.500](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.500)

The Societal Risk in the New Tendencies for Increasing Drug Use

Pozdnyakova Margarita Efimovna

Candidate of Philosophical Sciences, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: margo417@mail.ru

Bruno Viktoria Vladimirovna

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: vikushka81@mail.ru

Abstract. This article presents the results of studies dedicated to examining the current situation in Russia when it comes to narcotics. Reflected are its characteristics, which lead to a new wave of widespread drug use and the transformation of the causation-correlation complex, which in turn lead to a transition to “new” drugs and new so called “soft” models of consumption. Based upon analyzing medicinal and criminal statistical data (from Rosstat, the Research institute of narcology, and internal Affairs), as well as materials from surveying the working population (2013 N=1126; 2016 N=1337; 2017 N=1406), it is revealed that, despite certain positive shifts in the situation with narcotics, and a decrease in certain parameters of susceptibility to drug addiction, the situation when it comes to drug use in Russia remains steadily complicated. Revealed is a tendency towards a shift in the narcotics’ structure, with heroin being replaced by amphetamines, psychotropic medicines, “new” narcotics and alcohol. Noted is an exacerbation in terms of the situation with illegal drug traffic, together with an increase in the amount of crimes committed under the influence of drugs. There has been an increase in the amount of consumers, due to people from certain social groups (which previously were not included in the so called “group of risk”) becoming engaged in illegal drug trafficking. Revealed are internal contradictions when it comes to the social attitudes and common views that Russian people hold towards drugs. Despite public opposition, there is a liberalization occurring in the attitude towards drugs, in that the use of certain substances is becoming acceptable, if only under specific conditions. Intolerance towards “hard” drugs has given way to a more lenient attitude towards other so called “new” substances. So called “soft” models of consumption (“status”, “controlled”) are becoming more prevalent: they do not lead to one rapidly losing touch with society, but they bear serious social consequences and create the illusion of safe consumption, thereby increasing the percentage of hidden drug use. In this regard certain vital challenges have come about, such as the theoretical comprehension of the changes occurring, the formation of explanatory models, which would allow for developing technologies to prevent and control “soft” forms of consuming narcotic and psychotropic substances.

Keywords: drug situation, the new drugs, «controlled» drug use, «recreational» drug use, motives of consumption, the first test of drugs.

References

Deviantnoe povedenie v sovremennoy Rossii: alkohol', narkotiki, molodiozhnyy ekstremizm (konceptsiy i issledovaniya) [Deviant behavior in modern Russia: alcohol, drugs, youth extremism (concepts and research)]. Moscow, IS RAS publ., 2014. 200 p. (in Russ.).

Kharakteristika lits, soderzhaschikhsia v ispravitel'nykh koloniyakh dlya vzroslykh [Characteristics of persons held in correctional colonies for adults]. FPS of Russia Official website. Release 13.02.2017. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK> [date of visit: 03.01.2018] (in Russ.).

Komlev Y. Y. Teorii deviantnogo povedeniya: uchebnoe posobie [Theories of deviant behavior]. Saint-Petersburg, Alef-Press publ., 2014. 222 p. (in Russ.).

Konstruirovaniye deviantnosti [Designing deviance]. Ed. by Y. I. Gilinsky, Y. V. Kostiuovski, I. L. Chestnov. Saint-Petersburg, DEAN, 2011. 224 p. (in Russ.).

Narkomaniya v riadu drugikh sotsial'nykh problem [Addiction among other social problems]. Levada-center Official website. Release 22.05.2011. URL: <https://www.levada.ru/2011/05/22/narkomaniya-v-ryadu-drugih-sotsialnyh-problem/> [date of visit: 25.12.2017] (in Russ.).

Osnovnye pokazateli deyatel'nosti narkologicheskoy sluzhby v 2010 godu. Statistichesky sbornik [The main indicators of the drug service in the Russian Federation in 2010]. Natsional'ny nauchnyy centr narkologii Minzdravsocrazvitiya Rossii, 2010. The NSCN Official website. URL: www.nncn.ru/2_331.html [date of visit: 25.12.2017] (in Russ.).

Osnovnye pokazateli deyatel'nosti narkologicheskoy sluzhby v RF v 2013–2014 godakh: statistichesky sbornik 2016 [The main indicators of the drug service in the Russian Federation in 2013–2014]. The NSCN Official website. URL: http://www.nncn.ru/2_732.html [date of visit: 10.12.2017]. (in Russ.).

Osnovnye pokazateli deyatel'nosti narkologicheskoy sluzhby v RF v 2015–2016 godakh: statistichesky sbornik 2017 [The main indicators of the drug service in the Russian Federation in 2015–2016]. The NSCN Official website. URL: http://www.nncn.ru/2_878.html [date of visit: 08.02.2018]. (in Russ.).

Pozdniakova M. E. Narkotiki «novoy volny» kak faktor izmeneniya narkosituaci v Rossii [Drugs of the “new wave” as a factor in changing the drug situation in Russia]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2013, no. 2, pp. 123–139 (in Russ.).

Problemy, naibolee trevozhashchie naselenie [Problems, the most disturbing people]. Levada-center Official website. Release 28.03.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/28/naibolee-trevozhashhie-problemy> [date of visit: 25.12.2017] (in Russ.).

Samye ostrye problem [The most acute problems]. Levada-center Official website. Release 31.08.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2/> [date of visit: 25.12.2017] (in Russ.).

Shalagin A. E., Usmanov I. M. Sovremennaya narkosituaciya v rossiyskoy federacii: tendencii, prognoz, mery protivodeystviya [Modern drug situation in the Russian Federation: trends, forecast, countermeasures]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 1 (23) (in Russ.).

Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–sentyabr' 2016 goda: statistichesky sbornik [The state of crime in Russia in January-September 2016]. MVD RF Official website. Release 8.11.2016. URL: <https://mvd.rf/folder/101762/item/8736912> [date of visit: 10.07.2016]. (in Russ.).

Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–sentyabr' 2017 goda: statistichesky sbornik [The state of crime in Russia in January-September 2017]. MVD RF Official website. Release 13.10.2017. URL: <https://mvd.rf/folder/101762/item/11341800> [date of visit: 10.07.2016] (in Russ.).

Sredniy klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniy [The middle class in modern Russia. Experience of many years research]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2016. 368 p. (in Russ.).

Upotreblenie s vrednymi posledstviyami [Use with harmful consequences]. Zloupotreblenie psikhoaktivnymi veschestvami. Terminologiya i klassifikaciya. The WHO Official website. URL: http://www.who.int/substance_abuse/terminology/definition2/ru/ [date of visit: 14.11.2017] (in Russ.).

V Minzdrave otsenili chislo potrebiteley narkotikov v Rossii [The Ministry of Health estimated the number of drug users in Russia]. RIA Novosti Official website. Release 13.12.2017. URL: <https://ria.ru/society/20171213/1510817481.html> [date of visit: 25.12.2017] (in Russ.).

Трибуна молодого учёного

Гражданское общество и органы власти в Республике Бурятия: развитие взаимодействия

Будникова Наталья Сергеевна –
аспирант, ФГБОУ ВО Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия
им. В. Р. Филиппова, Улан-Удэ

E-mail: budnikova_natasha@mail.ru

Гражданское общество и органы власти в Республике Бурятия: развитие взаимодействия

DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.501

Аннотация. Необходимость политической интеграции и модернизации политической системы России сделали актуальной идею становления и развития гражданского общества. Основные формы его существования и перспективы развития составляют проблемное поле ряда общественных наук. Теоретико-методологические подходы к решению проблем построения гражданского общества необходимо подтверждать практикой социального управления, что и является целью данной статьи, в которой проанализирована эффективность взаимодействия органов исполнительной власти с институтами гражданского общества при помощи служб по связям с общественностью. Информационное и PR-сопровождение в государственных структурах выступает не только определённой гарантией их легитимного существования, но и влияет на эффективность деятельности. Проблемы федерализма, роста полномочий регионов страны за счёт федеральных полномочий делают актуальной работу специалистов по связям с общественностью не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации республик, краёв и на местном уровне. Местные органы управления отличаются в своей работе от федеральных структур, так как они ближе к населению, чем центральные органы государства. В связи с этим было проведено исследование с целью выявления эффективности использования служб по связям с общественностью при взаимодействии органов исполнительной власти с гражданским обществом. В ходе проведённого исследования было установлено, что деятельность, направленная на построение гармоничных отношений с целевыми группами, общественностью и институтами гражданского общества, осуществляется фрагментарно и непоследовательно. В связи с этим органам исполнительной власти предлагается усилить работу в коммуникативно-информационной сфере, уделять достаточное внимание взаимодействию органа власти с институтами гражданского общества во избежание социальной напряжённости.

Ключевые слова: гражданское общество, коммуникационно-информационная деятельность, связи с общественностью, пресс-служба, средства массовой информации

На сегодняшний день в Бурятии наблюдается процесс становления гражданского общества. Однако современное состояние институтов гражданского общества не свободно от ряда проблем. Их выявление необходимо для оценки уровня развития гражданского общества и даёт информацию для поиска механизмов устранения обозначенных недочётов, и, соответственно, повышения общественного консенсуса. Не последнюю роль в этом процессе играют службы по связям с общественностью (PR) органов исполнительной власти. Возможности PR должны быть использованы в целях повышения открытости органов исполнительной власти и приближения их деятельности к интересам граждан. Закрытость органов исполнительной власти, недостаточное или неэффективное взаимодействие с общественностью приводят к отчуждению людей от власти, что может стать предпосылкой социальных потрясений [Гостенина, Байрамов, Дорохова 2015: 43]. Специфика отражения в научной литературе рассматриваемой проблематики во многом определяется российской политической историей. Отсутствие в советское время служб по связям с общественностью в структуре органов власти как специфического социально-политического института стало причиной того, что до начала 90-х гг. прошлого века в отечественной общественной мысли практически не разрабатывались вопросы, связанные с функционированием этих служб и проблемами осуществления PR-деятельности в политическом процессе. В настоящее время научный блок составляют труды таких отечественных исследователей, как И. А. Халий, А. В. Тихонов, В. А. Шилова. В данных работах рассматривается процесс налаживания диалога власти и общества, способы и методы обратной связи. Анализируется деятельность политических партий в периоды между избирательными кампаниями. Специальное внимание уделяется результатам взаимодействия власти с учреждениями образования и культуры [Власть и общество 2015]. Работы А. В. Тихонова посвящены исследованию проблем властно-управленческой деятельности на федеральном и региональном уровнях [Тихонов 2017: 70106]. Особый интерес представляют работы В. А. Шиловой, в которых исследуется гражданское общество России и его коммуникативная структура [Комплексное диагностическое... 2014; Шилова 2013: 762–768], информационные потребности современных НКО, даётся оценка информативности и достоверности коммуникативных каналов [Шилова 2012]. На региональном уровне проблемы взаимодействия органов власти и общества рассматриваются такими учёными, как Э. Д. Дагбаев, Ж. П. Гунзынов [Дагбаев, Гунзынов 2015: 132–136], Н. В. Ухинова [Ухинова 2015: 106–109], А. М. Михайлова [Михайлова 2007], И. В. Мацкевич, А. Ю. Мацкевич [Мацкевич, Мацкевич 2010: 44–48], Н. А. Айдаева [Айдаева

2005]. В данных работах содержатся различные подходы к анализу сущности и содержания деятельности служб по связям с общественностью в органах власти, их функций, приёмов и методов. Однако вопросы взаимодействия органов исполнительной власти с институтами гражданского общества посредством связей с общественностью не освещаются.

В Положениях о PR-службах органов исполнительной власти Республики Бурятия почти повсеместно присутствует только одна целевая функция – обеспечение связей с гражданами и их объединениями. В силу многозначности формулировки её можно трактовать и как доведение до граждан лишь той части информации и в таком виде, которые считают для себя приемлемыми органы исполнительной власти. Связь не обязательно подразумевает диалог и партнёрские отношения. Следовательно, такая формулировка не может служить чётким ориентиром для организации практической работы PR-службы, её стремления сделать работу органа власти прозрачной, открытой для граждан и их объединений, обеспечить сотрудничество с ними, т. е. формулировка не ориентирует на наиболее прогрессивные принципы двусторонней сбалансированной связи.

В целях оценки состояния процесса взаимодействия органов исполнительной власти с институтами гражданского общества с помощью служб по связям с общественностью, прогноза дальнейшего развития данного социального процесса, было проведено социологическое исследование с использованием методов опроса экспертов и анкетного опроса представителей гражданского общества Республики Бурятия. В качестве респондентов опроса выступили члены общественных организаций, территориальных общественных самоуправлений и региональных отделений тех политических партий, которые получили наибольшее количество голосов на выборах (Единая Россия, Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России, Справедливая Россия). Всего в опросе приняли участие 342 человека.

Процесс обеспечения репрезентативности информации в эмпирическом исследовании, т. е. достижения близкого соответствия выборочной совокупности генеральной, реализуется в ходе организации выборки. Вероятностная случайная выборка может быть использована только при фиксированном членстве, что в условиях данного исследования не представляется возможным. Таким образом, в нашем случае мы использовали квотную ступенчатую выборку методом «снежного кома». Особенность метода состоит в том, что, за исключением первого шага, выбор каждого очередного респондента совершается по указанию респондентов, включённых в выборку на предыдущем шаге. Каждый респондент указывает интервьюеру, где можно найти интересующих его

людей (или даже сам связывается с ними и рекомендует интервьюера). Так «выборка постепенно разрастается вширь, подобно снежному кому, катящемуся с горы» [Девятко 2003: 103].

Опрос проводился в районах Республики Бурятия и г. Улан-Удэ при непосредственном контакте с респондентами. Районы республики были сгруппированы по экономико-географическим характеристикам: 8 аграрных районов, 4 района с комбинированным типом экономического развития, 4 пригородных района. Несколько районов в силу своей отдалённости от центра республики и минимальным представительством общественных объединений и политических партий не были включены в исследование.

Более 80% общественных объединений и представителей политических партий осуществляют свою деятельность в г. Улан-Удэ, и только менее 20% приходится на районы республики, что обусловлено рядом факторов: численность населения, организационные возможности, уровень инфраструктуры, концентрация студенческой молодёжи, коммуникативные возможности и образ жизни населения.

Соответственно, в районах республики было опрошено 44 члена региональных отделений политических партий (20 женщин и 24 мужчины) и 25 представителей общественных объединений и территориальных общественных самоуправлений (13 женщин и 12 мужчин). В Улан-Удэ было опрошено 176 членов региональных отделений политических партий (90 мужчин и 86 женщин) и 97 представителей общественных объединений и территориальных общественных самоуправлений (50 женщин и 47 мужчин).

По возрастному критерию в анкетировании приняли участие люди в возрасте от 18 до 25 лет – 32%, от 26 до 40 лет – 44%, от 41 до 55 лет – 21% и 56 лет и старше – 3%. В основном респонденты имеют высшее образование (74%), 18% опрошенных имеют незаконченное образование либо среднее специальное, 8% являются кандидатами и докторами наук.

В целях оценки состояния процесса взаимодействия органов исполнительной власти с институтами гражданского общества с помощью служб по связям с общественностью, прогноза дальнейшего развития данного социального процесса, а также проверки достоверных данных, полученных в результате опроса членов общественных организаций Республики Бурятия, был использован метод экспертной оценки. Метод подразумевает компетентное участие специалистов в анализе и решении рассматриваемой проблемы. Если в массовом анкетировании репрезентативность полученной информации зависит от объёма выборочной совокупности, то экспертный опрос благодаря высокой квалификации и компетентности опрашиваемых лиц обеспечивает получение достаточно обоснованных и достоверных данных.

Группа экспертов формировалась с учётом следующих критериев: рода занятий, стажа работы и уровня квалификации в определённой области деятельности. В состав экспертной группы вошли представители региональных средств массовой информации, а именно: главные редакторы и журналисты региональных печатных и телевизионных изданий «Буряад Унэн», «МК в Бурятии», «Традиция», «Байкал-Daily», «Информ Полис», «Вести-Бурятия».

Органов власти глазами представителей гражданского общества

Для начала необходимо определить степень заинтересованности респондентов в политической и экономической жизни нашей страны. По данным опроса, респонденты внимательно следят за тем, как развиваются события (более 60% респондентов). Примечательно, что большей частью респондентов, выбравших этот вариант ответа, являются представители политических партий. В свою очередь члены общественных организаций тоже следят за развитием событий, но не проявляют особого интереса (39% опрошенных, из них 50% представители общественных организаций). Наибольший интерес к политическим и экономическим событиям проявляют люди в возрасте 26–55 лет. Молодое поколение (18–25 лет) также следит за развитием событий, но им это не очень интересно (70%).

При оценке общего положения дел в стране, происходящих в ней перемен была выявлена достаточно тревожная картина общественных настроений, так как больше половины респондентов (51%) склонились к ответу «скорее отрицательно, чем положительно». Среди них преобладают: по гендерному признаку – мужчины, по возрастным категориям – люди в возрасте 26–55 лет. Стоит отметить, что большинство опрошенных жителей сельских поселений выбрали именно этот вариант ответа, что свидетельствует о недовольстве сельскими жителями проводимой государством политики.

Чтобы выявить, какая сфера жизни страны пользуется наибольшей популярностью, мы попросили респондентов оценить по 5-балльной шкале различные сферы жизни общества, где 1 – не имеет никакого значения; 2 – почти не важно; 3 – важно, но не очень; 4 – очень важно; 5 – самое важное. Так, по данным исследования, самой важной для наших респондентов является экономическая сфера, очень важными – социальная и сфера образования; важно, но не очень – экономическая и сфера международных отношений; почти не важно – культурная сфера и совсем не интересуются религиозной сферой.

По данным опроса, респонденты внимательно следят за тем, как развиваются события (более 60% респондентов). Примечательно, что большей частью респондентов, выбравших этот вариант ответа, являются представители политических партий.

Наиболее значимым для исследования является вопрос оценки общего уровня развития гражданского общества в Республике Бурятия. Так, 45% респондентов дают оценку скорее отрицательную, чем положительную. При этом такого мнения придерживаются и мужчины, и женщины, а также большинство респондентов, проживающих в сельской местности.

При оценке степени доверия населения Республики Бурятия к институтам гражданского общества были получены ответы, аналогичные ответам предыдущего вопроса. Так, 49% респондентов считают, что население скорее не доверяет, чем доверяет институтам гражданского общества; 19% скорее доверяют, чем нет; 16% не доверяют; по 8% доверяют или затруднились ответить.

Вопрос об оценке степени информированности населения Республики Бурятия о деятельности политических партий и общественных объединений является одним из ключевых в анкете. На него были получены следующие ответы. Среди опрошенных членов общественных организаций и политических партий 43% оценивают степень информированности о своих организациях скорее отрицательно, чем положительно. Необходимо отметить, что к этому ответу склонились респонденты в возрасте 26–55 лет, в то время как молодые люди (18–25 лет) в большинстве своём оценивают степень информированности по данному вопросу положительно.

Согласно закону, граждане и организации имеют право получать достоверную информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 8 ФЗ № 8 от 9.02.2009 г.)¹. В связи с этим респондентам был задан вопрос о том, обращались ли они в службы по связям с общественностью органов исполнительной власти для получения информации о сферах их деятельности. Исходя из результатов, более 40% опрошенных никогда не обращались в органы исполнительной власти за соответствующей информацией, так как не знали, что имеют на это право. Как правило, это люди 26–55 лет. При этом большинство молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет не обращались по причине отсутствия потребности в этом.

При ответе на вопрос о формах участия граждан в народовластии (электронные обращения в орган власти, обсуждение законопроектов на официальных сайтах, комментарии в блогах чиновников, опросы граждан на официальных сайтах органов власти) более 50% респондентов ответили, что не принимали участия в подобных мероприятиях. Более 30% опрошенных направляли электронные обращения в орган власти, 13% принимали участие в опросах орга-

¹ Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/194874/#ixzz4wc8RvrNx> [Дата посещения: 10.10.2017].

Наиболее значимым является вопрос оценки общего уровня развития гражданского общества в Республике Бурятия. Так, 45% респондентов дают оценку скорее отрицательную, чем положительную. При этом такого мнения придерживаются и мужчины, и женщины, а также большинство респондентов, проживающих в сельской местности.

Более 40% опрошенных никогда не обращались в органы исполнительной власти за соответствующей информацией, так как не знали, что имеют на это право. Как правило, это люди 26–55 лет.

нов власти. Комментарии в блогах, обсуждение законопроектов и интернет-конференции с чиновниками не пользуются популярностью среди респондентов.

Касаясь вопроса о степени открытости органов исполнительной власти для населения, больше половины опрошенных (57%) считают, что органы власти закрыты, в то время как 42% респондентов считают их полностью открытыми.

Информационно-коммуникационное взаимодействие власти с институтами гражданского общества

Продолжением темы стал вопрос об источниках, с помощью которых респонденты получают информацию о деятельности органов исполнительной власти. Так, 39% опрошенных черпают информацию об органах власти посредством интернета (как правило, молодые люди), 31% используют для этой цели телевидение, 18% респондентов предпочитают пользоваться печатными изданиями (респонденты в возрасте 56 лет и старше), радио слушают 6% и чуть больше 5-ти процентов узнают новости о деятельности органов исполнительной власти от друзей, родственников, коллег и знакомых. Стоит отметить, что интернету отдают предпочтение преимущественно городские жители, в то время как респонденты из сельской местности предпочитают получать новости о деятельности органов исполнительной власти через телевидение и печатные издания.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день интернет является самым популярным средством распространения информации. Соответственно, по результатам опроса подавляющее большинство опрошенных регулярно используют этот ресурс для получения информации о деятельности органов исполнительной власти. По итогам ответа на вопрос о частоте использования интернета, более 70% респондентов ежедневно пользуются глобальной информационной сетью.

Развитие интернет-коммуникаций способствовало появлению такого понятия, как «электронное правительство». Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации¹.

Одним из основных направлений реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации является повышение эффективности государственного управ-

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. Федеральный выпуск № 4591(0). 16 февраля 2008 г. URL: <https://rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> [Дата посещения: 01.11.2017].

ления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и оперативности предоставления государственных услуг, в том числе за счёт создания электронного правительства.

Формирование электронного правительства требует проведения скоординированных организационно-технологических мероприятий и согласованных действий органов государственной власти в рамках единой государственной политики.

Согласно результатам регулярного мониторинга качества перевода услуг в электронную форму на Едином портале государственных и муниципальных услуг, Республика Бурятия занимает 11 место среди 35 субъектов РФ¹.

В связи с этим была поставлена задача выяснить, знают ли местные жители о работе электронного правительства. Так, 50% респондентов не знают о существовании этой системы. Ещё 25% опрошенных затруднились ответить, четверть анкетированных ответили утвердительно. Стоит отметить, что мужчины знакомы с системой электронного правительства лучше, нежели женщины. По возрастному параметру имеют представление о данной структуре люди в возрасте от 26 лет и старше, подрастающее поколение никогда об этом не слышало.

У каждой государственной структуры есть свой официальный сайт – полноценное представительство в сети. Сайт государственного органа является важным инструментом по распространению необходимой и значимой информации, так как именно здесь располагаются большие объёмы данных, касающихся различных сфер жизнедеятельности общества, доступ к которым должен быть свободным и беспрепятственным.

По мнению наших респондентов, официальные сайты органов исполнительной власти нужны для того, чтобы предоставлять сведения о том, как и где можно получить государственные услуги и что необходимо для их получения (47%); информировать население о деятельности органов власти (37%), оказывать государственные услуги (33%) и для общения с населением, выявления потребностей населения (23%).

Основным показателем эффективности работы официального сайта органа исполнительной власти является частота его посещения. Как показывают данные опроса, более 40% опрошенных граждан не пользуются электронными ресурсами органов исполнительной власти. Около 30% посещают официальные сайты один раз и менее в месяц, 16% – с такой же частотой в год, 12% – в неделю, и только 1% респондентов ежедневно пользуются услугами электронных ресурсов органов власти. Наиболее активны в этом вопросе представители политических партий. Как правило, это люди в возрасте 26–55 лет. Наибольшей популярностью официальные сайты органов власти пользуются у городских жителей.

¹ Официальный сайт органов государственной власти Республики Бурятия. 2017 // URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=6370> [Дата посещения: 17.10.2017].

Согласно результатам регулярного мониторинга качества перевода услуг в электронную форму на Едином портале государственных и муниципальных услуг, Республика Бурятия занимает 11 место среди 35 субъектов РФ.

50% респондентов не знают о существовании электронного правительства. Ещё 25% опрошенных затруднились ответить, четверть анкетированных ответили утвердительно. Стоит отметить, что мужчины знакомы с системой электронного правительства лучше, нежели женщины.

Большинство посещающих сайты органов власти частично или полностью не удовлетворены качеством размещённой информации (35%).

Ответы на вопрос о том, какая информация наиболее востребована на сайтах органов власти, показали, что местные жители в большей степени интересуются сведениями о бюджетных средствах (20%), результатами контроля, проверок, проведённых органом власти, и проверок, проведённых в органе власти (19%), статистической информацией (18%), участием органа власти в социально-экономических программах (17%).

Наиболее популярные сервисы: «задать вопрос в орган власти по электронной почте» (23%), «электронная приёмная» (19%), «обсуждение законопроектов на сайте (возможность оставить комментарий)» (18%).

Таким образом, по результатам опроса видно, что работа служб по связям с общественностью органов исполнительной власти носит непостоянный, эпизодический характер. Отсутствует последовательность в действиях, многие органы исполнительной власти не имеют в своей структуре соответствующего подразделения, который бы функционировал самостоятельно и занимался взаимодействием с институтами гражданского общества, в частности – с общественными организациями, политическими партиями и СМИ.

Это подтверждается данными экспертного опроса.

СМИ о характере взаимодействия власти с институтами гражданского общества

По мнению экспертов, благодаря эффективной работе PR- и пресс-служб органов исполнительной власти можно достичь таких целей, как обеспечение гласности, прозрачности и открытости в работе и создание благоприятного имиджа органа исполнительной власти. Однако, как считают эксперты, PR- и пресс-службы не в полной мере освещают деятельность органов исполнительной власти. По их мнению, наиболее эффективными формами распространения информации являются публикации в СМИ, а также проведение пресс-конференций и брифингов для прессы.

Следует отметить, что все респонденты считают главным инициатором информационных кампаний пресс-службы органов власти, так как именно они несут ответственность за предоставление информации о деятельности органов власти и за её достоверность.

Однако при оценке освещения деятельности органов власти местными СМИ эксперты отмечают, что зачастую большинство статей и сюжетов проплачены, а значит необъективны. Кроме этого, по мнению экспертов, в республике Бурятия существует

Наиболее популярны сервисы: «задать вопрос в орган власти по электронной почте» (23%), «электронная приёмная» (19%), «обсуждение законопроектов на сайте (возможность оставить комментарий)» (18%).

дефицит квалифицированных журналистов. К тому же, по мнению респондентов, информация, предоставляемая органами власти для публикации в СМИ, зачастую бывает непрозрачной и однобокой. Причиной тому служит слабая работа пресс-служб.

Говоря о перспективах развития служб по связям с общественностью органов исполнительной власти, почти все эксперты склоняются к тому, что всё зависит от руководителя ведомства. Если он нацелен на открытость и прозрачность, то, несомненно, найдёт грамотных сотрудников пресс-службы, которые, в свою очередь, легко будут взаимодействовать со СМИ. В противном случае качественного роста деятельности пресс-служб в Республики Бурятия не произойдёт.

На вопрос, что у нас в Республике мешает развитию служб по связям с общественностью, большинство экспертов отметили невнимание органов исполнительной власти к такой специализации и неразвитость самих служб. Однако, говоря о востребованности специалистов по работе с общественностью в государственных учреждениях, эксперты уверенно ответили, что такая специализация всегда востребована.

При рассмотрении вопроса о развитии гражданского общества необходимо уделять внимание взаимодействию органов исполнительной власти с общественными организациями. Так, на вопрос «Эффективна ли работа власти с общественными организациями и политическими партиями?», по мнению экспертов, эта работа скорее неэффективна.

Самыми эффективными формами взаимодействия органов исполнительной власти с общественными организациями являются социальные заказы на проведение определённых видов работ и разработка социальных проектов и программ.

Выводы

Как показало проведённое исследование, органы исполнительной власти Республики Бурятия не уделяют должного внимания построению эффективных коммуникаций с целевой аудиторией, в частности, с институтами гражданского общества. Более 50% членов различных общественных объединений считают местные органы исполнительной власти закрытыми от общества. Это объясняется тем, что в структурах органов исполнительной власти республики в единичных случаях встречаются отдельно функционирующие пресс-службы, которые выполняют работу не только пресс-секретарей, но и PR-специалистов. Таким образом, между ними нет чёткого разделения функциональных обязанностей, зачастую происходит их дублирование.

Кроме того, органы исполнительной власти недостаточно эффективно выстраивают отношения со средствами массовой информации, взаимодействие с которыми носит эпизодический характер. Поскольку органы исполнительной власти предостав-

По мнению экспертов, PR- и пресс-службы не в полной мере освещают деятельность органов исполнительной власти. По их мнению, наиболее эффективными формами распространения информации являются публикации в СМИ, а также проведение пресс-конференций и брифингов для прессы.

Эксперты отмечают, что зачастую большинство статей и сюжетов в СМИ оплачены, а значит необъективны. Кроме этого, по их мнению, в республике Бурятия существует дефицит квалифицированных журналистов.

ляют информацию для населения через массмедиа, то журналисты, в свою очередь, должны донести эту информацию до общества оперативно и достоверно. Это представляет собой одну из ступеней диалога, которая реализуется с помощью PR- и пресс-служб, призванных воздействовать на деятельность органов исполнительной власти и средств массовой информации, чтобы диалог способствовал более эффективному решению социальных задач.

Виртуализация органов власти в Бурятии, которая на сегодняшний день становится всё более популярной в условиях прогрессивного развития информационно-коммуникационной среды, носит фрагментарный характер. Только единицы учреждений органов исполнительной власти Республики Бурятия имеют представительство в глобальной сети интернет, в частности, свой сайт и официальные страницы в различных социальных сетях, и эффективно их используют для работы со своими целевыми аудиториями.

На сегодняшний день PR-технологии прочно вошли в нашу жизнь. Как правило, специалисты этой области широко востребованы в коммерческой сфере, в то время как государственный сектор привык обходиться без них. Однако для того, чтобы создать и поддержать доброжелательные отношения, достичь гармонии и взаимопонимания между государством и гражданским обществом, органы исполнительной власти должны взять на вооружение службы по связям с общественностью.

Библиографический список

Айдаева Н. А. 2005. Паблик рилейшнз муниципальной власти: Функции и специфика развития.: дис. канд. полит. наук. Спец.: 23.00.02-Политические институты, этнополитическая конфликтология. Улан-Удэ. 156 с.

Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия. 2015.: монография / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН. 183 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Vlast_i_obshestvo_2015_final.pdf [Дата посещения: 20.02.2018].

Гостенина В. И., Байрамов В. Д., Дорохова Ю. В. 2015. Опыт анализа деятельности PR-служб региональных органов власти (на примере Орловской области) // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 10. № 6. С. 43–48.

Дагбаев Э. Д., Гунзынов Ж. П. 2015. Связи с общественностью органов власти Республики Бурятия и государственные СМИ: проблемы взаимодействия // Вестник ВСГУТУ. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. № 3 (54). С. 132–136.

Девятко И. Ф. 2003. Методы социологического исследования. 3-е изд. М.: КДУ. 296 с.

Комплексное диагностическое исследование коммуникативной структуры гражданского общества // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 560 с.

Мацкевич И. В., Мацкевич А. Ю. 2010. Гражданское общество Республики Бурятия: автономия и структурное сопряжение // Муниципальная власть и гражданское общество: проблемы диалога и перспективы развития: материалы межрегион. научн.-практ. конф. (25 февраля 2010 г.) / Отв. ред. В. Б. Прокопьев. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета. С. 36–46.

Михайлова А. М. 2007. Политическая Интернет-коммуникация в современном региональном пространстве: на материалах Республики Бурятия: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук (23.00.02). Улан-Удэ. 26 с.

Тихонов А. В. 2017. Реформирование работы органов власти и управления как неотложная национальная проблема // Научный результат. Социология и управление. Т. 3. № 4. С. 70–106.

Ухинова Н. В. 2015. Реализация информационной политики исполнительными органами власти Республики Бурятия посредством интернет-сайтов // Вестник БГУ. Вып. 14 А. С. 106–109.

Шилова В. А. 2012. Информационные потребности современных НКО, оценка информативности и достоверности коммуникативных каналов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИИ. М.: РОС. С. 974–984. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4629 [Дата посещения: 10.02.2018].

Шилова В. А. 2013. Исследование гражданского общества России через призму проблемных жизненных ситуаций граждан // Модернизационный потенциал и социальные практики – основа конкурентноспособности и консолидации российских регионов. Тюмень: Тюменская Городская Дума. С. 762–768.

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.501](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.501)

Civil Society and Authorities in the Republic of Buryatia: Development of Interaction

Budnikova Natalya Sergeevna

Graduate student, FGBU VO Buriat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov, Ulan-Ude, Russia. E-mail: budnikova_natasha@mail.ru

Abstract. The need for political integration and modernization of Russia's political system made the idea of the formation and development of civil society urgent. The basic forms of its existence and prospects for development constitute the problem field of a number of social sciences. Theoretical and methodological approaches to solving problems of building civil society need to be confirmed by the practice of social management, which is the purpose of this article, which analyzes the effectiveness of interaction between executive authorities and civil society institutions with the help of public relations services. Informational and PR support in state structures is not only a certain guarantee of their legitimate existence, but also affects the effectiveness of activities. The problems of federalism, the growth of the powers of the regions of the country at the expense of federal powers make the work of public relations specialists not only at the federal level, but also at the level of the subjects of the federation of the republics, regions and at the local level. Local governments differ in their work from federal structures, since they are closer to the population than the central bodies of the state. In this regard, a study was conducted to determine the effectiveness of using public relations services in the interaction of executive authorities with civil society. In the course of the study, it was found that activities aimed at building harmonious relations with target groups, the public and institutions of civil society are carried out fragmentarily and inconsistently. In connection with this, the executive authorities are invited to strengthen their work in the communication and information sphere, to pay sufficient attention to the interaction of the government with civil society institutions in order to avoid social tensions.

Keywords: civil society, communication and information activities, public relations, press service, mass media.

References

Aydaeva N. A. Public relations munitsipal'noy vlasti: Funktsii i spetsifika razvitiya [Public Relations of Municipal Authorities: Functions and Specifics of Development]. Dis. kand. polit. nauk. Ulan-Ude, BurSU, 2005. 156 p. (in Russ.).

Complexnoe diagnosticheskoe issledovanie kommunikativnoy struktury grazhdanskogo obschestva. Sotziologiya upravleniya: fundamental'noe i prikladnoe znanie [Comprehensive diagnostic study of the communicative structure of civil society in Russia]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 560 p. (in Russ.).

Dagbaev E. D., Gunzynov J. P. Sviasi s obschestvennost'yu organov vlasti Respubliki Buryatiya i gosudarstvennye SMI: problemy vzaimodeystviya [Public relations of the authorities of the Republic of Buryatia and state-owned media: problems of interaction]. Vestnik VSGUTU, 2015, no. 3 (54), pp. 132136. (in Russ.).

Deviatko I. F. Metody sotziologicheskogo issledovaniya [Methods of Sociological Survey]. Moscow, KDU, 2003. 296 p. (in Russ.).

Gostenina V. I., Bayramov V. D., Dorokhova J. V. Opyt analiza deyatel'nosti PR-sluzhby regional'nykh organov vlasti (na primere Orlovskoy oblasti) [Experience in analyzing the activities of PR services of regional authorities (on the example of the Orel region)]. Srednerussky vestnik obschestvennykh nauk, 2015, vol. 10, no. 6. pp. 4348. (in Russ.).

Matskevich I. V., Matskevich A. Y. Grazhdanskoe obschestvo Respubliki Buryatiya: avtonomiya i strukturnoe sopriazhenie [Civil society of the Republic of Buryatia: autonomy and structural conjugation]. Munitsipal'naya vlast' i grazhdanskoe obschestvo: problemy dialoga i perspektivy razvitiya. Ed. by V. B. Prokopiev. Ulan-Ude, BurSU publ., 2010, pp. 36–46. (in Russ.).

Mikhaylova A. M. Politicheskaya Internet-kommunikatsiya v sovremennom regional'nom prostranstve: na materialakh Respubliki Buryatiya [Political Internet communication in the modern regional space: on the materials of the Republic of Buryatia]. Avtoref. dis. kand. polit. Nauk. Ulan-Ude, 2007. 26 p. (in Russ.).

Shilova V. A. Informatsionnye potrebnosti sovremennykh NKO, otsenka informativnosti i dostovernosti kommunikativnykh kanalov [Information needs of modern non-profit organizations, assessment of information content and reliability of communication channels]. Sotziologiya i obschestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie. Moscow, RSS publ., 2012, pp. 974–984. (in Russ.).

Shilova V. A. Issledovanie grazhdanskogo obschestva Rossii cherez prizmu problemnykh zhiznennykh situatsiy grazhdan [The study of civil society in Russia through the prism of the problematic life situations of citizens]. Modernizatsionny potentsial i sotsial'nye praktiki – osnova konkurentnosposobnosti i konsolidatsii rossiyskikh regionov. Tiumen', TGD publ., 2013, pp. 762–768. (in Russ.).

Tikhonov A. V. Reformirovanie raboty organov vlasti i upravleniya kak neotlozhnaya natsional'naya problema [Reforming of the work of power and management as an urgent national problem]. Nauchny rezul'tat. Sotziologiya i upravlenie, vol. 3, 2017, no. 4, pp. 70–106. (in Russ.).

Ukhinova N. V. Realizatsiya informatsionnoy politiki ispolnitel'nymi organami vlasti Respubliki Buryatiya posredstvom internet-saytov [Implementation of information policy by the executive bodies of the Republic of Buryatia through websites]. Vestnik BГУ, 2015, release 14, pp. 106–109. (in Russ.).

Vlast' i obschestvo v regionakh Rossii: praktiki vzaimodeystviya [Power and Society in the Regions of Russia: Interaction Practices]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 183 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Vlast_i_obshestvo_2015_final.pdf [date of visit: 20.02.2018]. (in Russ.).

Трибуна молодого учёного

Культура как фактор формирования жизненных ценностей российских студентов и студентов из Узбекистана

Латыпов Ильяс Альбертович –
студент 1 курса магистратуры,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

E-mail: i.latypov94@mail.ru

Культура как фактор формирования жизненных ценностей российских студентов и студентов из Узбекистана

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.502](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.502)

Аннотация. Согласно идеям социолога Р. Инглхарта, главными факторами, формирующими ценности, являются уровень экономического развития страны, где проживает человек, и доминирующая культура, в условиях которой проходила его социализация во время взросления. Разные страны образуют «культурные зоны» в силу исторически сложившейся связи культурных, религиозных и идеологических взглядов. Изменение ценностей сильно зависит от этих взглядов, и влияние экономического развития уходит на второй план. Культура как социальный институт позволяет нам различать представителей разных этносов, она укоренена в сознании людей и навязывает определённый образ мыслей. В зависимости от культурных традиций одни народы религиозны, другие нет. У одних народов развод и аборт воспринимаются нормально, у других осуждаются. Жизненные ценности – тот самый отпечаток культуры, который определяет мировоззрение людей. На примере сравнительного исследования влияния русской и узбекской культур на жизненные ценности студентов Северного (Арктического) федерального университета автор показывает важность традиций и обычаев, характерных для отдельной культуры. Определив различия между русской и узбекской культурами, которые выражаются в языке, религии, нормах и обычаях, дальнейший анализ посвящён рассмотрению основных жизненных ценностей. В фокусе внимания – три группы респондентов: узбеки из Узбекистана, русские из Узбекистана и русские из России. Среди основных жизненных ценностей рассматриваются «семья, брак», «образование», «любовь», «друзья», «материальный достаток», «религия», «свободное время», «здоровье», «патриотизм», «участие в политической жизни» и «трудовая деятельность». Приведён ранжированный список в порядке важности каждой ценности для всех трёх групп. Представлен анализ содержания данных ценностей, который позволяет определить, в чём сходства и различия между группами и как культурные компоненты влияют на каждую из них. По результатам исследования проявились ценности, которые главным образом зависят от культурных традиций, и те, которые на них не влияют.

Ключевые слова: жизненные ценности, студенты, культура, иностранные студенты, образование, язык, религия, нормы

Культура при изучении ценностей выступает одним из самых значимых факторов, определяющих различия [Магун, Руднев 2008; Inglehart 1997; Rudnev 2014]. При этом само понятие культуры довольно размыто, а различные методики изучения ценностей могут давать несопоставимые результаты.

Международные сравнения ценностей предоставляют богатый материал для исследования культурного влияния. Два самых крупных проекта в этой области – Европейское социальное исследование и Всемирное исследование ценностей. Р. Инглхарт и К. Вельцель после каждого этапа Всемирного исследования ценностей вводят новые изменения в теорию модернизации. На их взгляд, социально-экономическое развитие системным образом меняет представления и стремления людей, но влияние культурных традиций никуда не исчезает. Традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют «культурные зоны» с собственными ценностными системами – их наличие чётко прослеживается даже при всех поправках на результаты социально-экономического развития [Инглхарт, Вельцель 2011].

Религия, один из самых важных атрибутов множества культур, является весьма сильным фактором, задающим ценностные нормы. Известно, например, что на постсоветском пространстве христианские страны (Россия, Беларусь, Украина) более либеральны в отношении семейных норм, чем мусульманские (Узбекистан, Кыргызстан, Азербайджан). Однако в христианской Армении более нетерпимое отношение к абортам, разводу и особенно к сексу до брака, чем, например, в мусульманском Казахстане. Данные различия обусловлены уровнем религиозности исследуемых стран [Лопатина, Костенко, Понарин 2016].

Наше исследование тесно связано с влиянием религии на ценности. Но не только религия составляет основу культуры, другим значимым фактором является язык. Исследование ценностей носителей русского языка, например, показало, что в Эстонии и на Украине русскоязычные ближе к русскоговорящим россиянам, чем к титульным носителям языка. В Латвии же дело обстоит наоборот [Руднев 2009].

Чаще всего при исследовании ценностей используется методика Шварца [Карандашев 2004], а для исследования культурного влияния теория Инглхатра [Магун, Руднев 2012; Rudnev 2014]. В нашей работе мы постарались измерить ценности, используя другую методику, а понятию «культура» придали эмпирический вид.

Социально-экономическое развитие системным образом меняет представления и стремления людей, но влияние культурных традиций никуда не исчезает.

Основные понятия

Существует множество определений понятия «культура». Однако для нашего исследования будет достаточным такое определение: культура есть характерная для данного общества, исторически сложившаяся система взглядов и представлений, формирующая нормы и ценности индивидов. Это означает, что культура характеризует конкретное общество, то есть можно говорить о русской, узбекской, китайской и др. культурах. Именно культура передаётся по наследству и позволяет нам различать людей разных этносов.

Культура как системная характеристика включает ряд компонентов: нормы, обычаи, представления, нравы, законы, символы, язык и искусство [Кочергин 2008]. Не стоит забывать и о религии, ибо множество государств изначально были религиозными. Ценности также являются компонентом культуры. У любого народа своя совокупность ценностей, которые возможны в рамках именно этой культуры. Поэтому важно изучать ценности в комплексном рассмотрении культуры.

Жизненные ценности в нашем исследовании рассматриваются как базовый набор мотиваций, определяющих поведение человека. Ценности создают нормы в сознании людей.

Эмпирическая база и инструментарий

Используя методику Саганенко [Многообразие возможностей... 2005], в Узбекистане и России летом 2015 г. был проведён опрос и выявлен список ценностей, которые представляют наибольшую важность для респондентов. На основе этого списка составлена анкета, касающаяся содержания данных ценностей.

Исследование культурного влияния проводилось на базе Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (САФУ) в марте–апреле 2017 г. Были составлены две выборки.

Первую выборку составляют студенты САФУ из Узбекистана. Тип выборки – квотная. На март 2017 г. в САФУ обучалось 210 студентов из Узбекистана. В нашем исследовании был опрошен 141 студент. В целом выборка пропорциональна генеральной совокупности по полу и курсу. 19% респондентов женского пола и 81% – мужского. В основном студенты бакалавриата, а именно: 1 курс – 39%, 2 курс 22,7, 3 курс – 26,2, 4 – 10,6%. Также 1,4% – магистранты 2 курса. Выборка имеет доверительную вероятность 95% и доверительный интервал 5%.

Жизненные ценности рассматриваются как базовый набор мотиваций, определяющих поведение человека. Ценности создают нормы в сознании людей.

Вторая выборка, состоящая из российских студентов САФУ, также квотного типа. По данным отчёта о самообследовании САФУ, на 2016 г. общий контингент студентов, обучавшихся по программам высшего образования, составлял 13 600 чел. Выборочная совокупность в данном исследовании включила 373 чел.; 43% – мужского пола и 57% – женского. Также выборка пропорциональна генеральной совокупности по курсу обучения.

По итогам опроса, из общей выборки 514 чел. были выделаны 5 групп по признакам национальности и гражданства¹: русские из России (329), узбеки из Узбекистана (60), русские из Узбекистана (41), а также другие национальности из России (44) и Узбекистана (40). В фокусе нашего исследования стали первые три группы, которые и являются носителями русской и узбекской культур.

Выделив четыре основных компонента культуры, мы определили характерные сходства и различия трёх групп по языку, религии, нормам поведения и обычаям (см. таблицу 1). Наиболее важными выступают *язык* и *религия*. Очевидно, что русский язык является родным для русских из Узбекистана и русских из России, а узбекский язык – родной для узбеков. При этом 33,3% последних указали, что русский язык и для них является родным. По религиозным взглядам русских из Узбекистана и России объединяет христианство (61 и 52,5% соответственно), а для узбеков характерно мусульманство (89,5%).

Таблица 1

Культурная схожесть трёх групп студентов

Культурные компоненты	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Язык	Узбекский	Русский	Русский
Религия	Мусульманство	Христианство	Христианство
Нормы	Высокий уровень запретов	Умеренный уровень запретов	Умеренный уровень запретов
Обычаи	Значимо соблюдение религиозных обрядов	Не значимо соблюдение религиозных обрядов	Не значимо соблюдение религиозных обрядов

Под *нормами* понимается отношение к сожителю, разводу, сексу до брака и аборту. Выявлено, что узбеки из Узбекистана весьма негативно относятся ко всем описанным феноменам, в особенности к разводу и аборту. В других группах наблюдается положительное отношение к сожителю и сексу до брака, и в целом отрицательное к разводу и аборту, хотя и не такое резкое, как в первой группе. Сходства в отношении

¹ Национальность определялась ответом на вопрос: «К какой национальности вы себя относите?».

к данным феноменам среди русских из Узбекистана и русских из России понимается нами как принадлежность к одной русской культуре.

Под *обычаями* понимаются семейные традиции. В целом для респондентов всех трёх групп значимы три типа событий: дни поминовения усопших, дни рождения родственников и гражданские праздники (Новый год, 8 Марта, 9 Мая). Однако для узбеков наиболее значимо соблюдение религиозных обрядов (посещение религиозных мест, посты, праздники).

В последующем анализе результатов изучения ценностей данные культурные компоненты будут играть весьма значимую объяснительную роль.

Результаты сравнения ценностей

Респондентам был представлен список из 11 наиболее важных ценностей, которые необходимо было ранжировать в порядке значимости. В [таблице 2](#) представлены результаты по трём интересующим нас группам. Видно, что расположение ценностей русских из Узбекистана и русских из России схоже, и лишь последние три ценности отличаются. Рассмотрим содержание данных ценностей.

Таблица 2

Ранжирование ценностей по значимости

№	Ценности узбеков	Ценности русских из Узбекистана	Ценности русских из России
1	Семья, брак	Семья, брак	Семья, брак
2	Здоровье	Здоровье	Здоровье
3	Образование	Любовь	Любовь
4	Религия	Образование	Образование
5	Друзья	Друзья	Друзья
6	Патриотизм	Деньги, материальный достаток	Деньги, материальный достаток
7	Любовь	Трудовая деятельность	Трудовая деятельность
8	Деньги, материальный достаток	Свободное время	Свободное время
9	Трудовая деятельность	Религия	Патриотизм
10	Свободное время	Патриотизм	Участие в политической жизни
11	Участие в политической жизни	Участие в политической жизни	Религия

Ценность «семья, брак» определялась ответами на вопросы о формах организации семьи, причинах вступления в брак и ценности качеств, воспитываемых у детей.

70,2% русских из России и 90,2% русских из Узбекистана считают, что супруги играют равную роль в семье, в то время как 88,3% узбеков утверждают, что главой семьи является мужчина. При этом 88,6% узбеков, поддерживающих патриархат, исповедуют ислам.

Среди основных причин вступления в брак респонденты всех трёх групп назвали «любовь» и «желание создать семью». Наиболее важными качествами воспитания детей являются «умение самостоятельно мыслить, иметь свою точку зрения», «ответственность за свои поступки», «трудолюбие» и «уважительное отношение к другим людям». Религиозность в воспитании детей поддержали 53,3% узбеков, что также связано с важностью религии для узбекской культуры.

Здоровье, здоровый образ жизни в понимании студентов это регулярное занятие спортом, отказ от вредных привычек, а также рациональный режим дня, под которым понимается здоровый сон и правильное питание. Наличие вредных привычек не характерно для большинства респондентов всех трёх групп, однако значительная часть русских из России употребляют алкоголь (см. таблицу 3). В целом, на ценность «здоровье» культурные компоненты не оказывают значимого влияния. Высокий уровень потребления алкоголя характерен для современной России [Черемисина, Ивлиев, Талалаев 2014], но ни в коем случае не может являться показателем культуры.

Таблица 3

Наличие вредных привычек, %

Вредные привычки	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Курение	10,0	24,3	20,3
Алкоголь	0,0	4,8	41,6
Психоактивные вещества	0,0	2,4	0,3
Нет вредных привычек	90,0	75,6	51,3

Ценность образования для студентов определяется практической значимостью. Что касается понимания роли высшего образования, то мнения студентов разделились (см. таблицу 4). Для русских из Узбекистана высшее образование означает расширение кругозора. Для узбеков это скорее возможность найти хорошую работу, а для русских из России – возможность повысить свой социальный статус. Однако большинство респондентов всех трёх групп единодушны в том, что основная цель получения высшего образования – саморазвитие и польза для дальнейшей профессиональной деятельности. Тем не менее культурного влияния на ценность образования не обнаружено. Скорее, понимание ценности высшего образования связано с индивидуальными целями студентов и экономическим положением.

Среди основных причин вступления в брак респонденты трёх групп студентов (узбеки из Узбекистана, русские из Узбекистана и русские из России) назвали «любовь» и «желание создать семью».

Наличие вредных привычек не характерно для большинства респондентов всех трёх групп, однако значительная часть русских из России употребляют алкоголь.

Ценность образования для студентов определяется практической значимостью. О роли высшего образования мнения студентов разделились: для русских из Узбекистана высшее образование означает расширение кругозора, для узбеков это скорее возможность найти хорошую работу, а для русских из России – возможность повысить свой социальный статус.

Таблица 4

Роль высшего образования в жизни человека, %

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Помогает найти хорошую работу	41,7	17,1	22,2
Помогает человеку расширить свой кругозор	31,7	48,8	29,8
Позволяет человеку повысить свой социальный статус	8,3	17,1	31,9
Не играет большой роли в жизни человека	10,0	14,6	13,7
Затрудняюсь ответить	6,7	0,0	1,5
Другое	1,7	2,4	0,9

Ценность «дружья» равнозначна для респондентов всех групп (см. таблицу 2), но ценность дружбы понимается по-разному. Для всех респондентов дружба – это, несомненно, поддержка, особенно ценяемая узбеками. Для русских из России кроме того важен «весёлый досуг». Русские из Узбекистана в целом с ними согласны. Различия в ценностном понимании есть, но вот культурное влияние не очевидно. Можно сказать, что сплочённость в большей степени характерна для узбеков, поэтому поддержка так важна для них [Основы поликультурного... 2017: 58] (см. таблицу 5).

Таблица 5

В чём проявляется дружба, %

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Одинаковость	28,3	31,8	38,3
Поддержка	50,5	38,9	41,0
Весёлый досуг	22,2	34,5	40,8

Наиболее ценными качествами дружбы студенты всех трёх групп назвали доверие, честность, верность дружбе и доброту.

Ценность «трудовая деятельность» рассматривалась в связи с важнейшими характеристиками труда и мотивацией работать по специальности. Среди важнейших характеристик труда респонденты выделили достойную заработную плату, хороший коллектив и интересную работу. При этом для русских из России наибольшее значение имеет достойная заработная плата, а для узбеков и русских из Узбекистана наиболее важна интересная работа (см. таблицу 6).

Таблица 6

Важнейшие характеристики труда, %

Характеристики	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Престиж профессии	13,3	14,6	14,5
Достойная заработная плата	61,6	73,1	85,7
Хороший коллектив	71,6	43,9	58,3
Интересная работа	78,3	90,2	62,6
Возможность карьерного роста	33,3	43,9	44,9
Наличие социальных гарантий (отпуск, удобный график и т. д.)	26,6	17,0	34,9
Спокойная, нетрудная работа	8,3	7,3	9,1
Другое	0,0	0,0	0,6

Большинство респондентов всех трёх групп хотят работать по полученной в вузе специальности. Причём у студентов из Узбекистана эта мотивация выражена более ярко (см. таблицу 7).

Таблица 7

Хотите ли вы работать по специальности, %

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Да	83,3	83,0	64,7
Нет	13,3	17,1	22,8
Затрудняюсь ответить	3,3	0,0	12,5

Как показывает анализ ценностей, на «образование» и «трудовую деятельность» культурное влияние не велико. Различия в понимании данных ценностей объясняются разными обстоятельствами социализации. Хотя русские из Узбекистана и принадлежат к русской культуре, выросли они в другой среде, нежели российские дети, и у них другие цели, чем у узбеков. 95,1% русских из Узбекистана хотят остаться в России после окончания обучения и только 28,3% узбеков имеют такие же намерения. Одна из наиболее важных целей в жизни для русских из Узбекистана – самореализация (46,3%), а для узбеков – благополучие семьи (40%). Конечно, не стоит забывать, что большинство студентов из Узбекистана – мужчины.

Как уже говорилось выше, по религиозным взглядам русских из Узбекистана и русских из России объединяет христианство (61 и 52,5%), а для узбеков характерно мусульманство (89,5%). Эти цифры уже объясняют степень важ-

ности религии в жизни студентов. В ранжированном списке религия как ценность у узбеков на 4 месте, у русских из Узбекистана на 9-м, а у русских из России на последнем 11 месте (см. таблицу 2), что в целом отражает роль религии в жизни верующих студентов. По таблицам 8 и 9 видно, что узбеки чаще посещают религиозные организации и больше соблюдают религиозные обычаи и традиции. Несомненно, такая роль религии в жизни студентов обусловлена культурной принадлежностью.

Таблица 8

Частота посещения религиозных организаций, %

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Каждую неделю	6,9	0,0	0,0
Раз в месяц	3,4	0,0	4,2
Во время религиозных праздников	43,1	8,0	10,5
Изредка	22,4	76,0	50,8
Не посещаю вообще	24,1	16,0	34,6

Таблица 9

Соблюдение религиозных обычаев, обрядов и традиций, %

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Да, я соблюдаю все традиции, посты, обычаи и обряды	22,4	0	1
Стараюсь соблюдать наиболее значимые	32,8	40	15,2
Соблюдаю частично	37,9	44	36,6
Не соблюдаю	6,9	16	47,1

Ценность «патриотизм» также неоднозначна для студентов. Гордость за свою страну характерна для 96,7% узбеков и 73,6% русских из России. Лишь 56,1% русских из Узбекистана гордятся тем, что они граждане Узбекистана, тогда как 36,6% не очень этим гордятся. Именно поэтому ценность «патриотизм» наименее значима для русских из Узбекистана (см. таблицу 2).

«Материальный достаток» более важен для представителей русской культуры. Однако степень удовлетворённости своим финансовым положением для респондентов всех групп практически одинакова и значимо не отличается (см. таблицу 10).

Ценность материального достатка тесно связана с трудовой деятельностью, но на прямой вопрос, что важнее, студенты не смогли дать однозначного ответа. Большинство студентов

Гордость за свою страну характерна для 96,7% узбеков и 73,6% русских из России. Лишь 56,1% русских из Узбекистана гордятся тем, что они граждане Узбекистана, тогда как 36,6% не очень этим гордятся.

считают, что могут заниматься любимым делом и иметь высокий доход. Поэтому и деньги, и работа одинаково важны для студентов из двух стран, что подтверждается близостью ценностей в ранжированном списке.

Таблица 10

**Степень удовлетворённости финансовым положением
по 10-балльной шкале**

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Степень удовлетворённости	5,61	5,29	5,02

44,1% русских из России отметили, что рассматривают вариант переезда в другую страну для большего заработка. Учитывая, что русские из Узбекистана собираются остаться в России, можно отметить, что миграционные настроения среди молодёжи очень высоки. Студенты ищут возможности для лучшей жизни, и материальные стимулы играют важную роль. Поэтому «деньги» как ценность имеют высокий показатель.

Содержание ценностей «любовь» и «свободное время» не рассматривалось в исследовании в силу субъективности восприятия¹. Что касается ценности «участие в политической жизни», учитывая разные политические ситуации двух стран, мы измерили интерес к политике, влияние политической жизни на личный успех и степень участия российских студентов в голосованиях различного уровня. В силу того, что студенты из Узбекистана с 18 лет находятся на обучении в России, их участие в политической жизни Узбекистана весьма затруднительно.

По таблице 11 видно, что студенты из Узбекистана больше интересуются политикой, в особенности представители узбекской национальности. Такой повышенный интерес к политике скорее связан с избранием нового президента Узбекистана и проведением реформ.

Таблица 11

Интерес к политике, %

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Очень интересуется	45,0	26,8	8,8
Скорее интересуется	40,0	34,1	32,8
Не очень интересуется	6,7	24,4	40,1
Совсем не интересуется	5,0	9,8	14,3
Затрудняюсь ответить	3,3	4,9	4,0

¹ Автор искренне надеется на понимание читателями важности любви в жизни каждого человека.

Большинство русских из Узбекистана и русских из России считают, что политическая жизнь в стране не сильно влияет на личный успех. 51,7% узбеков уверены в обратном (см. таблицу 12). Учитывая миграционные настроения студентов, подобные цифры можно назвать вполне релевантными.

Таблица 12

Влияние политической жизни на личный успех %

	Узбеки из Узбекистана	Русские из Узбекистана	Русские из России
Сильно влияет	51,7	4,9	20,7
Не очень сильно влияет	31,7	46,3	43,8
Совсем не влияет	8,3	43,9	18,2
Затрудняюсь ответить	8,3	4,9	17,3

Участие в голосовании на выборах различного уровня принимают 43,5% русских из России. Не принимают участия вовсе – 41,9% студентов. Подобная ситуация в целом характерна для российской электоральной системы [Горшков, Шереги 2010: 134].

Заключение

Выделив 4 основных компонента культуры: язык, религия, нормы и обычаи, мы выявили, что объединяет русских из Узбекистана и русских из России, и чем от них отличаются узбеки. Анализ показал, что религия находит отражение в нормах и запретах в семейно-брачных отношениях.

В связи с большим влиянием религии на нормы и обычаи обнаружено культурное влияние на ценность «семья, брак». Также сильно различаются значимость и содержание самой ценности «религия». Именно эти две ценности, на наш взгляд, имеют прямое воздействие культуры, то есть характерной для данного общества, исторически сложившейся системы взглядов и представлений. Для узбекской культуры в большей степени характерна религиозность, и поэтому она находит своё отражение в семейно-брачных отношениях. Несмотря на то, что религия объединяет русских из Узбекистана и из России, она всё же важнее для первых, что наглядно отражается в ранжированном списке ценностей, частоте посещения религиозных организаций и соблюдении религиозных традиций и обычаев.

Ценности «друзья» и «материальный достаток» также имеют косвенное культурное влияние. Несмотря на то, что ценность «друзья» находится на 5 месте у всех групп респондентов, содержание данной ценности различно по группам,

и как видно из таблицы 5, русские из Узбекистана ближе к русским из России, чем к узбекам. На ценность «материальный достаток» оказывает большое влияние высокий уровень миграционных настроений среди представителей русской культуры. Ранжированный список ещё раз подтверждает большую ценность материального достатка для русских по сравнению с узбеками.

По ценностям «образование» и «трудовая деятельность» обнаружены различия в понимании у всех трёх групп. Однако студенты из Узбекистана в большей степени мотивированы работать по полученной в вузе специальности. По ценности «здоровье» различий в её понимании и важности не обнаружено, но студенты из Узбекистана в большой степени склонны вести здоровый образ жизни.

Ценность «патриотизм» наименее важна для русских из Узбекистана, что подтверждается степенью гордости за своё происхождение. Ценность «участие в политической жизни» наименее важна для всех групп. Высокий уровень интереса к политике для граждан Узбекистана связан с избранием нового президента. В целом обе ценности связаны с внутриполитической ситуацией в двух странах, что и обуславливает различные оценки. Также сказываются миграционные настроения русских из Узбекистана. Содержание ценностей «любовь» и «свободное время» не рассматривалось, но по ранжированному списку видно, что данные ценности важнее для представителей русской культуры.

Следует заметить, что ценности «участие в политической жизни» и «религия» зависят от пола. Девушки меньше интересуются политикой и чаще посещают религиозные организации. Такие переменные, как возраст, семейное положение, материальное положение, курс обучения и специальность значимого влияния на оценки студентов не оказывают.

Библиографический список

Гегер А. Э. 2010. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения // Социологические исследования. № 1. С. 132–141.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2010. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ. 592 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.

Карандашев В. Н. 2004. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь. 72 с.

Ценность «патриотизм» наименее важна для русских из Узбекистана, что подтверждается степенью гордости за своё происхождение. Ценность «участие в политической жизни» наименее важна для всех групп.

Кочергин А. Н. 2008. Культура как система // Вестник ТГПУ. № 1. С. 109–115.

Лопатина С. Л., Костенко В. В., Понарин Э. Д. 2016. Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX. № 3. С. 95–115.

Магун В. С., Руднев М. Г. 2008. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № 1. С. 33–58.

Магун В. С., Руднев М. Г. 2012. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № 3–4. С. 12–24.

Основы поликультурного образования: потенциал развития в Архангельской области: монография / Н. Ю. Флотская, И. И. Тюрикова, С. Ю. Буланова [и др.]. Архангельск: САФУ, 2017. 96 с.

Руднев М. Г. 2009. Влияние «русскоязычности» на жизненные ценности // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 28. С. 107–128.

Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть 2 / Под ред. Г. И. Саганенко. СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2005. 155 с.

Черемисина Н. В., Ивлиев М. И., Талалаев Д. Д. 2014. Алкоголизм: глобальная проблема современной России // Социально-экономические явления и процессы. № 11. С. 163167.

Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.

Rudnev M. 2014. Value Adaptation among Intra-European Migrants: Role of Country of Birth and Country of Residence // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 45. № 10. P. 16261642.

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.502](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.502)

Culture as a Factor in the Formation of Vital Values Among Russian Students and Students from Ouzbekiston

Latipov Ilyas Albertovich

Graduate student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: i.latypov94@mail.ru

Abstract. According to the ideas of sociologist R. Inglehart, the key factors in the formation of values are as follows: the level of economic development of one's country of residence, and the dominant culture in those conditions where a person's socialization occurred while they were growing up.

Various countries form “cultural zones”, due to the historical connection between cultural, religious and ideological viewpoints. Shifts in values are strongly dependent on these views, while the effects of economic development fade into the background. Culture as a social institute allows us to differentiate people who represent varying ethnicities: it is engrained in one’s mentality and forces a certain way of thinking upon a person. Depending on cultural tradition, certain nations are religious, while others are not. Some nations consider divorce and abortions to be acceptable, while others condemn both. Vital values are the cultural imprint which determines people’s perception of the world. Using a comparative study of the influence which Russian and Uzbek cultures have on the vital values of students at the Northern (Arctic) Federal University, the author demonstrates the importance of traditions and practices typical to any given culture. After defining the differences between Russian and Uzbek cultures, which are expressed in language, religion, norms and traditions, further analysis is dedicated to examining key vital values. Attention is directed towards three groups of respondents: Uzbeks from Uzbekistan, Russians from Uzbekistan and Russians from Russia. Among the main vital values considered are “family, matrimony”, “education”, “love”, “friends”, “material well-being”, “religion”, “leisure time”, “health”, “patriotism”, “participation in political activities” and “working activity”. Cited is a ranked list in order of the importance of each value for all three groups. Conducted is an analysis of the content of said values, which allows for determining the similarities and differences between these groups, as well as how cultural components affect each one of them. This study resulted in revealing those values which are mainly dependent on cultural traditions, as well as those which have no effect on them.

Keywords: life values, students, culture, foreign students, education, language, religion, norms.

References

Cheremisina N. V., Ivliev M. I., Talalaev D. D. Alkogolizm: global’naya problema sovremennoy Rossii [Alcoholism: the global problem of modern Russia]. *Sotzial’no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2014, no. 11, pp. 163–167 (in Russ.).

Flotskaya N. Y., Tyurikova I. I. and al. Osnovy polikul’turnogo obrazovaniya: potentsial razvitiya v Arkhangel’skoy oblasti [Fundamentals of multicultural education: the development potential in the Arkhangelsk region]. Arkhangelsk, SAFU, 2017. 96 p. (in Russ.).

Ghegher A. E. Vviyavlenie individual’nykh i gruppyvnykh tsennostey v gruppe molodiozhi. Relevantnyye metodicheskie resheniya [Revealing individual and group values in youth groupings, Relevant methodic solutions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, no 1, pp. 132–141 (in Russ.).

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodiozh’ Rossii: sotziologichesky portret [The Youth of Russia. Sociological Portrait]. Moscow, CSPiM publ., 2010. 592 p.

Inglehart R., Wetzels K. Modernizatsiya, kul’turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel’nost’ chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow, Novoe izdatel’stvo, 2011. 464 p. (in Russ.).

Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton, Princeton University Press, 1997. 464 p.

Karandashev V. N. Metodika Shvartsa dlia izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz’s method for studying the values of personality: a concept and a methodical guide]. Saint-Petersburg, Rech, 2004. 72 p. (in Russ.).

Kochergin A. N. Kul’tura kak sistema [The Culture as a System]. *Vestnik TGPU*, 2008, no 1, pp. 109–115 (in Russ.).

Lopatina S. L., Kostenko V. V., Ponarin E. D. Delo ne v islame: otnoshenie k abortam, razvodam i dobrachnomu sexu v devyati postsovetских gosudarstvakh [It’s not about Islam: the attitude to abortion, divorce and premarital sex in nine post-Soviet states]. *Zhurnal sotziologii i sotzial’noy antropologii*, 2016, vol. XIX, no. 3, pp. 95–115 (in Russ.).

Magun V. S., Rudnev M. G. Cennostnaya geterogenost’ naseleniya evropeyskikh stran: tipologiya po pokazatelyam R. Ingleharta [The value heterogeneity of the population of European countries: the typology by R. Inglehart’s indicators]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*, 2012, no. 3–4, pp. 12–24 (in Russ.).

Magun V. S., Rudnev M. G. Zhiznennye cennosti rossiyskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami [Values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries]. Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii, 2008, no. 1, pp. 33–58 (in Russ.).

Mnogoobrazie vozmozhnostey sotziologicheskogo izucheniya sfery obrazovaniya [The variety of possibilities for sociological study of the sphere of education]. Part 2. Ed. by G. I. Saganenko. Saint-Petersburg, GNU IOV RAO publ., 2005. 155 p.

Rudnev M. G. Vliyanie «russkoyazychnosti» na zhiznennye tsennosti [The influence of “Russian-language” on life values]. Sotziologiya 4M: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie, 2009, no. 28, pp. 107–128 (in Russ.).

Rudnev M. Value Adaptation among Intra-European Migrants: Role of Country of Birth and Country of Residence. Journal of Cross-Cultural Psychology. Vol. 45. 2014, no 10, pp. 16261642.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>